

Юрий ПОМИНОВ

**ЧТО ПРОЙДЁТ,
ТО БУДЕТ МИЛО**

Очерки и рассказы

Павлодар
2014

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)

Поминов Ю.Д.

П55 «Что пройдёт, то будет мило»: очерки и рассказы/Юрий Поминов. Павлодар, 2014 – 288 стр.

ISBN 978-601-7112-80-6

Юрий Поминов – автор книг «Крупяной клин» (1990 г.), «Помню и люблю» (1993 г.), «Характеры» (1997 г.), «Живу» (1998 г.), «Мои современники» (1999 г.), «Между прошлым и будущим» (2002 г.), «Блестки» (2003 г.), «Хроника смутного времени» (книга первая – 2007 г.), «Хроника смутного времени» (книга вторая – 2009 г.), «Хроника смутного времени» (книга третья – 2010 г.), «Избранное» (2011 г.), «Свет отчего дома» (2011 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2013 г.), «Друзей моих прекрасные черты» (2013 г.), «Блестки». Издание второе, дополненное (2014 г.). Печатался в казахстанских и российских журналах «Простор», «Нива», «Аманат», «Журналист», «Огонек», в альманахе Ростовской писательской организации «Южная звезда», коллективных сборниках «Лик земли», «Талант владеть землей», «Отцовское поле», «Книга надежд» («Новая проза Казахстана»), «Был случай».

Автор выражает благодарность другу, председателю Союза журналистов Казахстана Сейтказы Матаеву за помощь в издании этой книги.

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)

ISBN 978-601-7112-80-6

© Юрий Поминов, 2014
© ТОО «Дом печати», 2014

ПАРАДОКСЫ И КОНТРАСТЫ ЮРИЯ ПОМИНОВА, ИЛИ БЫТИЕ, ОСНОВАННОЕ НА ЛЮБВИ

*Время берёт нас не тогда,
когда ему нас жалко,
а тогда, когда мы ему нужны.*

В. Шкловский

Новая книга Ю. Поминова опять оказалась непохожей на его прежние сборники, собрав под одной обложкой совершенно разные, а то и контрастные характеры и судьбы. И в то же время в основе своей, в главном – отношении к людям, природе и самой жизни – она совершенно родственна своим более старшим собратьям.

В известной степени она очень близка его первой «толстой» книге, названной по-шукшински просто – «Живу», и в то же время посвящённой самому главному в «составе» человека, его соли – характеру.

Прошли годы и годы, изменился горизонт обзора (теперь перед автором весь мир, который из павлодарско-казахстанского ядра-основы вырос до другого ядра – Земного шара).

Неизменным осталось главное в русской литературе, её этическая суть – беспредельная и бескорыстная любовь к человеку. (Не верьте, ради Бога, в критический реализм).

Хотя лихие годы прошли по характеру и самого писателя – позиция стала строже, в чём-то даже жёстче, но, повторю, удивительно цельная, по-крестьянски устойчивая натура сохранилась. Хотя, разумеется, всё не так просто и, тем более, благостно, но природный художественный вкус не позволяет нарушить раз и навсегда обозначенные границы в трактовке добра и зла. В этом отборе, в понимании того, что нельзя всё, что есть в жизни, переносить в литературу, в этом, часто подспудном, не всегда осознанном отборе и заключается одна из основных граней таланта истинного, если хотите, Богом данного.

Книга состоит из самостоятельных очерков и рассказов, связанных в одно целое образом автора, его отношением к героям, да и к самой жизни. Он сотворил этот мир, состоящий из

семи равноценных частей. Символическая, надо сказать, цифра, если вспомнить, за сколько дней создал наш мир Творец.

Очерк, посвящённый отцу, имеет для меня особое значение, хотя бы потому, что это и мой отец, и я тоже писал о нём несколькими годами раньше. Я написал о своём, мягко говоря, противоречивом отношении к нашему отцу-фронтовику, но нигде не напечатал, более того, и не собирался, но самым близким моим людям прочитать дал.

Брат же опять нашёл ход, в данной ситуации, может быть, единственно возможный. Это очерк – документ, с короткими комментариями. И даже здесь, оказавшись обладателем уникальных документов, он не превращается в бесстрастного хроникёра (как, между прочим, и в своих многолетних «Хрониках»). Ю.Поминов – лирический писатель. А лирика, как известно, труднейший из всех видов литературного творчества. Лирическая проза – двойной тяжести труд. Не ищет автор лёгких путей, этого не отнять. Если хотите, он мне по-своему открыл моего отца, так что не надо думать, что кто-то может стать обладателем единственно правильной точки зрения. Всей правды не знает никто, даже о самых близких нам людях, даже о себе. Как писал М. Пришвин: «Ругайтесь, даже деритесь, только не делайте выводов».

В очерке об отце меня поразили две составляющие: во-первых, насколько чётко работала, так сказать, бюрократическая машина. От представления к награде командиром батальона проходили буквально дни. Война не была основанием для волокиты, так всем нам знакомой, когда документ может лежать под носом у маленького-маленького начальника до тех пор, пока он его каким-то неведомым образом всё-таки не потеряет. Да, богатыри – не мы. И второе, самое главное – ведь нашим отцам было по 20 лет, а они решали судьбу Европы. Невероятно. А потом они не любили вспоминать войну. Как тяжёлую-тяжёлую работу.

Контрастом войне стал, я бы сказал, апофеоз любви, романтическая сага, песнь любви в совершенно неожиданном для меня очерке, творчески близком «Тёмным аллеям» Ивана Бунина. Там тоже был контраст – «Аллеи» создавались в холодном, голодном Париже, на склоне жизни, во время войны.

Наш юный отец ночами прокладывал разведчикам тропы в минных полях, а пожилой Бунин в это время «предавался любви». Вот они контрасты и парадоксы. И после этого мы смеем предположить, что человечество живёт нормальной жизнью?!

Сага любви Ю. Поминова чувственна и целомудренна, соткана как паутина, из тончайших нюансов, в которую, тем не менее, попадаешь без всякой надежды вырваться.

Откровенность и чистота необъяснимым образом сопрягаются, в итоге рождается... литература.

Что делает литературу одним из величайших, если не величайшим, достижений цивилизации? Слова? Не только. Вернее, не столько. Слово – это материал, как краски, мрамор, звук.

Литературу рождает душа, вложенная в слово, как высшее проявление красоты, способной спасти мир, по мысли Достоевского; как «огонь, мерцающий в сосуде», по точнейшему выражению уже творца 20 века – Николая Заболоцкого.

На такой высокий лад, как, может быть, ни покажется странным, на первый взгляд, меня настроили «ностальгические заметки», по определению самого автора Ю. Поминова, с ироническим названием «Если нет искры в мозгу...».

Ирония призвана несколько затушевать глубочайший лиризм воспоминаний о годах учёбы в КазГУ середины 70-х годов 20 века.

Где тоталитаризм, зародыш будущего застоя, пустые прилавки, торжество дефицита, холодная война?

Только любовь к братски любимым однокурсникам и опять же лёгкая ирония и к себе, и к ним, и ко всему белому свету. Мне это понятно – молодость счастлива всегда, по определению.

Мне, и не раз, приходилось писать об уникальном не художественном качестве, а душевном великодушии этого писателя, у которого практически нет отрицательных персонажей. Вернее, они есть, но нет не то, чтобы злости по отношению ним (в данном случае портившим немало крови самому автору, а не только его героям), но и вообще каких-то уничижительных оценочных характеристик.

Я вообще склонен считать это качество творческой индивидуальности Ю. Поминова – добро – квинтэссенцией его художественного мира.

Записки об этом. О чём?

Это уникальная красавица Алма-Ата в снежно-изумрудном обрамлении неповторимых вершин Заилийского Алатау. В сердце Алма-Аты – университет, как отдельный, автономный мир, населённый яркими, талантливыми в жизни, творчестве – во всех проявлениях родными людьми – однокурсниками и преподавателями факультета журналистики.

Прошло 40 лет. А память сохранила имена и даты, мельчайшие детали тех или иных событий, нюансов, характеров.

Я сам закончил филфак КазГУ шестью годами позже, поэтому нас учили во многом одни и те же преподаватели, поэтому я совершенно ответственно заявляю, что портретная галерея наших учителей, на мой взгляд, уникальна по глубине и кристальной чистоте нравственного чувства.

Я даже испытал некоторую ревность. А смог бы я с такой же силой признаться в любви тем, кто не просто учил нас – лепил из нас людей?!

Но всё-таки наиболее сильные строки посвящены друзьям. Это и понятно, когда живёшь, общаясь, находясь рядом, практически 24 часа в сутки.

Но нельзя не сказать и о другом. Этому романтическому напору юношеской памяти сердца не противостоит, сопутствует зачастую печальный взгляд зрелого человека, пожившего, постигшего истинную цену всему и вся, а самое главное – знающего будущее, то, что будет через 40 лет.

Удивительное чувство возникает при чтении рукописи – мир двоится, опять контраст, вчерашние гении, подающие небывалые надежды в молодости, оказываются торговцами на базаре или, пуще того, обитателями «мест не столь отдалённых».

Автор не отводит взгляда и от этой стороны нашей пёстрой, противоречивой, очень часто безалаберной жизни, ничего не боится.

Но и опять парадокс. Это не критика и уж тем более – не отторжение.

Это высокая печаль о том, сколько светлых умов, сердец, душ не были реализованы.

Но, разумеется, нет ни отчаяния, ни разочарования. Всё многократно перекрывается безмерной верой в человека.

Вообще, меня всегда поражало, как из нашей «безликой, беспросветной, бесправной» молодости, как утверждают нынешние креативные, продвинутые историки, политологи, социологи и прочие «ологи», вышло столько личностей, не только сохранивших державность родной земли, но сберегших «душу живу».

Поистине, «жизнь больше войны», и автор это знает и чувствует также хорошо, как и автор этих слов – гениальный и трагический Александр Твардовский.

Я знаю, как минимум, половину ближайших друзей автора, которым посвящены персональные главки. Но и опять – именно Ю.Поминов, мой старший брат, по совместительству, открыл мне их истинную суть.

У Василия Михайловича Дмитровского – в братовом тексте – Васьки, я жил во время поступления в университет и тоже могу немало поведать о его феерическом характере.

Сын уважаемых, талантливых и просто замечательных людей, тем не менее, не пошёл по пути столичной «золотой молодёжи», на который был обречён с рождения. Его демократизм, думаю, превосходит, наше с братом вместе взятое крестьянское отсутствие снобизма.

Лучший друг брата – Анатолий Егоров, характер, подобный гончаровскому Штольцу – в смысле самоорганизации, внутренней дисциплины, последовательности в достижении цели – полная противоположность В. Дмитровскому. Но они, как два крыла, не просто необходимы Юрию Поминову – он не мыслит своей жизни без них.

А чего стоит гусар Владимир Леев? А Паша Б., сотканный из невинности и раздолбайства – сам себе антипод, Касым, и его специфические достоинства?! Читатель, вне всякого сомнения, получит истинное наслаждение от знакомства с этими, без малейшего преувеличения, шукшинскими характерами, вылепленными с такой же любовью и художественной силой.

Не менее состоятельны и художественно убедительны, но, я бы сказал, менее развёрнуты, блиц-характеристики других ближайших автору людей. В сущности, это тоже дорогие сердцу Ю. Поминова «блёстки» – только характеров и судеб, как опять же у нашего земляка Василия Макаровича Шукшина.

Хочу завершить речь об этом очерке словом о замечательной, поистине тургеневской девушке – Наташе Баталовой. Я её видел только однажды, но очень хорошо помню.

Журналистов принято считать достаточно лёгкими людьми. Она, оказавшись один на один с тяжелейшей болезнью любимого сына, пожертвовала любимой профессией, личной жизнью, молодостью, по существу, всем, что входит в «обойму счастья», вопреки прогнозам медиков, совершила невозможное. Вот что значит материнская любовь.

А любовь к людям, вошедшим навсегда в его судьбу, позволила Юрию Поминову, по существу, воскресить прошлое, молодость, радость Бытия, основанную на любви.

Два следующих очерка, об удачливых людях и даже баловнях судьбы – замечательный контраст вышесказанному. Состоявшиеся, успешные мужчины, каждый своим, но одинаково непростым путём, а во втором случае («Ужин с миллионером») и талантом достигли финансового благополучия. И под грузом собственного успеха эти, не убоявшиеся трудностей люди, «поплыли». Пьянство, самодовольство, праздник напоказ – русская купеческая традиция. Совершенно не сужу, потому что не знаю, сколько добра принёс этот человек. Но отсутствие стержня, который был у наших детей-отцов, с четырьмя классами образования, покоровших Европу, ломает нас как спички.

В истории с миллионером замечателен опять же характер. Намечены чёткие, более того, контрастные черты нового типа человека, героя нашего времени. Совершенно очевидно, что литература ещё вернётся к нему.

Что это – искушение или крушение человека? Пока не поймём, что там, за дорогими аксессуарами, от часов до машин и особняков – ничего не поймём. Самое грустное, что по закону контраста, если есть такое «витринное» богатство, то обязательно должна быть и «зияющая» бедность, как правило, тоже напоказ. А вот между ними все мы и располагаемся. И где это место, как его назвать? Боюсь, что печатного слова для более-менее внятного определения и не подберёшь.

Но вот великая сила искусства. Очерк «Как наше слово отзовется» рассказывает об одном международном журналист-

ском форуме на гостеприимном «береге турецком». Опять бесконечные контрасты, неизбежное «Как у нас? Как у них?».

И опять характеры. Облечённый властью, положением, богатством человек приглашает на ужин героя очерка. Доброжелательность, внимание (зачем ему журналист из далёкой страны: у него и так всё есть, и даже больше), такт. Не буду упражняться в красноречии, у меня опять возникла аналогия с нашим родным миллионером. Они же турки, куда им до нас! Сами понимаете, юродствую, разумеется, сравнение не в нашу пользу.

Завершить разговор хотелось бы очерком «Москва, как много в этом звуке...», время действия в котором на этот раз равно практически жизненному пути автора, пройденному до сегодняшнего дня. Главный герой – Москва, тоже контрастная, и обижавшая, и привечавшая.

Алма-Ата в упоминавшемся очерке – своя, родная, домашняя. Москва автором обживается постепенно, годами. Многие эпизоды мне хорошо знакомы, многие детали, как и в случае с Алма-Атой, очень близки.

Совершенно оригинально, что знакомство с Москвой начинается практически с сопоставления с родным совхозом и всем, что связано с так называемой малой родиной. Убеждён – приём не умышленный, но как литературно он убедителен. Это уже как выход в открытый космос.

Что в итоге? Большой, безмерный мир многократно доказал, что самое родное, красивое, любимое место на земле – земля полуразрушенного, полузадушенного совхоза (разумеется, совхоза как административной единицы давно нет, просто я не нашёл, да и не хотел искать другого слова).

А контрасты и парадоксы мы переживём. Как без них?! Такая литература с потрясающей силой доказывает, что, как говорил незабвенный герой Василия Белова Иван Африканович Дрынов: «Родиться было всё-таки лучше, чем не родиться».

*Пётр ПОМИНОВ,
кандидат филологических наук.*

ЕСЛИ НЕТ ИСКРЫ В МОЗГУ... Ностальгические заметки

Плохой был день... Опять ошибки в газете... И номер выпустили никудышный... «Кто я такой и что я тут делаю?» – в десятый, а может, уже в сотый раз в раздражении подумал я, с тоской оглядывая заваленный бумагами редакторский стол... Работать не было ни малейшего желания...

Секретарша принесла почту... Из кипы газет вывалился конверт нестандартного размера из плотной бумаги, на котором замысловатыми восточными вензелями было начертано «Приглашение».

«Имеем честь пригласить Вас, одного из наиболее успешных выпускников университета, на наш юбилей... Торжественное собрание состоится в театре оперы и балета... Торжественный приём – в ресторане «Тамерлан»...

«Какой там юбилей, когда у нас тут всё валится!». Я отложил пригласительный... Взялся было за газеты... И снова потянулся за приглашением... «А что, может, и вправду поехать? Это же сколько лет прошло? Неужели сорок? Ну да, с поступления почти сорок, и почти 35 – после окончания. Целая жизнь... И что я там теперь хочу увидеть?».

На Кирова, 136

В ту пору – начала семидесятых годов теперь уже прошлого века – КазГУ – Казахский государственный университет имени С.М. Кирова – был единственным в республике. А факультеты журналистики (именно на нём я хотел учиться) во всём СССР можно было пересчитать по пальцам одной руки. Москва, Ленинград, Свердловск, Казань, кажется, ещё Киев... Не шибко разбежишься. «Куда ты лезешь?» – говорили мне знающие люди – там же всё заранее расписано или такие деньжищи заплатить надо...». Хотя я и без них знал, что шансы мои невелики: ну и что, что я закончил школу с одной четвёркой? Где она была, эта школа? В тьмутаракани – сто километров от районного и почти двести – от областного центра... Ну и что, что проработал два года в районной газете? В КазГУ и без меня пруд пруди желающих... Словом, и запугивать меня не надо было – я сам боялся... И потому ещё готовился – перечитывал школьные

учебники, налегая на историю и литературу... Загодя отправил документы...

И вот – лечу, впервые в жизни, на четырёхмоторном турбовинтовом ИЛ-18. Где-то я читал, что это самый надёжный самолёт, который может лететь, если у него откажут один и даже два двигателя... Лёту оказалось всего ничего – меньше двух часов...

Крохотный, старый ещё, аэропорт, душная летняя ночь... Первая поездка по ночной Алма-Ате – на курсирующем круглые сутки экспрессе-«пазике» номер 92... Надо же было как-то скоротать ночь...

* * *

Утро – свежее, яркое... Центр Алма-Аты, пересечение проспекта Коммунистический и улицы Кирова, на которой чуть-чуть в глубине «прячется» главный корпус университета... Неумолчное журчание воды в арыках вдоль проспекта, томное воркование горлинок... Всё – новое, непривычное... И уже – нравится...

И в приёмной комиссии меня, оказывается, ждут... Длинноногая девица с преувеличенным энтузиазмом восклицает: «А вот и Юрий Дмитриевич пожаловал! Ждём-ждём...». Это третьекурсница, которую припрягли для работы в приёмной комиссии. Работает она бесплатно, зато не поедет осенью на сельхозработы. Впрочем, это я узнаю лишь потом, а сейчас мне льстит её отчасти показное внимание...

С моими документами всё в порядке, а вот места в общезжитии на время экзаменов нет. Советуют снять комнату. Я – в полной растерянности... Но, к счастью, я не один такой: сдают документы ещё два парня, с которыми мы тут же знакомимся, – Сашка Водолазов из Усть-Каменогорска и Вовка Каныгин из Балхаша. Пока раздумываем – уже втроём – что нам делать, знакомимся с абитуриенткой Надей. Она алмаатинка и к тому же живет в своём доме. Набиваемся в квартиранты...

– Я не могу сама... – ей и отказывать неудобно (после пятиминутного знакомства уже без пяти минут однокурсники!), и боязно пускать в дом троих чужих парней. – Мне надо с дедушкой посоветоваться. Да и негде у меня...

Мы её быстро додавливаем, едем вместе к дедушке. Потом в её дом по Красногвардейскому тракту – в доме действитель-

но тесновато. И быстро находим решение: жить нам можно на веранде. А что нет постелей – не беда: можно взять напрокат спальные мешки и надувные матрасы. Мы их берём – по Надиному паспорту, поскольку ни у кого из нас нет алма-атинской прописки, а она нам доверяет (говорил же – мы ведь без пяти минут однокурсники).

Так мы живём примерно неделю. По утрам нас будят лучи солнца, бьющие в широкие окна веранды. Перед ней – крошечный огород с цветущей картошкой – совсем как у нас дома. Правда, веранда к обеду раскаляется так, что трудно становится дышать... Но зато у нас есть крыша над головой, причём бесплатная, да ещё Надя поит нас по утрам и вечерам чаем...

По вечерам, когда мы уже одуреваем от зубрёжки, Вовка рассказывает нам истории из своей богатой событиями жизни: о работе на Северах (именно так он произносит это слово, ударяя на а), о своих амурных похождениях... Ещё он пытается подбивать клинья к Наде, но без особого успеха.

Вовка отсеивается сразу же, срезавшись на первом экзамене – по сочинению... Мы с Сашкой Водолазовым перебираемся в общагу, откуда выехали провалившие первые экзамены бедолаги... Как давно всё это было!

Теперь же, прилетая или приезжая в Алматы (как плохо, невкусно, зажато звучит это слово по сравнению с тогдашней просторно-распевной – Алма-Ата), я всегда еду в город по бывшему Красногвардейскому тракту, мимо бывшей остановки «Автобаза», тропинка от которой вела через железнодорожные пути к Надиному дому. И всегда вспоминаю Надю – Надю Пяткову, с которой мы вместе учились и многие годы дружили, и которой теперь уже нет с нами. Каким бесхитростным, искренним и светлым она была человеком! Какая чистая у неё была душа! Вечная тебе память, Надюша!

* * *

О, наши университетские общаги (а мне довелось квартировать в трёх из них)! О, этот удивительный, неповторимый не быт даже, а целый мир!

Впервые я окунулся в него в абитуриентах. Нас с Сашкой Водолазовым подселили к Сашке Швецу. Мы были «стажники» (Сашка отслужил в армии, я два года проработал в район-

ной газете), а Сашка Швец – школьник. Нам двоим полагались какие-то привилегии при поступлении, а ему нет. И ещё Сашка ужасно комплексовал по поводу своей национальности. Ко мне он почему-то проникся симпатией и сразу сказал:

– Ты не захочешь даже со мной разговаривать, когда узнаешь, кто я!

– А кто ты?

Вместо ответа Сашка сунул мне свой паспорт, разорванный едва ли не пополам. Я посмотрел и ничего особенного в нём не обнаружил.

– Ну и что? Паспорт как паспорт, только порванный...

– Ты на национальность посмотри! – с каким-то вызовом наседал Сашка.

Я посмотрел – еврей – и снова спросил:

– Ну и что?

– Да как ты не понимаешь, что с таким клеймом жить нельзя! – возразил Сашка, хотя пыла у него как будто поубавилось.

– Да будь ты хоть негром преклонных годов, – отвечал я ему, переводя беседу в шутку. – Только этот разговор со мной больше не заводи – я ведь и матом могу...

Потом он читал мне свои стихи – юношеские, наивные, но, по-моему, далеко не бесталанные:

Ну какая разница – начинают краситься,

Начинают краситься девочки у нас...

И в нескромном платьице – ну какая разница!

Входит одноклассница в наш девятый в класс...

Недолго мы пожили втроём. Через несколько дней к нам подселили некоего «старца». Было ему около тридцати или чуть-чуть за тридцать, представился он нам Виктором Петровичем – научным сотрудником из Новосибирского Академгородка. Говорил, что устраивается на работу в КазГУ. Подпитывал нас житейской мудростью и, как теперь выражаются молодые, уж очень сильно «понтовался». Мы его сразу невзлюбили, за глаза окрестили доцентом (недавно вышел на экраны знаменитый фильм «Джентльмены удачи») и однажды ночью, после того, как накануне пропал последний червонец у Сашки Швеца, и вовсе выставили из комнаты. Он ушёл вместе со своим чемоданчиком через окно, чтобы не привлекать внимания. Похоже,

в истории с пропажей червонца рыльце у него и впрямь было в пушку...

Сашка Швец познакомил меня с двумя разбитными абитуриентками: Людкой Яшной и Любкой Власовой. Про первую сказал: «У неё глаза – я таких ещё не видел! Да ты сам это поймешь – я рядом с ней сяду». Людка и вправду была уж очень хороша собой – с тех самых пор кто только на неё не западал (об этом я ещё, может быть, и расскажу). Любка была под стать ей – огненно-рыжая, смешливая, дерзкая... К тому же обе они курили, что для меня, деревенского парня, было верхом раскованности. Курили, когда были деньги, входившие тогда в моду длинные дорогие ароматизированные сигареты «Нефертити», пуская дым колечками и вензелями. А Людка ещё с особым шиком направляла дым изо рта в нос, но не втягивала затем, а просто обозначала это изящное движение... Всякий раз это был своего рода маленький спектакль.

Меж собой Людка с Любкой в это время могли изъясняться, запатируя «абитуру», в таких, к примеру, выражениях:

– Хочешь «Стюардессу»?

– Да нет, у меня «Опал».

Для непонятливых – это были названия болгарских сигарет.

...Из общаги мы пару раз устраивали ночные набеги на сады алмаатинцев, которым не посчастливилось жить в собственных домах неподалёку. Однажды нас застукал хозяин, и мы, парни, бросились наутёк, забыв от страха сумку с уже набранными яблоками. Но на высоте оказались наши поделницы – абитуриентки Валя Захарченко и Таня Конобейцева, тащившие её то вместе, то попеременно в отдельности, пока мы, отбежав на безопасное расстояние, и только потом, устыдившись, не взяли у них эту сумку.

Кому-то из нас повезло в тот год больше, кому-то меньше. Мы – Сашка Водолазов, Людка Яшная, Любка Власова и я – стали студентами. Валя Захарченко поступит на следующий год, Таня Конобейцева будет учиться на заочном, Сашка Швец по моей наводке сменит меня в нашей железинской «районке»... Где они теперь? Кто где: Сашка Водолазов живёт то в Семипалатинске, то в Москве, то в Турции, всякий раз обе-

щая при встрече в подпитии, что в следующий раз мы увидимся на его яхте в Анталье... Людка Яшная – в Астане, по-прежнему в журналистике, тянет на себе большой груз семейных забот... Любка Власова обосновалась в Бишкеке, Валя Захарченко – владелица полиграфической фирмы в Костанае, а Таня Конобейцева (теперь Гольм) – в Германии, мы с ней иногда общаемся по «скайпу». Сашка Швец, уехавший меньше чем через год из нашей Железинки в Еврейскую автономную область, скорее всего, в Израиле. Но мы с тех самых абитуриентских пор с ним так и не виделись. А как бы мне хотелось повидать его, почитать его новые стихи. Мне кажется, поэт из него должен был получиться настоящий.

* * *

На экзаменах мне, в общем, везло, и срезаться я мог всего лишь раз – на истории. Экзаменаторов было двое, оба казахи, – массивный пожилой инвалид на костылях, почти непрерывно куривший сигареты «Виллс» и заваливавший абитуру направо и налево, и невысокий, живой, как ртуть, мужик средних лет с курчавой головой. Ему я по счастью достался и поплыл на одном из трёх вопросов (там было что-то из истории древней культуры)... Недолго послушав меня, он заглянул в экзаменационный лист, помог наводящими вопросами и, уточнив между делом: «Сельскую школу заканчивал? – подытожил: – Четверки будет достаточно...». Быстро расписался и, как будто радуясь тому, чего ещё не знаю я, добавил: «Теперь поступил!». Я не сразу понял – о чём это он, и он повторил: «В университет поступил».

(Кстати, с этим преподавателем, известным в КазГУ чело-веком, мы потом познакомимся ближе. Бахтажар Мекишев создал и много лет возглавлял университетское общество «Семь муз», которое устраивало встречи с людьми культуры и искусства, разного рода знаменитостями, наезжавшими в Алма-Ату. Мекишев был душой этого общества).

На следующий день после экзамена по истории официально объявили список поступивших. Моя фамилия значилась в нём второй – после Любки Власовой, но она-то была абитуриентка со стажем, поступала не в первый раз, а я сходу выдержал конкурс – четыре человека на место.

Первым делом дал телеграмму домой. Сначала хотел ограничиться единственным: «Поступил», – потом подумал, вдруг не поймут, и написал: «Поступил в университет. Приеду такого-то».

После чего решил выполнить данное самому себе обещание: поступлю – куплю и подарю первой попавшейся женщине цветы, без всяких объяснений. Вместе со мной пошла Валя Захарченко, хорошо сдавшая экзамены, но не прошедшая по конкурсу (она была «стажница» лишь наполовину – отработала всего год). И когда я с чувством исполненного долга отправился с ней обратно в общагу, она сказала:

– Ну и обалдуй ты, Поминов... А мне ты эти цветы не мог подарить?

– Ну ты же не первая встречающая, – пробормотал я, понимая, тем не менее, насколько она права...

Через год Валя поступит на журфак, какое-то время мы будем близко общаться, но потом жизнь разведёт нас, хотя взаимные симпатии останутся. Именно Валя возьмёт на себя героический труд – напечатать текст моей дипломной работы на пятом курсе – нечто скучнейшее на газетно-сельскохозяйственную тему. Даже теперь я отчётливо себе представляю – как она при этом плевалась. Она ведь, наверное, считала, что я не такой, как все...

А виделись мы с ней после университета лишь однажды – через двадцать с лишним лет. Передо мной была красивая, безукоризненно одетая, зрелая женщина, знающая себе цену. Владелица собственной фирмы... В большом зеркале я увидел своё отражение рядом с ней: одет как попало, небрит, физиономия после вчерашнего помята... Валя же излучала жизнелюбие и доброжелательность. Сразу всё поняла...

– Да ладно комплексовать, Поминов! А то я тебя не знаю...

У неё была дочь – подросток. Когда я ей стал говорить, какая хорошая у неё мать, Валя меня тут же остановила:

– Всё, Поминов, всё. Ещё не хватало, чтобы ты слезу из меня выдавил!

Мы больше не виделись. Осталась фотография – ещё студенческой поры, сделанная в горах. На ней – улыбающаяся Валя и записка на обороте: «А я с тобой ещё в горы хочу...».

* * *

Каждый год мы ездили на сельхозработы, а избранные – в стройотряд. И если первые были, скорее, безвозмездной помощью студенчества родному государству, то в стройотряде можно было подзаработать. Я бывал и там, и там. Начну с сельхозработ.

В тот год нам, конечно, не повезло, потому что нас бросили на табак, то есть на его уборку, в табаксовхоз «Курамский», за сто с лишним километров от Алма-Аты.

В день отъезда я познакомился с Наташей Баталовой. Едва увидев её, поразился – тургеневская девушка... Я даже не знал, что такие в наше время бывают. Наташа несла, вернее, волочила по асфальту тяжеленный рюкзак. Я протянул руку, чтобы взять его у неё. Она, перехватив рюкзак в левую руку, правую протянула мне и, почему-то покраснев, представилась:

– Наташа!

– Рюкзак давайте, – не меньше неё смутился я, ощущая в своей руке её теплую, доверчивую руку.

На нашем по большей части безалаберном курсе она всегда была чуть-чуть не такой, как все, – «девочкой из хорошей семьи». В самом прямом смысле: раньше занималась бальными танцами и музыкой. В одежде являла собой пример строгой элегантности и опрятности. С виду казалась иногда наивной, но это только казалось. В её душе такие страсти бушевали... И ещё она оказалась человеком в высшей степени стойким и мужественным, с выдающимся характером. И об этом я, наверное, ещё расскажу.

...А пока мы едем в совхоз. Мы ещё мало знаем друг друга, и, может быть, поэтому нам кажется, что теперь мы – одна большая семья. И нам так хорошо, так весело вместе...

Мы живём в больших бетонных складах, похожих на ангары. Мужской «барак» отдельно, девичий отдельно. Первые романы – сиюминутные, скоротечные, но и на всю жизнь – тоже. Не верите? Именно тогда Васька Г. обратил внимание на Ирку К. и до сих пор не утратил своих чувств к ней, хотя в их жизни столько потом всего было: женитьба (отчасти и я тому виной), рождение дочери, развод... Встреча через много лет в Германии, о которой мне Васька потом рассказывал, и всё время говорил, что всю жизнь любил и продолжает любить одну Ирку...

В совхозе первые размолвки, конфликты и разочарования... Сначала решили: работаем общиной, и весь собранный дневной урожай табака делим на всех поровну. Но потом часть нашей мужской половины решила, что работать «колхозом» невыгодно, и стала жить по принципу «каждый сам за себя и сколько наработает – то и его». Я остался с большей половиной группы, то есть по преимуществу в «бабском колхозе». Парням это не понравилось, что мне потом ещё аукнется – едва не останусь без университетской общаги.

Сбор табака – не лучшее из человеческих занятий. Не такое уж, правда, и сложное: обрывай себе да обрывай листья с растения, чем-то напоминающего подсолнух, только верхушка – как у кукурузы. В первый заход забираешь несколько больших нижних листьев (это низший сорт), во второй – несколько следующих. И так – раз до пяти-шестизаходов за сезон, пока не останутся самые верхние, самые маленькие, самые ценные... Соответственно, и норма сбора снижается.

В нашем «колхозе» её мало кто выполнял. И мне как-то пришлось успокаивать плачущую в зарослях табака Наташу Баталову, которая почему-то решила, что её, как злостную отстающую, могут отчислить из университета...

Может быть, самое неприятное в этой работе – клейкий горчайший сок, остающийся на руках после сборки листьев. Руки от него никак не отмываются. Наверное, ещё из-за этого (а может, из-за того, что жили мы в сплошной антисанитарии) на табаке я подцепил желтуху.

А ещё нам на табаке не повезло и в том, что вместо обычного месяца мы провели здесь сорок дней, и надоело нам это занятие до чёртиков.

Вернулись в Алма-Ату вечером, уже стемнело... Прощались на автовокзале: алмаатинцы разбирали нас, иногородних, кому некуда было деться, к себе по домам. Меня звал Толя Егоров. Я же чуть-чуть выпендрился:

– Мне в другую сторону!

– Куда? – спросил Толя.

– На спиртзавод, – небрежно ответил я, заскакивая в отъезжающий автобус Алма-Ата-Талгар-Спиртзавод и отмечая удивленные взгляды оставшихся однокурсников.

В Талгаре жили друзья моих родителей. Но бахвальство моё уже через час было наказано: они с квартиры, куда я спешил, съехали, и мне с большим трудом пришлось отыскивать их дом в ночном Талгаре...

* * *

Мы – теперь точно студенты. Первая лекция – «Введение в литературоведение». Молодая преподавательница читает по писаному, частит, сыплет терминами. С тихим ужасом осознаю, что ничего не понимаю из её лекции: не успеваю записывать, и в голове ничего не остаётся.

На перекуре после первого часа пары признаюсь в этом парням.

– А мне так всё понятно, – небрежно замечает один из них, с которым мы ещё не успели познакомиться (он не ездил с нами на табак).

Я пристыжено замолкаю, убитый собственным ничтожеством.

...Первую сессию я, наверное, с испугу, сдал на отлично, в том числе это самое литературоведение. Того же, кому всё сразу было понятно, едва не отчислили за неуспеваемость.

Проучившись после начала занятий месяц с небольшим, я угодил в больницу. До этого довёл себя почти до ручки, занимаясь самолечением – подхваченную на табаке желтуху врачевал народными средствами: баня с веником, граммов 150 водки и тому подобное. Я думал, что у меня непроходящая простуда, пока кто-то из однокурсников не сказал:

– У тебя, похоже, желтуха – глаза совсем жёлтые.

И хотя я уже пару раз навещал наш университетский здравпункт, где у меня «ничего такого не находили», отправился в третий, сказал про возможную желтуху, и меня после несложного анализа мочи, которая уже давно напоминала цвет тёмного пива, сгребли и отправили на спецтранспорте в первую городскую инфекционную больницу.

Там я провалялся целый месяц. Сразу не понял – насколько всё серьёзно. Пытался писать рассказ – про то, как артисты областного драмтеатра привезли в деревню «Отелло» и как потом благодарные сельчане разобрали по домам артистов на ночь. И только актёра, игравшего Яго, никто брать не хотел – он так и ночевал в клубе...

То были очень тяжёлые для меня дни: лежать здесь после сверхбурной студенческой жизни, среди чужих людей, одному... Зная к тому же, что не за горами сессия...

Посетители в эту инфекционную больницу не допускались. Была, правда, видеосвязь: два раза в неделю приходящие садились в специальной комнате у экрана с видеокамерой на первом этаже, а больной находился в такой же комнате, с тем же оборудованием, в нашем желтушном отделении. Но однокурсники меня своими посещениями не баловали, и я их в общем понимал: полдня и более того – занятия, подготовка к семинарам и коллоквиумам (я даже не знал, что это такое – коллоквиум), личная жизнь, большой город, полный соблазнов...

Компания в палате подобралась разношёрстная: директор престижной столичной школы, которого заваливали передачами; парень, отсидевший несколько лет в тюрьме и «ботающий по фене»; студент техникума – молодожён, всё время говоривший про свою молодую жену... К ним регулярно приходили.

Один раз ко мне прорвались Васька Дмитровский и Толя Егоров. И то потому лишь, что Васькина мать – кандидат медицинских наук – была большим авторитетом в столичном здравоохранении. Их пропустили по её звонку. При этом Толя в белом халате вполне бы сошёл за врача, а на Ваське халат смотрелся, как на корове седло. И, конечно, я был растроган их визитом.

Ещё однажды вечером заявила Таня Конобейцева, у которой никаких связей не было – она просто перелезла в темноте через забор, что-то наплела медсёстрам внизу...

В больницу я попал в начале декабря и тешил себя надеждой, что уж к Новому-то году меня точно выпишут. Но подвели анализы, и меня оставили ещё на десять дней.

31 декабря я лежал в нашей пятиместной палате и с тоской думал, что согласился бы оказаться этой ночью в самой захудалой компании – лишь бы не проводить новогоднюю ночь в больнице.

Повезло ещё: послушал по радио (около моей кровати был «динамик») хороший спектакль «Каждый вечер ровно в одиннадцать»... Крутили (видно, для поднятия настроения) песни. Чаще других почему-то несло из динамика:

*Ещё одиннадцать часов,
А двери – хлоп! – и на засов.
В окне Наташка мечется –
Как юная разведчица.
И вот брожу под окнами
Я кроликом подопытным.*

Новый год встретил стаканом кефира...

Пролежал ровно месяц и, выйдя из больницы, долго не мог перейти проспект Абая – настолько отвык от городской суеты, что чувствовал себя на улице в некоей прострации.

* * *

Стремительно надвигалась сессия, которую я был полон решимости сдать. Но на факультете сменилось начальство: место нашего прежнего декана Михаила Ивановича Дмитровского, фронтовика и либерала, занял Темирбек Кожакеевич Кожакеев – полная его противоположность. Словом, мела уже новая метла, и я это сразу почувствовал, придя к Кожакееву со справкой и заявив, что хотел бы сдать сессию вместе со всеми.

– Ишь, какой быстрый, – едва взглянув на меня поверх спущенных на нос очков, сказал Кожакеев. – Ты сначала допуск должен получить. Или академический отпуск оформляй.

И мне был вручён листок с перечислением дисциплин, по которым у нас были экзамены и зачёты. Я должен был заручиться согласием каждого преподавателя на допуск к экзамену или зачёту по его предмету. Их было что-то около десятка... И начать я решил с Евгения Александровича К., ведущего у нас курс по истории КПСС.

Доцент К. был ещё и секретарём парткома университета, поэтому вёл себя с преувеличенным достоинством, граничащим с надменностью. В его облике было нечто холодное и отталкивающее. Даже когда он шутил, выражение лица его не менялось, и глаза оставались холодными. Упаси Бог было при нём сказать «История КПСС», надо было говорить: «История партии». Время от времени он брал наши конспекты, чтобы убедиться, насколько добросовестно мы фиксируем его лекции. И в пример нам ставил Иду Кон, которая вела записи тремя цветами пасты: синим или фиолетовым – его лекции, зелёным – выписки из учебника и красным – цитаты из первоисточников.

Впрочем, и Евгению Александровичу было не чуждо нечто человеческое. «Нечто» – это Людка Яшная, которую он звал «комсорг» и предпочитал видеть в аудитории прямо перед небольшой трибункой, с которой обычно вещал.

– А где комсорг? Почему я не вижу комсорга? – спрашивал он всякий раз, если Людки не оказывалось на привычном его глазу месте...

Чуть-чуть отвлекаясь, замечу, что комсорг Людка была ещё тот. Как-то мы с ней оказались на общефакультетной комсомольской конференции. И когда поднаторевший в пафосных, идеологически выверенных речах, комсомольский секретарь начал свою речь со слов: «Товарищи, мы с вами живём в удивительное время», – Людка в тон ему, но уже тоном базарной торговли, громко отозвалась: «Шо вы говорите!».

И нас с ней едва не вывели из зала.

Теперь, когда я всякий раз поздравляю её с днём рождения, почти совпадающим с бывшим Днём комсомола, она иногда отвечает так:

– Ну да: волосы дыбом и зубы торчком – старая б... с комсомольским значком!

Но я, впрочем, отвлёкся. Ведь я собирался рассказать про то, как получал допуск у К. Кабинет его, огромный, как футбольное поле, располагался в нашем главном корпусе, через стенку от ректорского, и я попросил секретаршу доложить обо мне.

К. был один. Я несколько сумбурно стал объяснять ему суть дела и попросил расписаться в листке.

– Так вы у меня месяц на занятиях не были, – сказал он.

– Я болел, лежал в больнице, только вышел. Допустите меня к экзамену, на нём спросите и по пропущенному материалу.

– А сегодня почему не были на лекции?

– Не успел. Ещё болею, вот с допуском бегаю, – оправдывался я.

– Болееете, – задумчиво проговорил К., помолчал и заключил: – Ну вот выздоровеете, тогда и приходите.

Из кабинета я вышел оглушённым. Жизнь была кончена. Если К. не допустил меня к экзамену, значит, и к сессии меня не допустят. Не зря же и Кожакеев упоминал про академический

отпуск. А мне так дорог был мой нынешний курс, что мучительно была сама мысль о возможном расставании с ним...

В полной растерянности, «на автопилоте», я спустился в гардероб, не зная, что мне дальше делать и как жить. И тут я услышал где-то сзади голос:

– Хорошо, что вы не ушли! Евгений Александрович сказал, чтобы вы вернулись...

– Так что, вы там говорили, я должен сделать? – грубовато сказал К., не глядя на меня. – Где-то расписаться?

Я протянул ему листок, который он тут же увенчал своей подписью. Собрать остальные было не так уж сложно. Ни один из оставшихся преподавателей не ставил при этом никаких условий и не гонял на экзаменах-зачётах дополнительно, включая того же К.

Сессию я сдал на отлично, наверное, повторяю, отчасти с перепугу. И в день своего рождения с чувством исполненного долга летел на самолёте в Павлодар на свои первые в жизни студенческие каникулы. И зачётка грела моё сердце.

* * *

Наши университетские преподаватели... Сколько было среди них умных, по-настоящему образованных, интеллигентных людей, ярких личностей... Особенно среди филологов-литературоведов и языковедов.

Античную литературу нам читала Галина Васильевна Морозова – выпускница МГУ, учившаяся у самого Рацига, по учебнику которого учились уже и мы, и однокурсница Михаила Гаспарова, выдающегося учёного-античника. Стройная, одетая неброско, но со вкусом, часто в свитере, облежавшем её и подчёркивающим изящество фигуры, она переносила нас во времена Гомера... Я до сих пор помню: «Гнев, о Богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, Грозный, который ахейнам многие беды содеял...». Совсем некстати вспомнилось, как переиначил эти строки Лёха Закутаев, подвергшийся, как и многие, гонениям со стороны нашего нового декана: «Гнев, о Богиня, воспой Алексея-поэта, мелкий, ничтожный, который многие беды принёс в деканат многошумный и комсомол развалил факультетский...».

Во время лекций казалось, что она не с нами, а сама по себе – среди своих любимых греков и римлян – их поэм, од,

трагедий... И поскольку она хорошо понимала, что осилить этот культурный слой за семестр и даже за год мы вряд ли сможем (каюсь теперь, и «Илиаду», и «Одиссею» читал по диагонали... Язык их мне казался тяжёлым и невразумительным, а обуревавшие героев страсти – во многом надуманными), проверяла она нас (не помню уже – экзамен это был или зачёт) выборочно. Спрашивала, например, как одевались троянки, как выглядел Аполлон, как автор характеризует Агамемнона... Но мы тоже не лыком были шиты и, подученные старшекурсниками, отвечали: троянки – «длинноодежде» (так, впрочем, всегда одевалась и сама Галина Васильевна – часто, уже упоминал, свитер и джинсовая юбка или длинное платье, открывающее её высокую шею с маленькой умной головкой); Аполлон – «сребролукий»; Агамемнон – «державный»... Ну, как говорится, и т.д. Скорее всего, об этой нашей «хитрости», передаваемой от курса к курсу, знала и сама Галина Васильевна. Понимала, что вряд ли тут что можно изменить – полностью её любимые греки и римляне всё равно не будут нами прочитаны – и пусть хоть что-то останется в нашей памяти. И вот осталось же! И не только у меня. И спасибо вам за это, Галина Васильевна Морозова.

Осталась ещё шутовская ода (подражание Петрарке) – посвящение Толе Егорову, написанная Ольгой Григорьевой.

*Благословен день, месяц, лето, час,
И миг, когда наш взор те очи встретил...
Благословен тот лес – и даже ветер –
Бельё сушащий в каморе у вас!
Благословенны жалобы и стоны,
Коими нарушал он сон общаг,
Вернувшись от филфаковской Мадонны.
Благословенны мы, что столько слав
Упомним в день рождения. А оны –
Ярки, как взрывы с вашего балкона!*

«Каморой», то есть камерой, мы с Толей Егоровым именовали нашу общежитскую комнату.

* * *

Шекспира нам читала Светлана Михайловна Сагалович. Знойная женщина – это как раз про неё. Ей было, наверное, под сорок, может быть, чуть меньше или чуть больше. И красота её

была яркая, броская. Тем более, что она умела её подчеркнуть, не боясь носить чёрные сапоги-чулки, как бы говоря всем, кто её видит: «Посмотрите, какие у меня красивые, стройные ноги!». Носила на груди часики в виде кулона на цепочке – большую редкость по тем временам. Про Светлану Михайловну ходили самые разные слухи. Говорили, например, про её роман с неким четверокурсником, которого она отбила у однокурсницы-красавицы. И хотя никто этого четверокурсника в глаза не видел, в этот слух почему-то хотелось верить.

Лекции Светлана Михайловна читала блестяще: экспрессивно, завораживающе ярко. Мужская часть курса часто слушала её, раскрыв рты. Хотя, как уже теперь понимаю, порой нам не так уж важно было, что именно она говорила, главное – как! А если она ещё при этом ходила...

И вот мы сдаём ей зачёт. Сидит вся группа «стажников», у которой Светлана Михайловна безуспешно допытывается – что же главное в образе Гамлета? А я чуть припоздал – в деканат вызывали. Вхожу – и сразу некое оживление: вот, мол, Поминов и скажет это самое главное, он же у нас отличник. И я, не слишком задумываясь (ещё и Высоцкого-Гамлета вспомнил), отвечаю: «Быть или не быть – вот в чём вопрос!».

Светлана Михайловна разочарована – опять не то. После чего она терзает нас ещё минут пятнадцать и отчётливо, громко, почти торжествуя, произносит фразу: «На мне играть нельзя!». Долгая пауза... И снова её голос – так говорит человек, хорошо потрудившийся, доказавший свою правоту: «Всем зачёт!».

Конечно, нам стыдно. Мы понимаем, какие мы ничтожества и бездари. Но чувство стыда быстро улетучивается – зачёт ведь сдан.

* * *

Мадзигоны – Михаил Васильевич и Тамара Михайловна. Он читал нам Байрона и Шелли, она – русскую литературу девятнадцатого века. При этом, не зная об их родстве, было трудно поверить в то, что он – её отец.

Михаил Васильевич был уже немолод, прошёл Великую Отечественную. Внешностью обладал вполне импозантной, и обширная, всегда загорелая внушительная лысина её только подчёркивала. Речь у него была выверено-неторопливая, он

никогда не спешил на лекциях, и на поэта Шелли у него ушло, наверное, с полсеместра, пока он не спохватился и не взялся за Байрона.

Всем своим студентам Михаил Васильевич любил рассказывать, как вскоре после войны обнаружил в университетской библиотеке непонятно как попавшее туда уникальное, раритетное издание сочинений Шекспира на английском языке, изданное всего в 250 экземплярах.

Он никогда не заигрывал со студентами, не стремился завоевать их расположение. Он вёл себя с нами как равный с равными, великолепно делая при этом своё дело и никогда не пользуясь никакими записями. Никогда не зверствовал на зачётах и экзаменах.

* * *

Тамара Михайловна Мадзигон напоминала мне высокую, красивую белую птицу. И ещё чуть-чуть – подростка, хотя к тому времени у неё уже было, кажется, трое детей. В отличие от отца была отчасти порывистой, что старалась скрывать. Слыла в университете либералкой и, непонятно почему, считалась идеологически не вполне благонадёжной (скорее всего, не она тому была виной, а тупоумие иных идеологически упёртых коллег).

Тамара Михайловна писала стихи и вела в университете «Поэтические пятницы», на которые, впрочем, ходили не только поэты, но и все желающие. Я – в том числе, хотя и нечасто. От неё впервые раз услышал имя и фамилию – Осип Мандельштам (тогда впервые после долгого перерыва вышел сборник его стихов).

Как-то на «Поэтическую пятницу» ввалился хмельной Лев Щеглов с нетрезвыми же «сотоварищи», произведя лёгкий фурор. Тамара Михайловна, впрочем, ничуть не смутилась (хоть этот визит для неё был неожиданным), наоборот, похоже, любовалась тем, как уже тронутый славой поэт распускал перед нами павлиний хвост.

Запомнились строки из стихов, которые он нам читал:

*Снимите модное манто,
Наденьте собственную кожу.
И вас никто раздеть не сможет,
И не узнает вас никто!*

На первом занятии с нами Тамара Михайловна всю пару на память диктовала список литературы, которую надо прочитать, а также учебников и пособий. (В нём было столько названий произведений и книг, по большей части мною не читанных, что я сразу подумал: чтобы прочитать это всё, мне не хватит оставшихся университетских лет).

Не могу сказать, что лекции Тамары Михайловны легко усваивались. Она не делала скидок на наше, что уж греха таить, отсталое гуманитарное прошлое, в котором если и была литература, то преимущественно приключенческая или детская. На её лекциях надо было напрягаться и думать. Надо было тянуться за ней, что многим из нас было не под силу... А у кого-то желания не было. С каким бы интересом я сейчас ходил на её лекции! Увы...

Тамара Михайловна умерла через несколько лет, я уже работал в Павлодаре. Мне звонила землячка Наташа Тодорова, учившаяся курсом старше, просила найти древесный гриб – чагу – для Тамары Михайловны, у которой был рак...

Я вспомнил нашу последнюю встречу с ней в Алма-Ате, у Никольского рынка, через год после нашего выпуска. Она была грустна и немногословна и куда-то спешила. Может, уже знала о своей болезни и о том, что надежды на выздоровление нет. Разговор был короткий, не очень вразумительный...

Много лет спустя узнал, что кандидатскую диссертацию Тамара Михайловна защищала по Павлу Васильеву, в то время многим, в том числе и мне, практически не известному. Я нашёл потом эту диссертацию, сделал копию, хотя прочитать до конца так и не удосужился.

* * *

Воспоминания о других преподавателях остались отрывочные, фрагментарные: от кого-то эпизод, от кого-то фраза или жест.

Советскую литературу нам читал доцент Маловичко – грустный пожилой человек, у которого случилась какая-то трагедия с сыном. На самой первой лекции он сказал, что один из рассказов Горького начинается фразой «Море смеялось...». И поскольку он сделал паузу, то ли припоминая, то ли намереваясь продолжить, я негромко, но отчётливо произнёс: «Мальва!».

Потому что рассказы Горького, как и его «Детство», «В людях», я читал неоднократно, любил их и содержание «Мальвы» хорошо запомнил, в том числе эту фразу, и даже пытался когда-то представить себе смеющееся море.

Вечно грустный Маловичко слегка оживился, спросил, как моя фамилия, и с тех пор на лекции всегда искал меня глазами... Надо ли говорить о том, что отличная оценка на экзамене была мне обеспечена...

Помню густые, интересные лекции преподавателей Сорокиной (жаль, что забыл имя-отчество), Берика Магисовича Желкибаева...

* * *

Русский язык вели доценты Нелисов и Барчунов. Первый напоминал рафинированного интеллигента: гладко причёсанные волосы, обязательный костюм без единой складки, своеобразная манера речи – очень чёткой и правильно выстроенной. Читал академически. Не делая поправок на то, что мы – будущие журналисты, а не филологи.

Барчунов, преподававший практическую стилистику, внешне отчасти напоминал мне меня самого: не слишком опрятный, скорее, слегка неухоженный. Подслеповатый и к тому же, кажется, прихрамывающий. Но предмет свой он знал великолепно и, по образному выражению Лёхи Закутаева, дрючил нас этой самой практической стилистикой до мозга костей. За что лично я ему очень благодарен. К сожалению, не запомнил дословно предложение, которым он проверял нас на вшивость, то есть на знание практической орфографии, – про то, как некая Агриппина Саввична на террасе близ конопляника чем-то потчевала коллежского ассессора. Помню ещё, как однажды наделал ошибок в ударениях и как он мне сказал: «Поминов, я в вас колоссально разочаровался!». Впрочем, я потом реабилитировался, насобирал больше всех в группе типичных стилевых ошибок в районных газетах – типа «проезжая по мосту, с меня слетела шляпа» и тому подобных. Благо, что сделать это было нетрудно...

Почему-то мне пришлось сдавать экзамен у него на квартире. Он жил неподалёку от нашей общаги, в микрорайонах. Дома у Барчунова был изрядный беспорядок. С шумом бегали

по комнатам, гоняясь за белой крысой, двое мальчишек, похожих на Барчунова. Спрашивал он меня бегло, больше для вида, давая понять, что мнение у него обо мне давно сложилось. Поставив «отлично», сожалел, что не может угостить меня горячим грогом. Кажется, не было для этого какого-то важного компонента.

Всего семестр или два был с нами Барчунов, науку которого я помню всю жизнь. Об одном жалею – что так и не попробовал его грога...

* * *

Представительный, импозантный Олег Иванович Карпухин читал курс древнерусской литературы. Он был так хорош собой, что большая часть женской половины нашего курса обмирала при его появлении – ей было всё равно, что он скажет, лишь бы видеть его.

Олег Иванович это чувствовал и, может, ещё и поэтому держался чуть небрежно. Осталась в памяти коронная фраза, которую он произносил, услышав вопрос, на который у него не было ответа:

– Простите мне моё невежество, но я не знаю...

И спрашивавшему сразу становилось неудобно – дёрнул же меня чёрт вылезти с этим дурацким вопросом!

С актёрскими интонациями, вкусно преподносил нам Карпухин «Житие Петра и Февроньи Муромских», особенно то место, когда Пётр обратил внимание на другую женщину, а мудрая Февронья, предложив попробовать воды сперва с одного, а потом с другого бока лодки, подвела его к мысли о том, что сия влага с обоих бортов одинакова – равно как и женская суть...

Запомнилась фраза из «Жития протопopa Аввакума», которую так же мастерски преподнёс нам Олег Иванович. Когда жена протопopa, уже не выдерживающая испытаний, выпавших на их долю, в отчаянии спросила Аввакума: «Доколе же нам ещё так мучиться?» – он отвечал ей: «До самой смерти, матушка...» – «Ну, тогда ещё побредём», – соглашалась она...

Олег Иванович недолго проработал в университете, был выдвинут в аппарат ЦК ВЛКСМ. Потом занимался в Москве творческой работой...

* * *

Иногда в коридорах главного корпуса появлялся высокий, седой, чуть сгорбленный старик... И кто-то сказал мне, что это секретарь одного из вождей революции Льва Давыдовича Троцкого, сосланного Сталиным в Алма-Ату, ещё до репрессий 1937-1938 годов. Мне и фамилию, кажется, называли, но я её не запомнил: мы были молоды и беспечны, и какое нам было дело до реликтов подобного рода...

(Когда я готовил эти заметки к печати и давал их читать однокурсникам и другим людям, мой брат Пётр, также закончивший КазГУ, только филфак, напомнил: это был Самуил Львович Ковальский – у них он преподавал историю КПСС...).

* * *

Немецкий язык у нас вела преподавательница, к которой я потерял интерес на первом же занятии, услышав из её уст «Москау» – с ударением на а. Наша же «Дарьюшка», школьная учительница по немецкому Дарья Александровна Русских (она была немка, но фамилию носила мужнюю), не раз говорила нам, что если кто-то хоть раз произнесёт это слово так – двойка тому обеспечена. Потому что ударение следует делать на о.

В университет я пришёл с приличным для выпускника сельской школы знанием немецкого, поэтому на вступительных экзаменах чувствовал себя более-менее уверенно. А за годы учёбы в университете не только не приобрёл, но и растерял остатки того, что знал... И временами мне ещё и теперь снятся кошмарные сны: предстоит сдавать немецкий, а я с ужасом осознаю, что ничего не знаю...

* * *

Историю искусств вели двое – Ертис Исаевич Байзаков и экзальтированная преподавательница, фамилии которой уже не помню. А из её лекций осталась в памяти одна-единственная фраза, которой она венчала каждый свой рассказ о том или ином шедевре, – «в этом прекрасном, удивительном произведении...».

Ертис Исаевич был сыном выдающегося акына-импровизатора, прозаика, одного из основоположников казахской национальной литературы Исы Байзакова, нашего, кстати,

земляка, иртышанина. Лекции Ертис Исаевич читал хорошо, но, к сожалению, никогда не рассказывал нам о своём знаменитом отце. И я узнал о том, что он его сын, лишь годы спустя, работая в Павлодаре, куда Ертис Исаевич приезжал на юбилеи Исы Байзакова.

* * *

Запомнилась ещё читавшая у нас философию Хорошилова – харизматичная, язвительная умница, которую студенты не просто уважали, но и побаивались, хотя мне она открылась как человек и добрый, и участливый.

* * *

А что же кафедра журналистики? Почему до сих пор о ней не сказано ни слова? Просто так много вспоминается, что не знаю – с чего начать.

Деканат журфака занимал несколько комнатушек в главном корпусе на Кирова, в его правом от входа крыле. Небольшой кабинет декана, его приёмная, кафедры русской и казахской журналистики, фотолаборатория и лаборатория полиграфии... Впрочем, две последние, вечно прокуренные, напоминали, скорее, кельи, правда, отнюдь не монашеские... В одной, куда, кажется, вовсе не проникал дневной свет, многие годы квартировал преподаватель по фотоделу Юрий Константинович Редкин, а во второй – преподававший секретарское дело (газетную вёрстку, типографский набор, макетирование) Евгений Михайлович Паршуков. Он на первом же занятии сказал, что у него есть кличка – «Кегль» и что он ничего против неё не имеет, поскольку это тип и размер шрифта, а без него газеты не бывает.

Евгений Михайлович отправлял нас в университетскую типографию, где мы на личном опыте изучали – как делается газета. Каждому надо было собственноручно набрать двадцать или тридцать строк текста – вручную, из наборных касс, буква к буквке... Впрочем, за многих это делали типографские наборщицы – отчасти из сострадания, отчасти – чтобы мы не путались под ногами... Эти наборщицы были последними представительницами уходящей профессии – к тому времени даже в районных газетах стояли для набора линоtypes, чем-то напоминающие длинношеих ящеров... А тогда мы должны были

предъявить Кеглю оттиски набранных нами (или сердобольными женщинами – попробуй проверь!) текстов.

С первым заданием худо-бедно справились все. Со вторым было посложнее. Паршуков раздал нам оттиски газетных гранок, напечатанные тексты, из которых надо было смакетировать газетную полосу, где всё должно стоять на своих местах, без «хвостов» и пробелов.

Это был звёздный час Кегля, когда он – в одной руке строкомер, с которым он, кажется, никогда не расставался, в другой – дымящаяся сигарета в мундштуке, брал в руки сляпанную студентом полосу, довольно кхекал, уличая в халтуре, и заворачивал обратно. С первого захода сдать макет не удавалось почти никому.

Мне было проще – в родном «Ленинском знамени» я благодаря ответсеку Леониду Павловичу Кишкунову чуть-чуть тямал в макетировании. Кегль это сразу понял и мучить меня не стал, а над другими поиздевался. И правильно, в общем, делал...

Галка Агафонова, собираясь к нему в третий раз, была близка к обмороку и, глядя на меня несчастными глазами, взмолилась:

– Юрочка, помоги! Я это никогда не смогу сделать!

Не понимаю теперь, почему Галка, бывшая в фаворе у Редкина (она прилично фотографировала), не обратилась за помощью к нему – они приятельствовали с Паршуковым и уж, конечно, договорились бы...

Как бы там ни было – Галку надо было спасать, тем более, что она обещала накормить меня борщом, пока я буду корпеть над её макетом.

Я провёл у неё дома полдня, не только составил, но и вылизал её макет, спрятав в нём и несколько ошибок (иначе Кегль бы не поверил, что она сама всё сделала). Да и борщ с мясом оказался просто замечательным.

А с Кеглем меня судьба свела ещё раз на пятом курсе – он был руководителем моего диплома, и однажды мы встретились у него дома. Евгений Михайлович сделал (как теперь понимаю, больше для порядка) несколько замечаний, которые я с благодарностью (так надо) принял... Он предложил отобедать. Я это

воспринял как намёк сгонять в магазин (принести сразу водку с собой постеснялся).

– Обижаешь, – усмехнулся Евгений Михайлович. Нажал на какую-то педаль внизу письменного стола с двумя тумбами, у которого мы сидели. Что-то заскрипело, задвигалось, и перед моими изумлёнными глазами над столом, где только что ничего не было, возникла полка с разномастными бутылками.

– Я – водки, – сказал Евгений Михайлович, – а ты что предпочитаешь?

– Ну, тогда и я водки, – нахально отвечал я.

И мы с ним приняли на грудь, очень в меру, граммов по 150, под вкуснейшую домашнюю снедь, выставленную его супругой.

...В университете Евгений Михайлович работал и уйдя на пенсию, почти до своей кончины. Проводить его в последний путь довелось единственному из нас, Толе Егорову, – он по делам приехал в Алма-Ату, зашёл в университет, увидел объявление. Толя говорил мне потом, что народу и на панихиде было немного, а на кладбище и вовсе – единицы...

* * *

С Юрием Константиновичем Редкиным, худощавым, сутулым, прокуренным, всегда покашливающим, мы общались мало: в фотографии я был не силен, а в футбольную факультетскую команду меня не взяли... Про неё говорю лишь потому, что Юрий Константинович был её негласным тренером, и наставление для подопечных у него всегда было одно:

– Ширше играть надо, ребята, ширше!

Тем не менее, лучшие из его учеников стали настоящими мастерами фотодела.

* * *

Поступал я, когда деканом журфака КазГУ был Михаил Иванович Дмитровский – фронтовик, интеллигентный, деликатный человек, при котором на факультете, несмотря на строгие партийные времена, царила относительная вольница. Надо полагать, отчасти за неё и, в общем, за свой либерализм Дмитровский и был отставлен с поста декана, после чего наступила мрачные кожакеевские времена. Не только для студентов – для преподавателей тоже...

Михаил Иванович вёл у нас теорию и практику журналистики, газетные жанры. Лекции свои связывал с жизнью, припоминая разного рода истории. Про то, например, как пожелал талантливому выпускнику журфака Мише Полторанину, впоследствии знаменитому «правдисту» и члену первого ельцинского правительства, побольше интересных встреч. А тот, уехав по распределению в Восточный Казахстан, однажды едва ли не нос к носу столкнулся с медведем...

Любил, иногда невпопад, цитировать фразу чеховской, кажется, героини: «Давно я, грешница, лапши не ела...». Или интересоваться, приходя на лекцию: «Ну что, не утомило вас ещё высшее образование?». И теперь уже я задаю этот вопрос своим студентам.

Михаил Иванович давал нам нестандартные, требующие ума и сердца задания. Скажем, составить психологические портреты героев «Жалобной книги» Чехова. Попробуйте сделать это, когда в качестве подсказки у вас одна-единственная строка, как некий служитель культа «в рассуждении чего бы покушать не нашёл постной пищи», а с другого «проезжая по мосту, слетела шляпа», о чём они, а также другие проезжающие оставили записи в жалобной книге...

Учил нас думать. Часто цитировал нам классика советской журналистики Анатолия Аграновского: «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает».

К студентам Михаил Иванович относился на их первых-вторых курсах как к детям, к старшекурсникам – как к равным. Почти не ставил троек. Но мог вспылить, столкнувшись с явным студенческим или преподавательским хамством. А мог дешёвого портвейна с нами на старших курсах выпить, придя с проверкой в общежитие. Вспоминал – как смешно проводил с похмелья политинформацию их командир роты на фронте.

Михаил Иванович был душа-человек, хотя и не без некоторых странностей. Я его знал чуть-чуть больше других, потому что дружил с его сыном – моим однокурсником Васькой и бывал у них дома. Васька и перевёз не только свою семью, но и родителей на их историческую родину – в Орловскую область. Где и нашёл последний приют Михаил Иванович – среди милых сердцу холмов, перелесков, лесной чащи за малой речкой.

Здесь, вдали от городской суеты, так просторно, так привольно, так легко дышится... Васька сказал, что Михаил Иванович сам выбрал это место. И когда я после многолетней разлуки впервые оказался у Васьки «на хуторе», мы с ним помянули Михаила Ивановича по русскому обычаю и долго сидели молча...

* * *

Юрий Алексеевич Крикунов... Он прививал нам вкус к высокой журналистике. Той, что посвящена культуре, искусству, образованию, науке... Хранил сотни газетных вырезок с публикациями, отражающими время и демонстрирующими как высокий класс журналистики, так и политико-идеологическую «заказуху». Именно после прочитанного им на лекции очерка спецкора «Комсомолки» Анатолия Стреляного «Алейский инцидент» мы зачитывались только что вышедшей повестью Леонида Жуховицкого о журналистах и журналистике «Остановиться, оглянуться...». И я спустя сорок лет помню строки стиха из этой книги, повторяемые героем повести:

*Остановиться, оглянуться...
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где нам доводится проснуться...*

Нам эти строки казались глубокими, полными большого смысла, которого в них, может быть, и не было...

Крикунов цитировал на лекции давнишний подвал из той же «Комсомолки», бичующий творческие и человеческие «загибы» кумира шестидесятых Евгения Евтушенко. Назывался материал «Куда ведёт хлестаковщина». Евтушенко в нём критиковали ещё и за то, что он осмелился опубликовать где-то на Западе свою биографию.

Обычно Крикунов читал нам публикации «Комсомольской правды», «Известий», «Литературной газеты» – в ту пору лучших газет Советского Союза, где работали мэтры советской журналистики, которым мы тайно завидовали, на которых хотели походить.

Юрий Алексеевич пытался прививать нам вкус к рецензиям – театральным и литературным. Знал и высоко ценил наш павлодарский драмтеатр, подчёркивал талант и новаторство его главного режиссёра Кузенкова. Считал, что областная газе-

та «Звезда Прииртышья» травила его, называл при этом фамилию журналиста, который, наоборот, всегда кичился своей близостью к кузенковскому театру.

Как и Михаил Иванович Дмитровский, Юрий Алексеевич Крикунов учил нас думать. Случалось, недоговаривал на лекциях, считая, вероятно, что мы и сами сможем нужное додумать. Одной из его фирменных фраз была: «Но тут я отправляю вас к первоисточникам...». Мы взяли её на вооружение и часто, притом по самым разнообразным поводам, использовали в студенческом обиходе.

Он поддерживал наши творческие порывы. Проталкивал в алма-атинских газетах первые наши публикации. Негласно курировал рукописный литературный студенческий журнал «Камертон», первый номер которого я храню до сих пор дома...

Именно Юрий Алексеевич благословил в университетской многотиражке мои первые «блёстки».

Думаю, что преподавательская стезя была его истинным призванием. Наверное, не будет преувеличением сказать, что он не работал, а служил своему делу – в самом высоком смысле этого слова...

* * *

Северин Степанович Матвиенко – фронтовик, заведующий кафедрой теории и практики советской журналистики. Немногословный, всегда собранный, с хитроватым прищуром, был с нами доброжелательно строг, не любил разгильдяйства, но в трудную минуту всегда становился на сторону студентов.

Он вёл у нас историю журналистики, как и Леонид Митрофанович Куканов, куратор нашей студенческой группы. Человек – отчасти загадочный и до конца учёбы нами так и не разгаданный. Знаю, впрочем, что при внешней сверхинтеллигентности и доброжелательности в принципиальных для него вещах Куканов был упёрт и непоколебим...

* * *

Всех нас, студентов, условно делили на две большие группы: будущих газетчиков и будущих радишников-телевизионщиков. И кумиром у вторых, конечно, был Марат Карибаевич Барманкулов, ещё до знаменитого фильма «Москва слезам не верит» убеждавший всех, кто приходил к нему на курс, в том, что в

ближайшем будущем нас ждёт «одно сплошное телевидение». (Знал бы Марат Карибаевич, к сожалению, как и большинство наших преподавателей, ушедший из жизни, насколько он окажется прав. Хотя, конечно же, он имел в виду совсем другое телевидение, а не то, что мы сегодня имеем).

От него мы впервые узнали, что такое «спровоцированная ситуация» – телевизионный приём, когда человека перед телекамерой отчасти сбивают с толка, и он после этого полнее раскрывается.

Студенты Барманкулова любили и, особенно на первых курсах, ходили за ним – как цыплята за квочкой...

* * *

Учились мы в глухие партийные времена, когда любая идеологическая «ненашесть» жёстко и беспощадно пресекалась. Хотя, насколько я могу теперь судить, мы и без того были в большинстве своём патриотами и ни о чем идеологически чужеродном не помышляли. А если иные и фрондировали, то исключительно в рамках «социалистического плюрализма» (хотя этот лукавый термин появится с подачи автора нового мышления М.С. Горбачева лишь десять лет спустя). Словом, можно сказать, что журфак в ту пору был своего рода идеологическим учреждением, жившим по весьма и весьма строгим правилам. Иначе и быть не могло – из нас ведь готовили стойких и убежденных «бойцов идеологического фронта».

И вдруг появляется новый преподаватель – Сагымбай Кабашевич Козыбаев, выпускник Ленинградского университета. И сразу будто свежим ветром повеяло... Едва ли не свободное общение на его семинарах... Ходили слухи даже о том, что он позволяет на них курить.

Козыбаев стал редактировать на общественных началах университетскую многотиражку – и её стало интересно читать: в ней появились дискуссии о студенческой жизни, взаимоотношениях студентов и преподавателей, литературные подборки...

На его лекциях мы услышали имена первых казахских журналистов, увидели копии первых газет и журналов на казахском языке.

Он как-то очень быстро расположил всех нас к себе... Наверное, потому ещё, что с ним никогда не бывало скучно.

Именно Сагымбай Кабашевич Козыбаев стал главным хранителем добрых журфаковских традиций прошлого и создателем новых. Он учредил Национальную академию журналистики и высшую национальную журналистскую премию «Алтын жұлдыз» («Золотая звезда»). Он издал первый справочник по казахстанской журналистике и первую энциклопедию казахстанской журналистики, инициировал издание книги, посвящённой истории «Ленинской смены», из стен которой вышли многие корифеи отечественной журналистики. Он – составитель многих книг по истории казахстанской журналистики, автор ряда собственных книг самого разного жанра: от репортажей и зарисовок до очерков и эссе, отмеченных в Казахстане высшими журналистскими премиями.

А ещё он всех нас помнит, всегда привечает, опекает, поддерживает и следит за нашими успехами...

Совсем недавно я получил его новую книгу и надеюсь сделать ответный подарок...

* * *

...Приказ был вывешен в деканате, на доске объявлений. Отпечатанный на стандартном листке текст гласил: «За формальное отношение к учёту посещаемости, за необеспечение руководства группой, за отсутствие личного примера освободить от обязанностей старосты...». Дальше – моя фамилия и витиеватая подпись декана – Темирбека Кожакеевича Кожакеева.

В старосты я не стремился и был назначен им совершенно для себя неожиданно. Мой предшественник загремел с этого поста по пьяной лавочке. И всё было бы ничего, если бы не собачья доля вести журнал учёта посещаемости и ежедневно докладывать об отсутствующих декану, который с маниакальным упорством отслеживал это дело и вёл собственный журнал отсутствующих, применяя к злостным прогульщикам драконовские меры. Он либо лишал их стипендии (если таковая была), либо лишал общежития. Впрочем, иногда и наша братия ставила его в тупик. Как-то он вызвал «забывшего» на занятия Пашку Б. и, по обыкновению глядя на него поверх очков, опущенных на кончик носа, сказал:

– Вы не ходите на занятия...

Пашка молчал.

– Мы лишим вас стипендии, – сказал Кожакеев и сделал паузу, зная, что эта мера устрашения действует, как правило, безотказно.

– У меня нет стипендии, – хладнокровно ответил Пашка.

– Тогда мы лишим вас общежития, – не давая опомниться злостному прогульщику, запугивал Кожакеев.

– Общежития тоже нет, – вздохнул Пашка.

Тут было впору задуматься уже самому Кожакееву, ведь с подобным он сталкивался нечасто. И после недолгих раздумий он произнёс:

– Мы вот как поступим с вами. Мы вам дадим общежитие...

Пашка, не ожидавший подобного поворота, с удивлением смотрел на декана. А тот продолжил:

– Но если вы и дальше будете пропускать занятия, мы лишим вас общежития!

Таков был наш декан, видевший в каждом из студентов заведомого разгильдяя. Я в этом смысле оставался, скорее, исключением: на занятия ходил исправно, учился на отлично, участвовал в научно-студенческом кружке и разного рода общественных делах. И Кожакеев не только назначил меня старостой, но и представил на высшую университетскую именную стипендию – имени Карла Маркса. Она была даже на 20 рублей больше Ленинской и составляла 120 рублей в месяц (при обычной студенческой в 40 рублей).

То есть Кожакеев ко мне благоволил и надеялся, что я буду ревностно следить за посещаемостью. Я же проявлял недопустимый, по его мнению, либерализм по этой части, покрывал прогульщиков, не являлся по нескольку дней на обязательные доклады... Кто-то ему (может, даже из одноклассников), наверное, «стучал» на меня, а воспитательные беседы декана со мной не помогали...

Утраченной должности мне было не жалко, а персональной стипендии (об утрате её мне тоже шепнули) жалко, и я пошёл к Кожакееву «качать права», заведомо зная, что ничего из этого не выйдет.

Я сразу признал справедливость пункта о «формальном отношении к учёту посещаемости».

– А с другими не согласен, -- стал продолжать я. – Что значит «необеспечение руководства группой», когда наша группа на первых местах по успеваемости и другим показателям? Или «отсутствие личного примера»? Учусь я по-прежнему отлично, занятия не пропускаю, редактирую рукописный журнал, недавно диплом получил за научную студенческую работу...

– Ты мне тут, Поминов, не философствуй (у него звучало «Поминып» и «не писосопствуй»), – отвечал декан. – Ты игнорировал учёт посещаемости, не оправдал доверия... Мы тебя и общежития лишим...

Последняя угроза оказалась выполненной, и я какое-то время квартировал у Наташи Баталовой. Но потом Кожакеев, к счастью, ушёл в отпуск, и место в общежитии я всё же получил...

А он меня, кстати, после этого в упор не видел, хотя, конечно, знал, что учусь я по-прежнему на отлично и во всех факультетских делах участвую...

Когда он вручал нам дипломы после окончания учёбы, увидев в стопке синих и мой красный (с отличием), притворно удивился:

– А кто это у нас такой молодец? – хотя, конечно, же, не мог не знать – чей это диплом, поскольку он был единственным красным в тот год на нашем русском отделении.

...Говорят, что Кожакеев был хорошим преподавателем (уже тогда – профессор), интересно вёл лекции на казахском отделении по фельетону... Мне об этом судить трудно. Кто-то считает, что и деканом он был хорошим. А вот с этим мне и всем, кто со мной учился, согласиться трудно... Но что теперь об этом говорить, когда и он уже давно переселился в мир иной... Пусть душа его покоится с миром...

* * *

Примерно раз в квартал и даже чаще коридоры главного корпуса облепляла факультетская стенная газета «Журналист», тянувшаяся по стенам на десятки метров. Время, повторяю, было по-партийному строгое, а эта газета – интересная. Её читали. Иногда даже дискуссии возникали – как, например,

после заметки о том, как бомжиха прикурила от Вечного огня в парке Гвардейцев-панфиловцев.

Эта стенная газета была куда содержательнее университетской многотиражки, содержание которой стало меняться в лучшую сторону лишь с приходом С.К. Козыбаева, редактировавшего её на общественных началах. Мы на первом курсе готовили спецвыпуск многотиражки, приуроченный к 25-летию её первого номера. Я его сохранил, там есть наша фотография – всех тех, кто её делал, – Пашки Б., Витюши Онгемаха, Серёги Ли, Людки Клыковой, Людки Шумахер, Наташи Баталовой и моя...

Серёгу Ли, Витюку Онгемаха и Людку Шумахер я не видел после окончания университета ни разу...

А факультетская стенная газета «Журналист» памятна мне и тем, что я впервые прочитал в ней на третьем курсе стихи первокурсницы Ольги Григорьевой. Они мне сразу понравились, и я подумал, что надо бы с ней познакомиться... Знакомство состоялось и закончилось пару лет спустя нашей свадьбой. Но это, впрочем, особая история...

Однажды она прислала мне по почте из Минска, куда ездила на зимние каникулы, письмо с коротким стихотворением, первую строчку которого предложил ей я. Я храню этот тетрадный листок с её стремительным, летящим почерком...

*Напиши мне письмо на берёзовых свитках
В необъятности снегом покрытых полей.
А в конверт не клади слов застывшие слитки –
Лишь немного тепла и заботы своей.
Пусть не буквы в словах, а разбухшие почки –
Я, тебя дожидаясь, весну тороплю.
А в конверт положи лишь одну только строчку –
Лишь одну только: помню тебя и люблю!
Напиши мне письмо на берёзовых свитках
В необъятности снегом покрытых полей.
Тот конверт оберни не почтовой ниткой,
А тесьмой улетающих вдаль журавлей.
Напиши мне письмо...*

Общага

Первые годы мы жили в десятом микрорайоне – в «нархозовских» общагах, арендованных нашим университетом у института народного хозяйства... Причём, наше общежитие едва ли не впритык стояло к штабу Среднеазиатского военного округа, который мы именовали меж собой Пентагоном... Иногда мы видели стоящую у ворот, ведущих на территорию штаба, «Чайку» командующего округом. Кажется, им был будущий министр обороны СССР Дмитрий Тимофеевич Язов.

Жили мы в комнатах на три и на четыре человека, по секциям: в каждой по две «четырёхместки» и две «трёхместки». Меня подселили к второкурсникам, которые сходу взялись мне доказывать, что они-то состоявшиеся студенты, а я – никто... И вскоре я переехал в «четырёхместку», тоже к второкурсникам: добродушному немногословному Грише Девятову и строговатому, резкому в движениях Толе Уколову. Во взаимоотношениях с ними у нас никогда никаких проблем не возникало. Позднее к нам подселили моего однокурсника Пашку Бабенко. Забегая вперёд, скажу, что потом судьба сведёт меня и с бывшими двумя «воспитателями», один из которых будет отчасти зависим от меня, но я никогда не стану напоминать ему о тех временах, когда «он был уже студент второго курса, а я никто...».

Комнаты, в которых мы жили, были довольно просторными, стоял один стол на всех, были простенькие встроенные шкафы с отсеками для каждого. Спали мы на кроватях с панцирными сетками. Да, ещё немаловажная деталь: в каждой секции (то есть на четыре комнаты) стояли также умывальник и унитаз. Словом, жить можно было...

На каждом этаже была просторная кухня с электроплитой. Здесь я как-то в один заход нажарил три или четыре сковородки картошки (мне её по случаю забросили целый мешок), сам оставшись полуголодным, поскольку съедали её быстрее, чем я успевал принести очередную порцию... Но вообще-то по прямому назначению кухни использовались не так уж часто. Чай кипятили главным образом в комнатах, а с приготовлением других горячих блюд мои собратья-студенты старались не связываться. На кухне назначались свидания, происходили объяснения в любви, иногда здесь спорили о смысле жизни...

Здесь нам читал свои стихи ещё не признанный факультетский поэт:

Глоток, стакан, бутылку, бочку...

Не день, не два, а много лет

Мне страшно оставаться ночью

С безумным хмелем тет-а-тет!

Учиться в общежитии – в этом вечно гудящем улье – было трудновато, но жить, повторяю, было можно.

Одно время в нашей комнате жил некто Гена Ш. Я спал у двери, очень чутко, и проснулся однажды рано утром от едва слышного шепуршания. Потом послышался чей-то шёпот:

– Имею в записке пять «плакушек»...

– Знаю дислокацию трёх «плакушек», – прошептал невидимый мне его собеседник, в котором я чуть позже распознал его однокурсника по кличке «Старик Д».

– Даже на «сестёр Федоровых» не хватает, – горестно констатировал первый шёпот...

Теперь я понял – речь шла о дешёвом вермуте с пляшущими девицами на этикетке.

В комнате тем временем воцарилось тягостное молчание.

– И занять не у кого... До стипендии два дня... – это опять второй шёпот.

– Пойдём. Может, по пути ещё попадётся. Я знаю одно место... – неуверенно сказал первый.

Чуть звякнули невидимые «плакушки», и собеседники удалились.

...Никто и никогда не видел Гену Ш. с учебником в руках, но – поразительное дело – экзамены он, как правило, сдавал хорошо. В день экзамена вставал первым, тщательно брился, гладил свои единственные брюки. Возвращался уже навеселе. Следы его затерялись где-то в Гурьеве (ныне Атырау) или в Уральске. А собутыльник его стал известным писателем и журналистом... И, кстати, уже много лет по части спиртного он в полной и окончательной «завязке».

* * *

Иногда у нас в комнате ночевал легендарный Вася Елисеев – старшекурсник с ангельскими кудрями и обликом херувима, у которого всё своё всегда было с собой и умещалось в портфеле.

Вася уже тогда писал не как все, а красиво, изящно, находя какие-то особые извивы и повороты речи...

Я, нахватавшийся за два года штампов и канцеляризов районки, тайно ему завидовал, понимая, что так, как он, не напишу никогда. К тому же у Васи были обширные знакомства в столичных газетах, он был вхож в «Ленинскую смену», где я безуспешно пытался опубликовать свой очерк о поездке в Шушенское по Ленинским местам. Вася всякий раз уверял: «Старик, я обо всем договорился, на этой неделе выйдет!». Но материал так и не появился...

У нас Вася спал на свободной кровати, а если все их хозяева были дома – на столе, который мы пододвигали к широкому подоконнику, служившему в этом случае подушкой...

Потом Вася работал в той самой «Ленинской смене», где его авантюрный талант, подкреплённый невероятным обаянием, пышным цветом расцвёл в конце восьмидесятых и начале лихих девяностых прошлого века. Он стал кем-то вроде коммерческого директора «Ленсмены», создавал какие-то фирмы, подсобные предприятия, прокручивал деньги... Мог стать, наверное, если не богатым, то уж точно не бедным человеком. Но по натуре он был всё же не бизнесмен, а свободный художник, и в итоге, как и большинство из нас, остался почти ни с чем.

Последний раз мы виделись с ним больше десяти лет назад: Вася приезжал в Павлодар организовывать то ли международную конференцию, то ли фестиваль (или это было мероприятие по типу «два в одном»), посвящённый борьбе со СПИДом. Был он абсолютно трезв, респектабелен – в дорогом строгом пальто и дорогой шапке. Попросил «пропиарить» будущее действо, что я и сделал. На том всё и закончилось.

А ещё какое-то время спустя мне попала в руки его книга «Повесть о первой любви», посвящённая «Ленсмене» и ленсменовцам разных времён. Написана она была тем самым красиво-изящным, странноватым стилем, полна щемящей грусти и таинственности. Наверное, ничто и никогда не сможет уже изменить Васю Елисеева...

* * *

Я вырос в такой глуши, где даже телевизоры стали появляться лишь в конце 60-х годов прошлого века. И то – в единич-

ных экземплярах, потому что сюда не доходил телевизионный сигнал. Самые нетерпеливые устанавливали во дворах длинные антенны, сваренные из металлических труб и прочего металла. Чтобы поднять такую антенну, собиралось до десятка совхозных мужиков, задействовали ещё в качестве тягача машину или трактор. И – о чудо! – на экране, напоминающем кипящее варево, возникала смутная картинка... Чтобы посмотреть телевизор, устанавливали негласную очередь. Однажды и мне посчастливилось попасть на такой просмотр к однокласснику Леньке Маноскину, чей отец – газоэлектросварщик – и смонтировал во дворе первую телевизионную антенну. Замечу, что «чудо 20 века» особого впечатления на меня не произвело, и потом, как и до этого, я отдавал предпочтение старому доброму киноэкрану в совхозном клубе, радиоспектаклям «Театр у микрофона», а более всего – книгам.

Словом, к телевизору я долгое время оставался равнодушным – даже после того, как он появился у нас дома (в нескольких десятках километров от совхоза установили ретранслятор). Я тогда учился уже на третьем курсе. Сосед же по общежитской комнате (причём старший из нас четверых) без телевизора жить не мог, уговорил скинуться и взять «ящик» напрокат, что мы и сделали. После чего у нас началась совсем весёлая жизнь, особенно когда шёл показ знаменитого и доселе сериала «Семнадцать мгновений весны». Я однажды подсчитал: на просмотр очередной серии набилось 25 человек – по полтора телезрителя на каждое мгновение...

К счастью, какое-то время спустя телевизор сломался и недели три молчал. Потом кто-то из общежитских умельцев его всё же починил, и мы решили вернуть «ящик» в пункт проката – от греха подальше...

В этом общежитии меня крупно обворовали. Я получил свою именную стипендию за летние месяцы – что-то больше 200 рублей – и 120 отложил на новый костюм. Бумажки – 12 десяток – засунул среди учебников в своём шкафчике. А когда спустя неделю или две собрался, наконец, в магазин, обнаружилась пропажа. Я сразу даже не поверил, что деньги украли, но раз десять перебрал и перелистав книжки, убедился – их нет. Воришку, само собой, так и не нашли. Помню, мне не столько

этих денег жалко было, сколько обидно. Хотя я на них, не роскошествуя, мог прожить почти три месяца...

* * *

А общежитские любви и драмы! Сколько их до сих пор хранят те комнаты, кухни и коридоры!

Молодой лейтенант, запавший на старшекурсницу-перестарку (ей было, кажется, лет 25-26), слегка манерную, белокурую и белотелую Вику, и ночи напролёт пропадавший вместе с ней под окнами общаги... Однажды мы с ним сутки искали её по всей Алма-Ате. Лейтенанту выпало счастье служить за границей, притом в Европе, но одним из условий была женитьба, и он в очередной раз хотел предложить Вике руку и сердце. Вику мы в тот раз так и не нашли – она была на преддипломной практике, где-то далеко... А на память от безутешного лейтенанта (и в знак благодарности – за сострадание) у меня остался его офицерский ремень, который до сих пор цел. Правда, застегивается у меня на животе, причём не без труда, на последнюю дырочку... И я порой вспоминаю лейтенанта, а Вику, которая (не знаю уж, в шутку или всерьёз) ещё тогда пророчила мне редакторское кресло, почему-то не вспоминаю.

Зато помню, как прибежала к нам в комнату третьекурсница, зарывалась лицом в оставленную на кровати несвежую рубашку однокурсника, дышала сквозь неё и говорила, задыхаясь:

– Если бы он только знал... Если бы знал... Ведь я ради него готова на всё...

Он же от неё буквально шарахался...

Или вот ещё... Ночные откровения... Пора спать, но не спим, слушаем горестный рассказ одного и историю грехопадения другого:

– Вы понимаете, – чуть не плачет первый, – она уже готова была... Готова... А я не смог...

Молчим. Потом – второй голос:

– Ну и не переживай. Просто тебе на первый раз опытная баба нужна, которая всему научит. У меня как раз такая была, сама вела к этому делу. Но в первый раз всё так быстро случилось, что я даже ничего ни понять, ни почувствовать не успел... Стыдно только было, неудобно как-то...

Молчим. Потом третий робкий голос:

– Ну, а потом?

Мы затаились в надежде – расскажет?

– Зато дальше всё как по маслу пошло... – снова второй голос. – У меня был ключ от зимнего гаража, где стоял старый диван. На нём мы с ней по полночи и кувыркались. Она старше была – года на три или четыре, всяким штукам обучена, ещё и меня воспитывала: надо, мол, не только о себе думать, но и о том, как женщине доставить удовольствие...

– Ну и как ты – доставлял? – опять третий голос.

– Да уж не обижалась потом, – с лёгкой усмешкой отвечал рассказчик, – как-то даже сказала: «Ну и укатал ты меня сегодня!».

Еще помолчали, и рассказчик, позёвывая, добавил:

– Вы не думайте только, что я большой мастер по этой части. Просто дело это нехитрое. Разве что – кому как повезёт. Мне вот тогда тоже повезло – триппером первая любовь наградила. Пришлось лечиться... Поздно уже, мужики, давайте спать.

Как будто легко было уснуть после таких воспоминаний.

Но оставим в покое общежитский «Декамерон», где столько всего было: истинных и скоротечных любовей, романтических грёз и обоюдных обманов, трагифарсов и драм... Людка и Вовка, Любка и Хохол, Лелька и Касым, Лёха и Светка... Что-то забылось очень скоро, а что-то с годами быльём поросло... Но у кого-то до сих пор нуют былые любовные раны...

* * *

Глубокая ночь. Просыпаюсь от чьих-то чертыханий за дверью. Прислушиваюсь – нет, вроде кто-то стихи читает... Может, почудилось спросонья? Да нет же: то стихи, то опять чертыхания...

Выглядываю в коридорчик секции и вижу всклокоченного Сашку Водолозова, из ушей у которого торчит вата. А в руках у него – томик поэзии вагантов. Их Сашка и читает – едва не в полный голос.

Я настолько ошарашен происходящим, что даже спросить ничего не могу...

– Сосед храпит, – вытаскивая вату из обращённого в мою сторону уха, говорит Сашка.

И я явственно слышу мощное, с переливами, рокотание из комнаты, что напротив нашей...

* * *

Другая ночь... Я в комнате один, уже лёг, но ещё не сплю. Слышу – ко мне стучат.

– Входите, – говорю, – открыто.

Никого нет. Потом снова стук.

– Да входите же, не заперто, – повторяю.

И опять никого нет. Потом голос – слегка обиженный:

– Как я войду, если у тебя балкон закрыт?

Это Пашка залез ко мне на четвёртый этаж по лестнице, прихваченной с соседней стройплощадки. Открываю ему балконную дверь. Карманы брюк у него оттопырены – в них по бутылке портвейна.

– Вот, – говорит, – решил тебя навестить...

* * *

...Живем на КазГУграде – в новых, только что отстроенных общежитиях, куда мы, журфаковцы, перебрались одними из первых. Неподалёку строится новый главный корпус университета, рядом с нашими достраиваются другие общаги. Кругом зелено: это полузапущенный парк, а наш с Толяном балкон и вовсе обращён к Ботаническому саду, до которого рукой подать. И хотя он огорожен высокой бетонной стеной, мы знаем, как туда попасть: в заросшем углу старого парка есть пролом.

Через него мы и полезли однажды ночью с Людкой Яшной, чтобы нарвать цветов ко дню рождения Толяну Егорову. До роскошного розария добрались быстро, но он оказался хорошо освещённым и просматривался со всех четырёх сторон. Выждав какое-то время и убедившись, что никакой охраны нет (а дело было около полуночи), двинулись к цветнику. Где нас тут же застучал непонятно откуда появившийся охранник в милицмейской форме.

Дело могло принять очень плохой оборот, потому что мы с Людкой покусились на какие-то очень редкие, суперэлитные розы. Но ей удалось так заморочить голову охраннику, оказавшемуся, кстати, заочником «казгушного» же юрфака, что он великодушно разрешил нам нарезать целый букет, и ещё помогал выбирать...

Когда мы с Людкой предстали перед Толяном с этим букетом во втором часу ночи, он едва не потерял дар речи. Думаю, таких цветов ему больше не дарил никто и никогда. Но и мы никогда больше таких набегов не совершали...

Как-то осенью, уже с Толей, мы решили нарвать яблок в саду, росшем неподалёку, сразу за автострадой. Пошли на рассвете в надежде на то, что и сторожа в эту пору ещё спят. Увы, нас застиг объездчик с ружьём и двумя здоровенными собаками. И отправил восвояси ни с чем...

* * *

В первые две зимы в общаге было холодно. Особенно мерзли южане. В комнате у соседей – худющий трясущийся Сергей Ли – мечтательно, с расстановками:

– Щас бы бабу... Большую-большую... И тёплую-тёплую... Прижаться к ней... И спать, спать, спать!

* * *

Незабываемая картина воскресным утром. Демонстрирующий мужскую силу Касым – с чайником, висящим у него чуть пониже живота...

Он же, где-то около полуночи, скребётся к нам в комнату:

– Стипендиат, – это он мне, – у тебя сало ещё осталось?

Сало мне время от времени присылала в посылке мать, и мы все им подкармливались, Касым же обычно стоически выдерживался. Но голод не тётка...

– Касым, тебе же нельзя, – пытаюсь его подначить.

– Да ладно, – шипит он в ответ, – сало где? И хлеб есть?

Не вставая, отвечаю, что сало на балконе, а хлеб в тумбочке. Он, чертыхаясь, шебуршится в темноте, сначала на балконе, потом в тумбочке, и, наконец, довольный удаляется.

* * *

Случалось, мы выпивали в общаге. И однажды, как обычно, «не хватило», притом глубокой ночью, когда взять горячительного негде, а душа у всех просила добавки. И Касым вызвался достать. Пустили шапку по кругу, набралось рублей что-то около десяти: пятёрка – на такси, и пятёрка – на бутылку водки по ночному тарифу. Поехали Касым с Вовкой Леевым. Их не было часа три. У большинства из оставшихся и аппетит пропал, кто-то вовсе уснул... Оказалось, «знатоки» объехали все злачные

места и уже возвращались домой несолоно хлебавши, когда таксист поинтересовался:

– А что вы искали, парни?

Услышав ответ, остановил машину, открыл багажник и выдал вожделенную поллитру. Благо, у них деньги ещё оставались...

Мы, конечно, выпили и её, но уже без всякого удовольствия...

* * *

Как-то у нас чуть-чуть не хватило денег до стипендии. И почему-то взять было не у кого. Людка Яшная призвала нас с Вовкой Леевым в воскресенье пред свои светлые очи, заставила вывернуть карманы. Набралось что-то около рубля. Я сразу сказал, что мне нужно как минимум 20 копеек на проезд – поеду к совхозным знакомым, где, по идее, должны покормить. Поколебавшись, Людка мне эти 20 копеек вернула, Вовке сказала, чтобы сидел дома, а сама пошла в магазин на Весновку.

Я уехал к знакомым, расчёты мои на обед оправдались, но я у них подзадержался и, возвращаясь, думал, что неплохо было бы сегодня и поужинать. Только где?

В комнате меня ждала записка: «Стипендиат! Борщ на балконе. Жри!».

Я полез на балкон – и глазам своим не поверил: наша «семейная» кастрюля литров, наверное, на пять, была почти полна! Борщ Людка сварила из куриных голов и лапок, которые стоили тогда копеек 25-30 за килограмм. Овощи тоже были очень дешёвые. Но ведь до такого экономборща надо было додуматься!

Мне его никогда не забыть. И даже теперь я иногда покупаю этот «джентльменский набор» и прошу домашних сварить мне куриные головы и лапки.

* * *

Наша общага – одно из самых дорогих воспоминаний нашей студенческой поры. Воспоминания эти – самого разного свойства, они – как детский калейдоскоп, в котором яркие картинки быстро сменяют друг друга и почти никогда не повторяются.

...Я болею – подвернул ногу, у меня растяжение стопы. Подобное уже случалось, и я знаю, что это – не на один день.

Людка Подорожко с младшего курса берётся меня поставить на ноги за сутки: обильно смачивает одеколоном тряпицу, плотно укутывает ею стопу, упаковывая затем всё это в два целлофановых мешочка и перевязывая их сверху верёвочкой, чтобы одеколон быстро не выветрился. А сверху на эту конструкцию Людка надевает шерстяной носок. Я не слишком верю в чудодейственность метода, но когда утром стаскиваю с ноги все одежды, вижу, что опухоль почти спала; стопа хоть и побаливает ещё, но на неё уже можно осторожно опираться.

А в те два дня, пока я лежал с больной ногой, впервые прочитал «Мастера и Маргариту» Булгакова, прежде мне неведомого.

В общаге же я отмечал с однокурсниками нашу с Ольгой свадьбу, праздничный стол для которой подготовили общежитские девчонки-однокурсницы. Мы так весело и бесшабашно гуляли на ней... А поддателя Галка Агафонова от имени женской половины нашей группы ещё и воспитывала Ольгу, наказывая ей беречь меня...

* * *

Лучше всего, конечно, здесь было весной. Весна в Алма-Ате сама по себе чудо, но в этом слегка запущенном, укротном уголке города, где как-то очень быстро, враз зацвели яблони и покрывали ярко-жёлтым ковром землю цветущие одуванчики, было не по-земному даже, а райски живописно...

И как ласково грело весеннее солнце наши спины, когда мы пили пиво у пивнушки на Весновке, сидя на уже тёплых камнях... И засушенного до звона, белого от соли лещика с ладошку нам хватало на пятерых...

То было действительно прекрасное время... Ещё и потому, наверное, что мы были молоды и беспечны... И нам казалось, что всё ещё впереди...

ОДНОКУРСНИКИ

Пашка

Судьба каждого из моих университетских друзей достойна романа. По части жизненных невзгод, выпавших на их долю, умения держать удары жизни, и по тому, как они смогли распорядиться «родительским капиталом» и собственными талантами...

Нас было четверо: Пашка, Толян, Васька и я. И начну я, пожалуй, с Пашки, которому, может быть, с самого детства было дано больше, чем каждому из нас. Единственный ребёнок у родителей. Более чем благополучная семья. Отец – редактор единственной в Казахстане, да, наверное, и в СССР, районной газеты, выходявшей одновременно на трёх языках – русском, казахском и узбекском. (Да, такое было: здесь, в одном из районов Южного Казахстана, кроме русских и казахов, а также людей других национальностей, издавна жила значительная узбекская прослойка, для которой издавали газету на их родном языке).

Так вот, Пашкин отец, авторитетный в районе и даже в области человек, труженик из тружеников, подростком сопровождавший эшелоны с грузами для фронтов Великой Отечественной, эту уникальную трехязычную газету много лет редактировал. Мать работала в райкоме партии (не на руководящих, правда, должностях). Словом, в детстве своём Пашка, в отличие, скажем, от нас с Толиком, чьи семьи если и не бедствовали, то жили бедновато, никогда ни в чём не нуждался. Тем более, что ребёнком был желанным и любимым. Баловали его или нет в детстве – не знаю. Но не обижали – точно.

На нашем курсе, где собралось немало ярких, подчас экзотических фигур, Пашка выделялся некоторой вальяжностью, скептическим отношением к действительности, ироничностью. Он не был, разумеется, ни антисоветчиком, ни диссидентом, однако на многое (в отличие, опять же, извините за повтор, многих из нас) имел свой взгляд, поскольку уже к тому времени был достаточно образован. Коренастый, белокожий, всегда опрятно и со вкусом одетый, уверенный в себе и к себе располагающий, он был замечен в любой компании. Его примечала наша женская половина.

Пашка, если можно так сказать, не столько жил, сколько странствовал по жизни: неспешно, несуетливо, стараясь получить от неё удовольствие. И учёба никогда не была в числе его жизненных приоритетов. Напрягаться он не слишком любил...

Так бы он, наверное, ни шатко ни валко университет и закончил, если бы не одно происшествие. Однажды они с Васькой, студенты второго курса, обмыв стипендию, возвращались домой. На улице им показалось, что одна из телефонных будок стоит не на месте. Они начали её переставлять, а когда один из прохожих попытался их вразумить, стали «вразумлять» его...

Ночь провели в медвытрезвителе, что уже само по себе влекло за собой исключение из университета. А на них к тому же завели уголовное дело, инкриминируя злостное хулиганство.

Дело, к счастью, удалось замять, включив разного рода рычаги, но из университета оба были отчислены. Правда, с правом восстановления после трудового перевоспитания на строящемся в ту пору новом комплексе КазГУграда на Весновке. Но если Васька сразу пошёл перевоспитываться и был восстановлен уже через несколько месяцев, то Пашка сперва волянил, потом ему не давали нужных документов, и он был восстановлен почти через год, отстав от нас на курс.

Похоже, интерес к учёбе он за это время потерял окончательно. Из общаги перебрался на квартиру, где-то подрабатывал, большей частью сибаритствовал, набирал всё больше «хвостов» по зачётам и экзаменам...

Мы с ним всё это время продолжали не только общаться, но и дружить. Он заглядывал ко мне в общагу, часто через балкон, с помощью лестницы, позаимствованной неподалёку на стройплощадке. Мы по-прежнему выбирались в театр и в горы, нам было интересно вдвоём.

В конце концов Пашку в очередной раз отчислили – за неуспеваемость, и ему пришлось идти в армию. Я ездил его провожать. Приехал утром, дома у них никого не оказалось, и я присел покурить в садовой беседке, увитой виноградом. Была весна, всё вокруг благоухало. Я и потом не раз побываю в их доме, но тот первый приезд помнится больше всего – то был просто райский уголок.

Пашка на проводах был спокоен, пожалуй, даже беспечен. Наверное, ему казалось, что армия переменит его жизнь. Но этого не произошло. Служил Пашка на Севере, в Северодвинске, писал мне письма – сначала часто, потом всё реже. После университета он перевёлся на заочное отделение. Но учёбу так и не закончил.

Судьба и позднее нас не раз сводила. Одно время Пашка взялся выращивать цветы на продажу и как-то прилетел ко мне в Павлодар вместе с другом и двумя вместительными чемоданами, полными тюльпановых бутонов.

Моя жена, зайдя утром в ванну, поразилась – та была полна нераспустившихся тюльпанов.

Происходило это перед самым 8 Марта, а цветы в ту пору были в большом дефиците, и уходили их тюльпаны влёт. За два дня они выручили чуть больше тысячи рублей – тогдашнюю мою более чем полугодовую зарплату. Хотя если подсчитать всё до того потраченное – на рассаду и уход, на дорогу туда и обратно, на взятки милиционерам в двух аэропортах, да ещё поделить на двоих... Почти что ни хрена, как говаривал один мой знакомый механизатор. И тем не менее вдохновленный первой бизнес-удачей Пашка сделал моему семейству подарок – купил шесть гнутых венских стульев, часть которых и по сию пору цела (кто бы их ещё починил?).

К цветочному бизнесу Пашка охладел довольно быстро – и хлопотно, и затратно, и конкурентов масса...

И он переключился на фотографию. Об этом его занятии, которым он увлекался ещё в студенчестве, я знаю мало. В конечном счёте и оно ему разонравилось – то ли оказалось неприбыльным, то ли по какой-то другой причине.

Потом Пашка торговал лесом. Ездил на Север, заключал какие-то договоры, менял лес на казахстанское зерно, ещё на что-то... И не раз оказывался то по делам, то проездом у меня дома. И тут с кем-то встречался, о чем-то договаривался, довольно подолгу жил. Мне казалось, что для начинающего бизнесмена он ведёт себя уж как-то очень вольготно, не шибко загружаясь делами. Заводил романы – скоротечные и подчас тянувшиеся годами.

Кажется, как раз в ту пору у него случилась большая любовь. И когда возлюбленная предпочла ему другого, он позвонил мне

однажды ночью и без всяких предисловий предложил спеть с ним на пару по телефону «Последний троллейбус» Окуджавы. И мы пели, вернее, бормотали речитативом, разделенные полутора тысячами километров, нашу любимую студенческую:

*Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаяние,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
Последний, случайный...*

Я был при этом до неприличия трезв, и, наверное, ещё поэтому повергал в изумление домашних. Пашка находился, скорее всего, в подпитии; наверное, ещё и поэтому его любовное страдание вылилось в столь странную форму.

В родном селе он начинал строить большой дом. Купил оборудование для пекарни. Казалось, ещё вот-вот, и жизнь его по-настоящему наладится. Были уже жена и дочь-школьница. Но так он был устроен – ничто и никогда не доводил до конца. Вместо прибылей копились долги, пришлось продать не только пекарню, не выдержавшую конкуренции, но и недостроенный дом, родительскую машину... А долги всё ещё оставались, он звонил мне, просил «хотя бы тысячу долларов». Что-то я ему отправлял, зная, что он не вернёт...

После Пашкиных неудавшихся бизнес-затей мы виделись ещё несколько раз. На встрече с однокурсниками в Алматы, куда я зазвал и его. Конечно, мы все за минувшие 25 лет не помолодели. Пашка как-то поблёл и будто слегка усох, хотя и пытался куражиться. Говорить нам с ним, в сущности, было не о чем. К концу встречи он и вовсе потерялся. Возник через несколько дней, позвонив мне... На вокзале в Алматы подцепил бомжиху-корейку, которую привёз домой, к жене и родителям, и которая с неделю находилась при нём в качестве «подруги»...

Вскоре жена от него ушла. Пашка одно время пытался работать в газете, которую когда-то редактировал отец, но его вольнолюбивая натура, конечно же, не перенесла газетной рутины. И Пашка вновь остался не у дел...

Мы виделись последний раз, когда его главным занятием стало выращивание свиней на продажу – дома, в клетках. Жил Пашка по-прежнему с родителями. Отец уже несколько лет лежал полупарализованный. Ухаживавшая за ним мать слепла.

Ей давно рекомендовали операцию, но она не могла оставить мужа без присмотра или доверить его Пашке.

А что же Пашка? Передо мной был пятидесятипятилетний мужик с некогда голубыми, а теперь выцветшими глазами. Передвигался он неуверенно, как будто всё время опасаясь чего-то...

Ему столько было дано когда-то! А позади громоздились только руины: бездарно потраченная собственная жизнь; бывшие друзья, у которых после встреч с ним оставались, главным образом, тягостные воспоминания; женщины, большинству из которых он в лучшем случае едва не испортил, а в худшем – испортил жизнь; дочь, стеснявшаяся отца и чаще всего не желающая его видеть; родители, надежды которых он не только не оправдал, но и жизнь которых на склоне их лет далеко не облегчил... Почему так сложилась его жизнь? Кто и что тому виной? Зачем он вообще жил? Я не знаю...

Он был одним из самых близких мне людей. И эти заметки о нём я писал с тяжёлым сердцем, всё время сомневаясь: надо ли вспоминать об этом и об этом, ведь было же и хорошее, светлое? Доброе тоже не забывалось и не забудется. Хочу лишь заметить, что я не судья моему другу, и хотел бы, скорее, защитить его, чем осудить. Но ничего с собой поделатать не мог – и написалось как написалось...

Толян

Судьба самого близкого из моих университетских друзей может служить примером жизненной стойкости. Мы были родственные души – из простых, не обременённых достатком семей, в университет поступили без блата и хорошо понимали, что рассчитывать в этой жизни можем только на себя.

Когда нас переселили в новую – «казгуградговскую» – общагу, мы с Толяном заняли в ней «двухместку» и жили там до самого окончания университета. Условия в ней были царские: комната – на двоих, у каждого персональный письменный стол с тумбочкой и тахта, на двоих – вместительный шкаф для одежды. Плюс туалет и душ на секцию из двух комнат (рядом была «трёхместка»). Да ещё отдельный балкон, выходящий к Ботани-

ческому саду, в котором упоительно пели по весне соловьи, не давая нам по утрам спать...

О таких условиях можно было только мечтать, тем более что плата за общагу была чисто символическая – что-то около десяти или двенадцати рублей за год при обычной студенческой стипендии в сорок рублей.

Заселившись, мы купили с Толяном шторы, по которым плыли в неведомые дали корабли под парусами (что должно было создавать нам бодрое, жизнерадостное мироощущение, именуемое по-учёному оптимизмом), электрочайник (в нём иногда даже покупные пельмени пытались варить, но оказалось – это неудобно), электроплитку, сковородку, кастрюлю. И жили душа в душу, хотя, бывало, и поругивались «за жизнь», в чём чаще я, а не Толян был виноват.

Мы хорошо, ровно учились, были людьми твердых убеждений. Нам не за что было ненавидеть советскую власть, давшую нам возможность учиться в лучшем вузе республики и жить в это время в таких условиях. За все годы учёбы я в целях экономии времени ни разу не ездил в Алма-Ату и обратно на поезде – только на самолётах летал. Перелёт по студенческому билету стоил сначала десять, а потом двенадцать рублей. Но это так, к слову...

Мы с Толей безоговорочно доверяли друг другу, сообща переживали выпадавшие на нашу долю невзгоды и первые любовные драмы. Мы вместе ходили в горы, ездили в стройотряд. Однажды я уговорил его поехать к нам домой на зимние каникулы, где мы устраивали в заваленных снегом берёзовых колках охоту на зайцев, а застрелил мой друг, если не ошибаюсь, всего лишь сороку.

В наших берёзовых колках он чувствовал себя как рыба в воде. Это меня удивляло. Он всё объяснил: «Родился я в суровом дальневосточном краю; куда ни глянешь – бескрайние сопки Сихотэ-Алиня и Уссурийская тайга... Жизни тогда учились у старших. Дед Илья учил определять расстояния на глаз и на слух, ориентироваться по солнцу, по луне, по просекам в лесу, по Полярной звезде, по признакам местности, по тени, с помощью веток на пройденном пути и даже... самодельного компаса. Спичечный коробок – длиной пять сантиметров, а гильза па-

трона – семь. Зяблик встаёт в два часа ночи, малиновка – в три, перепел – в четыре утра, а засоня воробей – в шесть!». Толян закончил тогда свой спонтанный монолог словами о том, что пустынь он побаивается, к степям его душа не лежит, но даже в самом дремучем и бескрайнем лесу он не заблудится никогда...

И в это верилось!

Позже, когда Толины родители надумали строить дом (ох и тяжёлый это был труд!), мы с ним помогали им в этом.

В годы учёбы нам с Толей посчастливилось встретить свои половинки, и не так давно мы с немалым удивлением констатировали, что наши пары – единственные сохранившиеся из всех созданных в пору учёбы на нашем курсе. Толян был дружкой на моей свадьбе, а я – одним из свидетелей на его.

И вот – распределение. Я уехал в Павлодар, в областную газету, где меня уже ждали, а Толя – в Восточный Казахстан, в районную газету. Затем он вернулся в Алма-Ату – работал в республиканской детской газете «Дружные ребята» (в ту пору – сверхпопулярной), на республиканском телевидении, в «Казахстанской правде». О работе в последней многие журналисты той поры могли только мечтать. Толя в ней быстро закрепился, но он был уже женат, а шансов на получение жилья в ближайшем обозримом будущем не просматривалось. И он принял предложение одного из бывших казправдинцев, который был назначен редактором кызыл-ординской областной газеты, стать его замом.

Именно в то время Толя прилетал по делам в Павлодар, где я всё ещё тянул корреспондентскую лямку. Нашему редактору Толя тогда дал понять, что он напрасно держит в чёрном теле «такого кадра». Нелегко в Кызыл-Орде жилось и самому Толе, ведь он работал в русскоязычной газете, а область была процентов на 85-90 казахскоязычной. Но Толя не жаловался и не торопил события: наверное, верил в то, что это не последний пункт приписки его жизненного корабля. Так вскоре и произошло...

Несколько лет спустя мы случайно встретились в коридорах ЦК Компартии Казахстана. Я проходил собеседование на должность редактора «Звезды Прииртышья», а Толя – к тому вре-

мени заместитель заведующего отделом Кызыл-Ординского обкома партии – оформлял документы для поступления в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Я чувствовал себя в «цековских» кабинетах не слишком уютно, временами робел, а Толя был тут вполне своим и даже рекомендовал, где мог, меня. Единственную выпавшую в тот раз на нашу долю ночь мы провели дома у нашего же «казгушника», с которым когда-то я тоже, правда, недолго, жил в одной комнате, – Толи Устиненко. К слову, за пять лет на всю Кызыл-Ординскую область выделили одно место в Академию, и казахи отдали это право ему, что ещё отнюдь не гарантировало поступления. До этого были строжайшая медицинская комиссия (чуть ли не как у космонавтов!) плюс экзамены – отсеялась добрая половина претендентов. А Толя был по праву горд, что прошёл, получив четыре оценки «отлично».

Казалось, моего друга с его трудолюбием, упорством, образованностью, умением делать дело ждёт блестящее будущее. Ведь АОН, как её тогда именовали, была не обычным учебным заведением – в ней готовили кадры высшего партийного звена. И диплом выпускника Академии общественных наук при ЦК КПСС становился своего рода пропуском на руководящие партийные должности. Помимо прочего, слушатели АОН защищали кандидатские диссертации – по истории, филологии, социологии. Толина была посвящена особенностям работы печатной прессы в условиях национальной республики. И я был на её защите (именно в это время нас, редакторов областных газет СССР, собрали на очередные курсы, раз в несколько лет проводимые в той же АОН по решению ЦК КПСС). Держался Толя молодцом, защитился, не получив ни одного чёрного шара.

Мне до сих пор помнится вечеринка, устроенная им по случаю успешной защиты в «аоновской» общаге, где и я жил. Кстати сказать, водку для неё пришлось везти аж из Кызыл-Орды – Толиной жене Наде, на самолёте, ящик или два. Такие были времена.

По действовавшим в ту пору правилам он должен был вернуться за новым назначением в Кызыл-Ординский обком партии, который направлял его на учёбу. Но Толю уже заприметили

москвичи и предложили работу в Зеленограде – редактором городской партийной газеты. Зеленоград был закрытым микрорайоном Москвы, центром оборонной промышленности. Его создавали великие умы, патриоты-державники, технические гении, единомышленники. Толя бы и там не затерялся, но уже шла вразнос наша большая страна, а Зеленоград – это, по Толиному определению, «логово демократии», трясло как на вулкане. И Толе пришлось там пережить немало не просто тяжёлых, но и трагических событий...

Мы с ним после московской встречи не виделись 12 лет. Встретились счастливо-случайно на международном Евразийском медиафоруме в Алматы весной 2003 года. Весь вечер проговорили в ресторанчике, что за форелевым хозяйством ущелья Ботан. Толя с нескрываемым наслаждением пил... верблюжье молоко (шубат), а я – казахстанский коньяк. Вспоминали о прошлом и пережитом...

На мой вопрос, что осталось самым страшным от московских дней пресловутого ГКЧП, он ответил не задумываясь: «Картина, как женщины – секретари горкомов партии – тайно лезли через забор (ещё вчера Московской партшколы), чтобы забрать свои вещи! Поскольку главный вход уже заблокировала «демократическая общественность». Это был верх крушения старых устоев и торжества новой власти...».

Я согласился – эту картину трудно себе представить! Сегодня ты секретарь горкома – ВСЁ в этом мире. Завтра – НИЧТО в мире другом...

Когда в Москве и Подмоскovie были, по сути, разгромлены партийные комитеты, включая и Зеленоградский горком, Толя остался без работы. «Кто застал то время – тот знает жизнь, – рассказывал мне Толя. – Люди были озлоблены и откровенно остервенелы. Пустые полки в магазинах, пустые холодильники в квартирах. Обида, боль, отчаяние – кто из нас не познал их в те «приснопамятные» дни!

Когда остановилось издание газеты, он стал преподавать в Российском государственном социальном институте на Лосиноостровке. «На работу утром еду, – рассказывал, – у станций метро лежат очоленные бомжи и мёртвые «братки» после ночных разборок. Кто газеткой прикрыт, а кто и нет. Ведущие

инженеры наших оборонных заводов торгуют на базаре... бельём! Все наши денежные запасы «на чёрный день», хранившиеся на сберкнижке, инфляция мгновенно превратила в ничто. Доцент московского института, я не мог свести концы с концами. В холодильнике – одни жареные бобы. Дети и сейчас вспоминают те времена, правда, уже без обиды. В довершение ко всему Верховный Совет России расстреляли из танков. Мою Надю от всех переживаний парализовало (половина лица мёртвая и сейчас)».

Толя пошёл к друзьям и соратникам. Бывшие секретари горкома тоже устраивали свою новую жизнь. Один был уже владельцем полудюжины киосков. Другой открыл колбасный магазин. Толя рассказал им о своих бедах в надежде, что найдёт сочувствие и участие, что ему предложат хоть какую-то подработку в их фирмах. Но уже дохнул ветерок «другого мира», и каждый был сам за себя...

И тогда Егоров – патриот из патриотов, каких днём с огнём не сыщешь, – сказал себе: «Пошли вы на...!» – и следующим утром поехал в греческое посольство.

Откровенно и честно Толя рассказывал, каким непростым было вживание в новый мир. Но лично он – в отличие от большинства переселенцев – начал свою новую жизнь с того, что пошёл в государственную школу изучать, по его словам, «великий язык великого народа», в котором пять букв «и» и четырнадцать форм спряжения глаголов в действительном и страдательном залогах...

Начинал жизнь в Греции, работая в туристической компании и рекламной фирме. В Афинах подтвердил диплом государственного университета. Восемь лет ушло на то, чтобы получить греческий докторский диплом историка. Полгода учился на специальных курсах, чтобы обрести европейский компьютерный сертификат. Работал в государственных структурах, в последнее время – переводчиком в греческом «акимате». Выучил детей: дочь окончила институт компьютерных коммуникаций и управления, сын – греческую «Гнесинку» в Афинах.

У Егоровых, как Толя выражается, своя «избушка на берегу Эгейского моря». Избушка, прямо скажем, неплохая, двухэтажная...

Русский человек, по его словам, может приспособиться к любому миру (от Канады до Австралии!). Но, как убеждает его личный опыт, «жизнь человека в другой земле – это вопрос не столько материальный, сколько духовный. В православной Греции – при всех её сегодняшних экономических проблемах – его семья духовно тепло». Вот его ответ.

В последние годы мы переписываемся с Толей по электронной почте. Иногда, к сожалению, редко, созваниваемся. Предпоследняя новость – он провёл в рамках Евросоюза международный экологический семинар в Болгарии, был даже составителем программы и модератором. Пять дней вёл семинар на греческом языке. Позвонил по возвращении: «Стипендиат, думали ли мы с тобой в нашей студенческой общаге, что будем говорить когда-нибудь по-гречески, как по-русски! Воистину, жизнь прожить – не поле перейти!».

Недавно он позвонил мне уже с Алтая, куда прилетел по приглашению. Прочитал там полдюжины лекций по истории Древней Греции в местном государственном университете. Выступил на международной научно-творческой конференции «Алтай в цивилизационном пространстве Евразии». Сдал в издательство книгу воспоминаний – она должна вскоре выйти.

Чем занят сейчас? Готовит к изданию греческо-русский и русско-греческий «Словарь сравнительной и прикладной фразеологии», собранный им за 18 лет жизни в Элладе. «Такого словаря, – говорит, – нет нигде в мире. Пена «чистогана» уйдёт: завтра это нужно будет и Греции, и России».

Какое-то время назад я уговорил Толю написать «Письма из Греции», напирая на то, что казахстанским читателям, среди которых есть и греки, они должны быть интересны. Недолго посомневавшись, Толя с энтузиазмом взялся за них... Его «Письма» были опубликованы в республиканском журнале «Нива», после чего на Толю обратила внимание редакция «Казахстанской правды», предложив стать её автором в Греции. Так журналистская судьба вернула его на круги своя – в газету, где он когда-то работал. И теперь Толя – один из самых продуктивных авторов «Казправды» – её «золотое перо», только за последний год он опубликовал в ней и журнале «Байтерек» три с лишним десятка материалов. Он также пишет статьи на исторические

темы в греческие и российские издания. А недавно он ошеломил меня возникшим у него «философским желанием приступить к изучению... иврита – языка великого народа...».

А ещё он написал совершенно замечательный цикл новелл – о дальневосточном и алма-атинском детстве, о студенческой юности и взрослении, о других мгновениях жизни – веселых и грустных, счастливых и трагических. Мне так хочется, чтобы эта его книга увидела свет. Потому что она ещё и о том великом мужестве и достоинстве, с которыми жил и продолжает жить мой друг...

Васька

Мы были с Васькой представителями разных сословий: он – сын декана и известного в столице врача, кандидатов наук... Я – простолюдин из дальней-дальней глубинки... Не могу теперь даже припомнить, как и почему мы сошлись. Может, потому ещё, что он был «школьник» (то есть поступил на журфак сразу после школы), а я – «стажник», успевший поработать два года в районной газете. А «школьники» относились к нам, особенно на первых курсах, с некоторым пиететом... Как бы там ни было, мы четверо – Пашка, Васька, Толик и я – сблизилась уже на первом курсе.

Учился Васька легко, но без особого усердия. Происхождением своим никогда не кичился, тем более что, как уже упоминал, отца его с поста декана освободили, когда мы ещё учились в первом семестре. Внешним видом Васька напоминал подчас беспризорника, поведением – эдакого разбитного, всегда уверенного в себе парня. Мы, кто был постарше, подшучивали над некоторой его самоуверенностью.

Заспорили однажды – какой урожай пшеницы можно получить в условиях Казахстана. Цифры назывались самые разные. Я сказал, что у нас в области никогда не получали (притом не в круговую, а только на лучших участках) больше 30-35 центнеров с гектара, в среднем же по области рекордом считается и ныне не превзойденный урожай целинного 1958 года – примерно четырнадцать с половиной центнеров с гектара.

– Так у вас же богара, – изрёк Васька, демонстрируя свои глубокие познания в сельском хозяйстве. И поскольку он не

совсем правильно выговаривал «р», это слово прозвучало как «багага».

С тех пор острослов, донской казак Лёха Закутаев, завидев Ваську, бросался к нему с возгласом:

–Багага!

Впрочем, история эта быстро забылась. Васька был незлопамятен, открыт для общения, сам мог подначить и завести любого, что не раз демонстрировал на мне и на Толе. Они с Пашкой разыгрывали одно время роли фрондёров, высмеивающих советскую идеологию. Иронизировали над её героями – Павлом Корчагиным, Зоей Космодемьянской, кем-то ещё... Мы же с Толиком были патриоты и с пеной у рта доказывали им – несколько они не правы, что только их раззадоривало (понимаю теперь: они только и ждали, когда мы начнём заводиться, чтобы поиздеваться над нами). При всем при том эти идеологические разногласия нисколько не мешали нам дружить.

А фрондёрство и молодецкая придурь довели Пашку с Васькой до отчисления из университета, когда они после обмывки стипендии на втором курсе взялись переставлять телефонную будку в центре Алма-Аты. Им могли и срок припать, но благодаря связям отцов дело замяли и отправили друзей на перевоспитание – строить университетский городок, будущий КазГУград. Там они хорошо себя показали и были восстановлены. Только Пашка потерял один год, а Васька несколько месяцев спустя восстановился и продолжил учёбу вместе с нами. Правда, с тех пор их отношения дали трещину и близкими уже никогда не были.

Может быть, самой большой Васькиной страстью были горы. Окрестности Алма-Аты он знал, как родной Геологстрой (окраинный район города), где родился и вырос. Водил нас на Большое Алма-Атинское озеро, и мне с той поры не забыть это чудо из чудес – огромную зеленоватую чашу в обрамлении гор, наполненную чистой ледяной водой. Это озеро и теперь стоит у меня перед глазами.

Васька доверял нам самые укромные и дорогие сердцу уголки своих гор, включая святая святых – скромную хижину в заповедных местах, построенную когда-то его родителями. Однажды глубокой осенью, когда в Алма-Ате уже отплодоноси-

ли яблоневого сада, мы втроём – Васька, Толик и я – набрали столько отборного апорта, что не смогли всё унести, оставив часть собранного в хижине. А то, что взяли, бережно уложили в короба, сооружённые из подручного материала Толиком, и несли их на спинах. Я потом одарил посылками с этим апортом не только родню, но и любимых своих учителей. Никогда я с тех пор не рвал таких невыносимо красивых и вкусных яблок – размером иногда с небольшую дыню.

На пятом курсе у этой самой хижины мы узким кругом будем праздновать нашу с Ольгой свадьбу... Свадебный стол стоял в яблоневом саду. Для нас с Ольгой прикатали валун, накрыли его старым ватным цветастым одеялом. Все остальные немногочисленные гости ели и пили стоя.

Была весна... В саду запоздало и отчаянно цвели яблони. И при лёгком дуновении ветра их лепестки опадали на наши головы и плечи, на праздничный стол с немудреными студенческими закусками. Когда лепестки попадали в разнокалиберные «кубки» с портвейном, гости кричали «Горько!»... Весенний день был хорош и светел, все были беспечны и веселы, и казалось, что так теперь будет всегда...

Я бывал у Васьки дома, где мы с ним тайно угощались молодым виноградным вином из их садового винограда. А Васька захаживал к нам в общагу. Иногда эти визиты превращались в маленькие спектакли. Как-то, по-быстрому обставив меня в шахматы и громко заметив, что играть ему со мной не интересно, Васька принялся читать принесённого с собой «Клима Самгина» (мы как раз проходили Горького). Время было позднее, и мы с Толиком (был кто-то ещё) стали намекать ему, что пора уже и честь знать...

– Да подождите! – отмахивался от нас Васька, казалось, всецело поглощённый чтением. – Должен же я узнать!

– Что узнать?

– Как что: «трахнет» в конце концов Клима эту свою Варавку или нет?

Вот что больше всего интересовало будущего журналиста ведущих казахстанских газет, лауреата премии Союза журналистов СССР, а не какие-то там философско-мировоззренческие концепции Горьковского романа-эпопеи.

Благодаря связям отца Васька получил блестящее распределение, о каком никто из нас и помыслить не мог, – сразу в главную республиканскую газету. Как-то он заглянул и ко мне в Павлодар – в качестве спецкора этой газеты, и мы так славно провели два дня вместе, добравшись даже до моего родного «Михайловского» и немного при этом покуролесив...

Из партийной газеты Васька вскоре ушёл. И не потому что «не потянул» – опубликовал несколько хороших проблемно-аналитических материалов, вполне мог по-настоящему в ней закрепиться, сделать карьеру. Ему было скучно, неинтересно, не по душе была чопорная атмосфера редакции.

Ушёл Васька в лесники, на дальний кордон в нескольких десятках километров от Алма-Аты. Жизнь он там вёл полупервобытную, о чём мне рассказывал как-то навестивший его Толик. И хотя Толик к тому времени уже успел немало поездить и повидать, образ Васькиной жизни на кордоне его во многом ошарашил. Ваське же всё было нипочем.

Его новая карьера закончилась почти так же стремительно, как и началась. По заявке какой-то, кажется, телевизионной, конторы он срубил для её сотрудников несколько десятков сосенок. На него кто-то настучал, а обещанного официального письма-заявки от конторы так и не появилось. И Ваське припаяли срок – что-то около трёх лет.

Из тюрьмы его всё-таки вызволили. Но два времени года, по его собственному определению (то есть шесть месяцев), Васька отсидел...

Работать он устроился в журнал для слепых, выходявший в двух видах – обычном и толстенном, где использовался шрифт Брайля, который незрячие люди читают подушечками пальцев. Наезжая не раз в ту пору и ко мне, Васька по этому поводу иронизировал:

– Старик, у тебя даже в самом лучшем случае только каждую строчку читают, а у меня всегда каждую букровку ощупывают.

В командировках Васька не перерабатывал. Заводил скоротечные, необременительные знакомства, подробности которых в картинках живописал и мне. Причём без всякой пошлости – «как художник художнику», говаривал он.

Со временем из журнала для слепых Васька перешёл в республиканскую молодежную газету – в ту пору по-настоящему популярную: тираж её зашкаливал за триста тысяч экземпляров. Здесь он быстро стал не просто своим, но одним из лучших перьев. Мог продвинуться по служебной лестнице, но карьера его не интересовала. В нём по-прежнему бунтовала, требуя выхода, неукротимая натура несостоявшегося бизнесмена. Но «делать бизнес», каждый день просиживая «от сих до сих» на работе, затруднительно, поэтому вошедший в авторитет Васька выхлопотал себе должность собственного корреспондента газеты по одной из северных областей. Жить же оставался в столице, черпая факты для нужных публикаций по телефону.

Статус «свободного художника», каковым по сути и был теперь Васька, предоставлял куда большие возможностей для бизнеса. И Васька развернулся во всю ширь: разводил пчёл, взял в аренду несколько гектаров яблоневого сада, стал приторговывать яблоками. Всерьёз подумывал об искусственном выращивании шампиньонов на продажу, обещал и меня взять в компаньоны.

И в личной жизни у Васьки произошли кардинальные перемены. Он второй раз женился – на юной красавице Инкаре, в жилах которой текла кровь славян и кипчаков, а корни восходили к одному из самых влиятельных казахских ханов. Вполне разделявшая Васькины предпринимательские амбиции, супруга стала и его ближайшей соратницей по бизнесу. Как-то они вместе, изучая конъюнктуру рынка, приехали в Павлодар и, распродав небольшую партию яблок, поняли, что региональная ниша в этой части никем пока не занята.

Я угощал их дома пельменями и водкой.

– Старик, ты знаешь, как мы теперь развернёмся, – говорил Васька, – мы наладим хранение и поставки. Это же настоящая золотая жила!

И слова у него не расходились с делом. Получив в пригороде Алма-Аты по наследству половину старого дома, Васька выкупил вторую и стал готовить базу для дальнейшего развития яблочного бизнеса. Приглашал меня в гости, уверяя, что найти его новую усадьбу будет просто: в центре её вырыт большой котлован для будущего фруктохранилища.

А что же работа? И тут всё обстояло, можно сказать, блестяще. Время от времени Васька выдавал «гвозди», которых набралось достаточно для представления на высшую журналистскую премию – Союза журналистов СССР. И он её получил, доказав, что бизнес творчеству не помеха. Помимо прочего, теперь уже никто в редакции не мог упрекнуть его в том, что в своих яблоневых садах он проводит времени куда больше, чем в редакции, где Васька появлялся всё реже.

Оказавшись как-то по делам в столице, я не без труда отыскал вечером его усадьбу, проболтавшись минут сорок по абсолютно тёмной – хоть глаз выколи – деревенской улице, зажатой многоэтажками и автострадой.

Васька тут же взялся показывать своё хозяйство: тот самый котлован, который должен был превратиться в овощехранилище, огород с устроенными на нём террасками для овощей, «Запорожец»-вездеход с прохудившимся брезентовым верхом, на котором он возит яблоки и заодно охотится на разного рода живность в окрестностях арендованного им сада.

– Мясо всегда своё, – уточнял Васька, – опять же – дичь, а не то, что едите вы...

Пошли в дом, где Ваське сунулся в колени светловолосый пацан лет трёх. Второй, грудной, пускал пузыри, лежа в кроватке. Свежестью и красотой молодой счастливой матери блистала Инкара. Я видел перед собой людей, вполне довольных жизнью...

Тем большей неожиданностью для меня стал Васькин звонок с известием о том, что он уезжает в Россию. Что могло произойти, ведь в Алма-Ате он всегда чувствовал себя как рыба в воде, и в журналистике был не последним человеком, а в бизнесе (хотя я всегда относился к его предпринимательским затеям, скорее, скептически, считая их авантюрными) он тоже продвинулся? Много лет спустя Васька скажет, что к этому шагу его подтолкнули первые проявления бытового национализма – не захотели взять в детский сад первого сына, отказали в яслях другому, дав понять, что «некоренным» в них места нет... Васька же, рождённый в Алма-Ате и хорошо знавший, сколько сделали для республики его родители, смириться с подобным не мог и решил уехать не только сам, но и увезти далеко не моло-

дых отца и мать. Снялась с насиженного места и семья брата-геолога...

По пути он собирался заехать ко мне, но не случилось. Всё своё имущество, главным богатством которого была пасека, вёз на собственном «КамаЗе», а семейство – на купленной по случаю «Ниве». Были у него уже и какие-то другие машины.

В следующий раз он позвонил мне из Москвы. Сказал, что обосновался на родине предков, в Орловской области, где получил землю и собирался строить большой дом.

А увиделись мы снова лишь десять лет спустя. Я был в Москве, позвонил ему на сотовый телефон, он пообещал меня встретить в Орле. И мы с моим старшим сыном Дániлом, к тому времени осевшим в Москве, поехали. Это была одна из самых удивительных поездок в моей жизни. Впервые проезжал Тульскую область – родину моей бабушки Марии Петровны, чья семья в годы Столыпинской реформы переселилась в Сибирь, где я и родился... Подумал тогда: как глупо, что ни разу не приехал в эти края, не отыскал ту самую деревню Новую Красивую (так её называла бабушка) Ефремовского уезда на речке Красивая Меча... Но это, впрочем, особая тема.

В Орле нас никто не встретил, и я стал названивать Ваське:

– Ну и где ты, Раздолбай Иванович?

– Да здесь я, здесь, старый, – вот-вот буду...

Не прошло и получаса, как меня облапил бородатый рукастый мужик, в котором Ваську я не сразу признал – уж очень он походил на пахаря, едва оторвавшегося от сохи. Оказалось – подвёл старенький Васькин «Москвич», и он попросил съездить за нами знакомого, как вскоре выяснилось – не только тоже переселенца, но и земляка – бывшего павлодарца.

В гостях у Васьки мы пробыли меньше суток. Оказалось, я первый из казахстанцев, кто заглянул к нему за минувшее десятилетие. Инкара (а она по-прежнему была свежа, смугла, с румянцем на щеках) однажды ездила в Алма-Ату, а Васька, если и отлучался, то лишь в райцентр, Орёл или в Москву.

Места, в которых они обосновались, сказочно красивы: леса, холмы и перелески, речка и простор – необыкновенный... И – никого рядом, только дом брата чуть поодаль. Пока ехали, я с изумлением открывал для себя, что природа этих мест удиви-

тельно напоминает ту, в которой родился и вырос я, разве что здесь, на Орловщине, она не так скромна – более сочная, живописная, потому что здесь и лесу, и лугам, конечно, комфортнее, чем в нашем суровом, засушливом, морозном и не столь плодородном краю. И мне стало понятно, почему мои тульские предки именно кулундинскую лесостепь выбрали для обитания – она чем-то напоминала им родину...

Но я, впрочем, опять отвлекся. Жизнь на Орловщине оказалась для Дмитровских не такой уж благостной. Дом, купленный в деревне Глинки, оказался столь ветхим, что сыпался на глазах. Односельчане встретили пришлых настороженно, не считали большим грехом утащить с их подворья понравившуюся вещь. Настоящим ударом для семейства стал массовый мор пчёл: от привезённых ста семей осталось всего несколько. Худо-бедно перезимовали и решили строиться, но не в Глинках, а на хуторе, там, где когда-то была деревня Дюкарево, от которой ничего не осталось. Размахнулись на три этажа, но осилили, пока ещё деньги кое-какие оставались, только цокольный, сложили в нём печку, перекрыли... В нём и зимовали девять лет, пока мало-помалу поднимали дом, ведь денег на строительство не хватало катастрофически, даже тогда, когда продали всё, что имело хоть какую-то ценность: и «КамАЗ», и другую технику...

Я спускался в этот самый цокольный этаж, а по сути подвал – мрачное подземелье, где и были устроены лежанки для семейства Дмитровских–Васьки с Инкарой и троих сыновей: старшего Михаила, среднего Ивана и младшего Димки, родившегося уже здесь.

Каково им все эти годы жилось? По-разному, конечно... Васька упирал на то, какая здесь природа, сколько всякой живности... Какая охота... Лоси, дикие козы и кабаны, зайцев – видимо-невидимо, диких уток... Какая плодородная земля, которая родит всё – от картошки и овощей до любимых его сердцу яблок. Показывал мне растущую у дома яблоню, на которой привито 17 разных сортов яблок – и все плодоносят. Говорил – сколько в окрестных лесах грибов и ягод, хвалился, что в один год только на продаже груздей выручил «штуку» долларов...

Инкара больше молчала, а потом вспомнила, как бьющийся на строительстве дома по большей части в одиночку Васька

«сорвал» спину и уже не мог не только работать в полную силу, но и толком передвигаться. Как в семью, никогда не знавшую нужды, пришла бедность. Как она плакала, тайком, чтобы не видел никто...

Именно здесь они стали истинно верующими людьми. Что также помогало преодолевать многочисленные невзгоды. Затянувшееся строительство дома было далеко не единственной проблемой. Подрастали дети, и отдавать старших в интернат за 15 километров родители не хотели. Инкара, закончившая, кстати, журфак с отличием, решила их учить сама, дома, но для этого надо было пробить такую стену непонимания! Дошла до Москвы, добилась – с ней заключили договор на индивидуальное обучение собственных детей, а мальчишки в конце каждой четверти и по итогам года сдавали в школе экзамены по всем предметам экстерном. Причём, как правило, на отлично.

В ту пору, о которой я пишу, старший, Михаил, учился в 9 классе. Мне казалось, он слегка стесняется наших с Васькой бурных воспоминаний... Средний, Иван, был спокоен и сосредоточен, демонстрируя хозяйскую выучку и готовность выполнить любое отцовское поручение. Младший Димка, с которым мы как-то очень быстро сошлись, больше жался к матери. Это были абсолютно нормальные деревенские мальчишки, среди таких и я в своё время рос... Говорю последнее лишь для того, чтобы подчеркнуть – никакие они были не «тарзанята»... Михаил, кстати, позднее закончит сельскохозяйственную академию, поучится за границей и станет преподавать в той самой академии. Нормально всё сложится и у Ивана, командующего большим Васькиным хозяйством наравне с отцом, ну, а Димка – ещё школьник.

Словом, уже к моему приезду всё у Дмитровских складывалось более-менее нормально: стоял на пригорке – как будто парил – дом в два этажа с намечавшимся третьим, куда вела длинная-длинная грубая берёзовая лестница. К зиме собирались стеклить окна. И жили уже со светом – протянули недостающую электролинию. На следующий после нашего приезда день Васька покажет мне – что будет где: их с Инкарой спальня, комнаты детей, оранжерея... Где будет гостевая, куда поселят в следующий приезд меня.

А пока мы сидим на первом этаже за грубо сколоченным столом у мерно гудящей, стреляющей искрами печки – её Васька саморучно сварил из камазовских металлических ободов, на которые одевается резина. На столе – всё своё: тугой холодец из говяжьих ног, нарезанный крупными ломтями; мясистые помидоры и лук с собственного огорода; домашняя сметана, в которой ложку не провернуть; тушёная гусятина – крупными кусками и только что сваренная рассыпчатая картошка... В просторных окнах, прикрытых пока только полиэтиленовой плёнкой, гуляет ветер, где-то очень высоко над нами потолок, отчего возникает ощущение, будто мы сидим в небольшом храме.

Само собой, немало было выпито и о многом говорено в ту ночь. Я всё допытывался: не жалеет ли Васька о том, что сменял журналистику, где его ожидало большое будущее, на эту, полную лишений и непредсказуемости, хуторскую жизнь? И он отвечал – как о давно и хорошо решённом:

– Да о чём тут говорить, старый: чтобы я сменял эту красоту и свободу, а я ведь тебе ещё ничего показать не успел, на какое-то мельтешение! Здесь я – хозяин, а там... Разве это можно сравнивать?

Гудела печь, ставшая малиновой... Таяла горка берёзовых поленьев рядом с ней... И так не хотелось расходиться...

Утро пришло уже по-настоящему осеннее – с росой и прохладой, лёгким туманом, скрывающим округу... Попили чаю, и Васька повёл показывать хозяйство: усадьбу, огороженную по периметру легкой изгородью из жердей («Лезут все кому не лень – охотники, грибники, прочие отдыхающие – как к себе домой, – пояснил он, – вот пришлось огородиться...»). Тут же паслись две лошади – одна ездовая, на которой Васька объезжает уголья, а вторая, как он выразился, про запас. Были ещё коровы – три или четыре – с приплодом, птица и две собаки – одна на цепи («Больше для виду, толку из неё никакого», – сказал Васька) и здоровенный кавказский овчар, с виду добродушный.

– А вот это – Абдулла, зверь, – представил его Васька и любовно потрепал сторожа по кудлатой голове, – этот никого не пустит не то что в дом – в ограду. А в лесу и волку спуска не даст, и кабана возьмёт, и барсука, а про зайцев и говорить нечего... На охоте с ним – милое дело...

...Пошли в уголья, где Васька показал пару стожков сена, которые он сам сметал на зиму. А потом – «плантации», где он выращивает капусту, картошку, морковь, свёклу – на прокорм семейству и домашней живности, а также на продажу. Часть картошки была ещё не убрана, тут же стояла лопата... Я, выросший на картошке, копнул несколько высохших кустов, вывернув ровные, крупные, розоватые клубни...

– Видишь: шесть-семь кустов – и ведро есть, – подытожил Васька, – да тут всё хорошо родит, любой овощ... И садить я могу вдвое-втрое больше, полив – не проблема, но с прополкой и уборкой самим, конечно, не управиться. Нанимал на лето и осень местных, зарплату платил день в день, но работники – никудышные, ещё и приворовывают... Мы капусту убирали, и я сказал, что, кроме зарплаты, каждый может после работы брать кочаны с собой – кто сколько унесёт. Я это специально сделал, чтобы не крали. Брали все – кто в сумки, кто в мешок, я не ограничивал. А потом нашёл в леске, что на краю поля, припрятанную горку кочанов – ночью, наверное, увезти хотели. Говорю утром: что же вы за люди такие? Молчат, опускают головы. И от работы настоящей отвыкли, разучились, что ли, и живут, ни о чём не задумываясь, лишь бы день прошёл...

Рассказал Васька и о том, как сильно прогорел на капусте несколько лет назад. Заключение договор с крупнейшей в Орле сельскохозяйственной фирмой, торгующей овощами, на поставку крупной партии капусты. Капусту вырастил, нанял людей, чтобы помогли убрать. А фирма взять её отказалась. И девять десятки тонн отменной продукции оказалось некуда: часть пришлось скормить скоту, а часть сгнила...

Словом, что и говорить: не так уж сладка жизнь у Васькиного семейства, трудиться которому приходится от зари до зари, особенно с ранней весны до поздней осени. Хотя и зимой, когда округу снегом засыпает так, что можно лишь на «Кировце» пробиться, тоже не сахар. Мне даже трудно себе представить, как они много лет зимовали в своём цокольном этаже, то есть в подвале...

...Поднялось солнце, и стали отчётливо видны окрестные леса и перелески, холмы и лога, поросшие густыми высокими травами. За такую красоту и вправду можно многое отдать.

Мы сходили ещё на небольшой холм, где похоронен наш бывший декан и Васькин отец Михаил Иванович Дмитриевский. Помянули его по русскому обычаю. А оттуда спустились к небольшой речушке, петляющей вдоль топких берегов, заросших тальником, осиной и молодым тополем...

Васька уверял, что на этой речке, буквально в нескольких сотнях метров от его дома, живут бобры. Я, зная некоторую его слабость к преувеличениям, не верил... И тут же был посрамлён: увидел и сработанную бобрами запруду, и срезанные их зубами деревца, и те, что они только наметили...

И, наверное, чтобы окончательно сломать мое неверие, Васька всучил мне на прощание две необработанные, ещё сырые бобровые шкурки – на будущую шапку.

...Уезжали мы ближе к полудню. Уже входил в силу погожий осенний день, и с пригорка, на который выехала машина, хорошо был виден белый дом на холме, который, казалось, не стоял на земле, а парил над ней...

Мне посчастливилось побывать в разных странах, увидеть разные очень красивые места. Но та поездка к Ваське на Орловщину – одно из самых ярких и памятных впечатлений в моей жизни. Может, ещё отчасти потому, что это ведь и моя историческая родина (или, вернее, моих предков), и это во мне гены заговорили? Как бы там ни было, той поездки и той встречи с Васькой и его семейством мне никогда не забыть... Мне напоминает о ней и роскошная бобровая шапка, считая из тех самых подаренных Васькой шкурок, которые, правда, пришлось сперва отдать для выделки скорняку, потом ещё добавить ондатры... И хоть ношу я её редко, Ваську вспоминаю всякий раз, когда она попадает мне на глаза...

А недавно Васька опять напомнил о себе:

– Старый, ты знаешь, откуда я звоню?

– Наверное, опять с дерева... – отшутился я: когда-то Васька говорил, что для звонка мне со своего сотового телефона он должен влезть на дерево – иначе не дозвониться.

– Вспомнил тоже... Я теперь с третьего этажа своего дома куда хочешь дозваниваюсь...

– А где ты теперь?

– На Рублёвке, – донеслось из трубки.

– Неужели настолько разбогател?

– Да нет – я тут яблоками торгую, отборная антоновка уходит влёт.

Васька хотел сказать ещё что-то, но связь прервалась – видно, кончились деньги на его сотовом.

Словом, друг мой Васька оставался, как иногда говорит моя мать, в одной поре. Значит, и дела его были в относительном порядке...

* * *

...Работаю в «Звезде Прииртышья». За моей спиной, повыше головы, лозунг: «Душой и телом – с сельхозотделом!». На противоположной стене живописная картина: корова, кокетливо держащая фуражку на рогах, и поясняющая надпись снизу – «Корова фуражная» и другой броский лозунг: «Удвой удой, утрой удой, а то пойдёшь ты на убой!». Мы в ту пору изо дня в день боролись вместе с животноводами за повышение и надоев, и привесов, и приплода всех видов скота...

...Принесли из отдела писем почту. А мне ещё и личное письмо – от Тани Назловой, в котором, помимо прочего, горестные строки о том, что погиб наш однокурсник Вовка Л.

То были не лучшие времена и у меня самого: отработав в «Звезде» почти полгода, я, уже отец семейства (жена, ребёнок), не имел ни квартиры, ни даже общежития и очень из-за этого переживал. И вот такая весть... Подумал сразу о том, что мои нынешние проблемы – сущие пустяки по сравнению с Людкиными, которая осталась без мужа, а их дочь – без отца. Людка с Вовкой поженились на четвёртом курсе. И скоро родилась их дочь.

Заказал телефонный разговор с Балхашом, где Людка работала в городской газете, и стал думать – как буду говорить с ней? Как спрошу у неё про Вовку? Или, может, сама скажет? Услышал в трубке её бодрый голос и сразу засомневался – что-то не очень она похожа на убитую горем вдову. Всё хочу заговорить о главном, но не получается, потому что она сама засыпает меня вопросами. Отвечаю, что у меня всё нормально, и, наконец, решаюсь спросить:

– Ты-то сама теперь как? Как это случилось?

– Да всё хорошо, – отвечает. – А что у меня случилось?

– Так Вовка же... – говорю я и умолкаю.

– А что Вовка? – явно не понимает она. – Работает... Ну и куролесит, конечно. Тебе ли не знать...

– Но что-то же с ним произошло? – продолжаю напирать я.

И Людка, наконец, тоже понимает, о чём речь, и рассказывает, что Вовка отчебучил в последний раз. Когда в Балхаш приехал в командировку один из наших однокурсников, и они с Вовкой хорошо посидели, захотелось продолжить общение в расширенном составе. Пошли на почту и дали несколько телеграмм с известием о трагической кончине Вовки. Тут же начались звонки – на телевидение, где он работал, Людке... Кто-то уже ринулся в путь, кто-то успел выпить за помин Вовкиной души... Ну, а у меня после разговора с Людкой отлегло от сердца.

Если бы надо было охарактеризовать Вовку одним-единственным словом, я бы сказал – гусар. На вступительных экзаменах он неизменно появлялся в дембельском наряде с погонами сержанта. И не потому, что только что отслужил или ему нечего было надеть. Расчёт был и на внешний эффект – уж очень браво он смотрелся в форме сержанта Советской Армии, и на сочувствие экзаменаторов (а особенно экзаменаторш): парень с честью исполнил свой мужской долг, отслужил, ну, а если чего и не знает, то это простительно – в армии ему было не до учёбы.

Вовка не просто поступил – был назначен старостой. А если учесть, что он уже во время службы стал кандидатом в члены партии, его и вовсе ожидала самая блестящая карьера, какая только может светить студенту. И, само собой, хорошее распределение. Может, даже перспектива остаться в Алма-Ате.

И учился он легко, хотя и без малейшего усердия. Пользовался своим неотразимым обаянием, сдавая экзамены и зачёты молоденьким и стареющим преподавательницам: первым он просто нравился, а вторым, вероятно, навевал грёзы об утраченной молодости. Во всяком случае, я был свидетелем того, какой феерический бред нёс Вовка на экзамене по введению в литературоведение. Этот курс вела у нас вчерашняя аспирантка, сама себя чувствовала в высшей степени неуверенно, а на

экзамене, казалось, сама готова была отдаться Вовке. Разумеется, он получил пятёрку.

Вовка вообще умел очень быстро выстраивать отношения с людьми. Даже со строгими офицерами на военной кафедре. Про женщин же – и говорить нечего. Возраст их при этом особого значения не имел. С одними он сходу налаживал романтические отношения, а с другими, как принято говорить, «решал вопросы».

На Людку Вовка «запал», едва увидев её... Упорно добивался, оставив на время все прочие увлечения. Получив стипендию на весь курс, однажды осыпал её с головы до ног червонцами. Я сам был тому свидетелем. Потом мы никак не могли найти один запропастившийся червонец...

То есть, по всем приметам Вовку ждало блестящее будущее. Но по жизни его вели не упорство и труд, а сумасбродство и авантюризм. Жить правильно ему было скучно. И он постоянно расцветивал свою жизнь непредсказуемыми поступками – бесчисленными романами, загулами в самое неподходящее время и в самых неподходящих местах, другими выходками. И до поры до времени всё сходило ему с рук. Пока за пьянку в общаге, закончившуюся дебошем с вызовом милиции, Вовка не только лишился поста старосты группы, но и вождеденного партийного билета (как раз заканчивался его кандидатский стаж, и партбюро факультета решило, что он его не выдержал).

Потом много ещё чего было... Их с Людкой свадьба, рождение дочери, отнюдь не изменившее Вовкиной натуры и вечного стремления к свободе. Он по-прежнему был для всех своим, вхожим в любую компанию, заводил необременительные романы... И обижаться на него было как-то даже неудобно: ну что поделаешь – такой человек. Каково при этом было Людке – лишь сама она знает.

После университета они работали в Балхаше, откуда какое-то время спустя Вовка перебрался в Магадан (там работал другой наш однокурсник – Лёха З.). Людка ездила к нему туда, надеясь, что он, наконец, повзрослеет. Но там у него уже была другая женщина...

Потом они вместе оказались в Целинограде: она – в областной газете, а он – на телевидении, где у Вовки появился сперва

один, а потом другой ребёнок на стороне (само собой – от разных женщин). С одной из них Вовка приезжал ко мне в Павлодар – юной красавицей, которая его боготворила. А приезжал он за советом: с кем ему остаться – с новой пассией, у которой ребёнка от него ещё не было, или с той, которая уже родила?

Потом Вовка жил, кажется, в Крыму, говорят, занимался сомнительной общественной деятельностью... Однажды позвонил Людке, сказал, что всегда любил только их с дочерью, и попросил... организовать справку с местного телевидения для оформления российской пенсии...

Размышляя теперь о его жизни, думаю, что, в сущности, он был не таким уж плохим человеком: незлобивым и незлопаметным, нежадным и по-своему добрым (кому только не помогал)... Весёлым был – любил пошутить сам и не обижался, когда шутили над ним... Где он сейчас, гусар Вовка? Цела ли его роскошная шевелюра, носит ли он свои усы, сводившие с ума университетских красавиц? Как ему живётся в нынешние времена? Жив ли он вообще?

...И как бы мне хотелось ещё хоть раз его увидеть!

* * *

Может быть, самой загадочной, непознанной фигурой нашего курса оказался Вовка Т. Он пришёл к нам в группу на втором или третьем курсе и как-то не прижился. Почему – не знаю. Он нас не сторонился, наоборот, пытался завести дружбу – то с одним, то с другим, но не слишком успешно. Почти никто не принимал его всерьёз, и за ним вскоре закрепилась репутация человека недалёкого, пустого, из которого вряд ли выйдет что-то путнее. И даже то, что преддипломную практику наш однокурсник проходил в «Комсомольской правде», а в руководителях диплома у него оказался редактор главной республиканской партийной газеты (к нему в кабинет даже не все штатные сотрудники могли попасть с первого захода), нас ни в чем не убедило... В том числе и автографы лучших перьев «Комсомолки», которые Вовка демонстрировал нам вместо своих публикаций в ней.

Внешность Вовка имел экзотическую и запоминающуюся: густая чёрная стоячая шевелюра, раскосые хитроватые глаза; был он высок и смугл. Словом, выглядел, как и подобает алтай-

цу... Я тогда и не знал, что есть, оказывается, такой народ, живущий на Алтае и имеющий свою автономию.

Защитился Вовка на отлично, распределение получил в районную газету, откуда быстро сумел «открепиться» и снова возник в Алма-Ате. Вскоре он появился в Павлодаре и уверял всех, что по заданию «Правды» – готовить очерк о директоре совхоза. Это была газета номер один в СССР, само её название действовало на местное начальство магически, и Вовка несколько дней буквально третировал наше облсельхозуправление своими просьбами-поручениями. Очерк его, кстати, в «Правде» так и не появился.

Ещё какое-то время Вовка обретался в Алма-Ате, и сведения о нём приходили противоречивые: то он – в членах правления некоей республиканской ассоциации (уже шла вразнос горбачёвская перестройка), то, вроде, возглавил рекламную кооперативную газету... Иногда он позванивал и был неизменно сосредоточен и деловит, давая понять: мол, ещё чуть-чуть, вот-вот, и мы наконец узнаем, кого недооценивали все эти годы.

И ведь не так уж неправ был непознанный нами талант. Однажды мне, уже редактору, позвонили по межгороду, и приятный женский голос сообщил:

– Вас беспокоит Москва. С вами будет говорить президент международного фонда малых народностей и этнических меньшинств.

Я ещё ничего не успел сообразить, подумал только – ошиблись, наверное, как в трубке послышался другой, до боли знакомый голос:

– Привет, старина! Как поживаешь? Не забыл ещё обо мне?

– Привет, – неуверенно отвечал я, – ты что, правда в Москве? Что ты там делаешь?

– Да вот, избрали, – как всегда неопределённо и туманно отвечал Вовка, – уйма дел, всё надо раскручивать... На днях в Бразилию лечу...

Вовка дал мне номер своего московского телефона и сказал, что я могу всегда на него рассчитывать. Оказавшись через несколько месяцев в Москве, на курсах в Академии общественных наук при ЦК КПСС, я позвонил. Несколько дней никто не отвечал, и я уже подумал, что Вовкин фонд – очередной миф, но

продолжал названивать. И однажды мне ответили. Не сам он, а какая-то его помощница. Расспросила, кто я такой, зачем мне понадобился президент «Интерэтноса» (так официально именовался фонд), и заключила:

– Ждите у телефона. Вам позвонят.

Вскоре позвонил сам Вовка, то бишь президент.

Когда мы встретились, он вкратце ввёл меня в курс своих дел: президентом избран на альтернативной основе, причём в главных соперниках у него был бывший посол СССР в США; называл другие громкие фамилии, с обладателями которых он теперь общается напрямую. Подарил мне изящную визитку, удостоверяющую его нынешние регалии. Спросил, нет ли у меня в родословной представителей национальных меньшинств? И, как будто сожалея, вздохнул:

– Думал, можно будет перетащить тебя в Москву по нашей линии... Я тут уже одним из наших «казгушников» занимаюсь, но с ним всё проще – он оказался мордва...

Еще он предлагал отвезти меня на машине на аэровокзал (я улетал в тот день), порывался позвонить в совминовский гараж, вызвать машину. Я же решил, что на такси будет надёжнее, и он меня проводил, великодушно возместив мне половину из потраченного на проезд червонца.

Я и тогда не поверил в то, что Вовкин фонд может представлять собой нечто значительное, и, между прочим, напрасно: то было время, когда, казалось бы, из ничего, на пустом месте, вдруг возникали самые невероятные, фантастические проекты. И некоторые приносили их создателям неплохие дивиденды. Думаю, так было и с его «Интерэтносом», рождённым в нужное время и в нужном месте. Можно сказать и так: Вовка, наконец, и вправду откопал тогда свою золотую жилу, взявшись защищать права малых народов и этнических меньшинств. Идея была столь благородна, что на неё нельзя было не откликнуться. И откликались – в самых разных формах, включая финансовые вливания, не только в разваливающемся СССР, но и за рубежом, куда Вовка тоже выезжал, добираясь до Западной Европы и за океан, в Северную и Южную Америки.

Потом его фонд, само собой, лопнул. Немалые деньги, которые удалось собрать, частично обесценились, а боль-

шей частью были Вовкиными сподвижниками разворованы. Но сколько-то этих денег он сумел вложить в самое выгодное дело – строительство жилья в Москве. И стал в итоге владельцем нескольких квартир в новом доме (а если верить одному из наиболее близких его приятелей – целого подъезда).

В пору финансового кризиса, охватившего суверенные республики разваливавшегося СССР, Вовка пытался продавать свою недвижимость. Приезжал и в Павлодар, давал объявление в нашей газете о продаже двух-трехкомнатных квартир в Москве. Обещал и мне по тысяче долларов за каждую, если я ему найду покупателей.

– Да как же я потом докажу тебе, что это я их нашёл? – спрашивал я у него.

– А я тебе телефон дам – позвонишь и скажешь, что нашёл. Но деньги, сам понимаешь, только после продажи.

На заманчивое предложение, обнародованное в нашей газете, никто почему-то не клюнул, хотя объявленные им цены (правда, по нынешним временам) были просто смешными: 32 тысячи долларов за двухкомнатную и 45 тысяч – за трёхкомнатную квартиры. Так мне и не удалось заработать на этом Вовкинском предприятии. Ещё в свой тогдашний приезд Вовка жаловался мне на москвичей:

– Старик, с ними нельзя иметь дел – все и всегда тянут одеяло на себя. Могут запросто «кинуть»...

Потом мы ещё пару раз виделись в Москве и один раз в Павлодаре. Сюда Вовка завернул со своей исторической родины – Алтая, где у него были какие-то коммерческие интересы. Говорил, что выбил для республики крупный федеральный кредит (из бюджета), «а там его прокакали». В качестве отступного ему досталась какая-то недвижимость в Горно-Алтайске, где он намеревался провести международный инвестиционный форум, на который и меня звал. Я сначала загорелся, а потом остыл, поэтому не знаю – состоялся ли тот форум.

Ещё Вовка рассказывал, что учит дочь в Англии – то ли в Оксфорде, то ли в Кембридже, на что потратил уже не одну сотню фунтов стерлингов. Что собирает все счета, подтверждающие эти траты, – так, на всякий случай, «чтобы предъявить в случае

чего». Говорил, что хочет завести и сына и что «уже работает по этому вопросу».

Последний раз мы виделись несколько лет назад. Он позвонил ночью, с автовокзала. Приехал – весь в белом, как плантатор из Африки или из Южной Америки. За плечами у него был небольшой рюкзачок. Выпить отказался – пил чай и рассказывал о своём новом проекте создания межпарламентской ассамблеи представителей малых народов и этнических меньшинств. И хотя бывший «Интерэтнос» никак при этом не упоминался, я сразу понял, что речь идёт о своеобразном клоне, или, если можно так выразиться, младшей сестре бывшего фонда, которой суждено родиться (если суждено) в новых условиях и на новой основе. Я был поражён тем, насколько Вовка всё хорошо продумал и рассчитал: идеологическую, организационную, а также инвестиционную составляющие проекта. И даже мне, большому скептику в подобных делах, сразу подумалось – идея просто обречена на успех.

Но прошло уже несколько лет, и пока что ничего не слышно о новом детище нашего Вовки, давно ставшего для многих Владимиром Павловичем. Но, впрочем, ещё не вечер. Ведь он уже не раз доказывал нам, в него не верящим и над ним всегда посмеивающимся, кто он на самом деле...

* * *

Старшим из нас, стажников, был Валентин Е. Но мы, 19-20-летние, звали его, 25-26-летнего, Валя. Валя уже успел жениться, завести ребёнка и развестись и одно время жил один в собственной «полторашке» – квартире, которая и по размеру, и по планировке представляла собой нечто среднее между одно- и двухкомнатной. Невысокий старый дом находился на улице Ауэзова, неподалёку от ВДНХ. Написал эту аббревиатуру и сразу вспомнил неизменную шутку, кажется, Любки Власовой, говорившей, что свидания парням лучше всего назначать на ВДНХ под буквой «Х». Хохма же в том, что этой аббревиатуры перед входом на Выставку достижений народного хозяйства, куда мы тоже заходили – попить пива, попросту не существовало...

В Валиной квартире многие из нас не раз ночевали. А я однажды стал свидетелем того, как Валя рубился в шахматы с

двумя какими-то мужиками. Это был блиц, когда каждому отводится на партию не больше трёх-пяти минут. Играли на деньги, и Валя выиграл за вечер рублей десять...

Он был мастером спорта по шахматам. Играть ему с нами было неинтересно, разве что вслепую, сразу на нескольких досках. Но и в таком случае он не оставлял нам никаких шансов, даже самому продвинутому – Ваське Дмитровскому.

Позднее Валя ещё раз женился, у него появился второй ребёнок, и ему вовсе стало не до нас.

Большую часть жизни после университета Валя проработал в политотделах системы МВД, виделся с нами редко. Говорят, давно вышел в отставку, в чине полковника. Где он теперь, чем занимается – не знает из однокурсников никто...

* * *

По-разному сложились судьбы других наших парней. Лёха Закутаев после довольно долгой магаданской эпопеи (работал в областной газете, редактировал областную профсоюзную) вернулся к себе на Дон, редактировал «районку», живёт с женой в собственном доме... Давно пенсионер, но всё ещё в строю.

Юрка Павленко (которого мы звали хохлом, а он парировал: «Кому хохол, а кому Юрий Петрович!»), распределившийся во Фрунзе, уехал потом в Одессу, работал в многотиражке тамошнего морского пароходства. Ходил в моря и океаны, занимался вместе со второй женой бизнесом и, кажется, исполнил свою заветную мечту – наплевать на журналистику и жить в своё удовольствие...

Не так давно мы с однокурсником Володей Федосенко побывали у Юрки в гостях и несколько дней провели в его роскошной квартире на высоком этаже элитного дома. Вспоминали о прошлом, спорили. Нельзя сказать, что наше общение было задушевным, зато оно давало пищу для размышлений. Впечатления от этой встречи остались противоречивые...

Юрка, Касым, Жарылкасын Иманбердиев вернулся к себе в Кызыл-Орду. Я побывал у него в гостях (проездом на Байконур), когда он президентствовал в местной футбольной команде. В этом качестве он приезжал и к нам в Павлодар. Работал также собкором республиканских газет, редактором кызылординской областной газеты. Написал несколько книг. Остался всё тем же

нашим Касымом – открытым, искренним, бесхитростным. Мы изредка перезваниваемся. Недавно он прислал мне по электронной почте свою остросатирическую повесть.

Володя Федосенко – земляк, наш щербактинский, с которым мы жили вместе в общежитии и с тех пор не расстаёмся – вот уже сорок лет. Работал в Экибастузе в пору его самого бурного развития, создавал, а потом редактировал газету здешних энергостроителей. Потом, в пору развала всего и вся, был собкором областного телевидения. В самые трудные времена рискнул перебраться в Москву, где никто и никого никогда не ждёт. Закрепился и там – теперь обозреватель «Российской газеты» – одной из самых влиятельных в России. Объехал всю Западную Европу, часть экзотической Азии. Бывал в горячих точках. Награждён именным оружием.

Володя сегодня – главный объединитель нашего давно не объединяемого курса – всё время пытается организовать большую журфаковскую встречу.

В Омске осел Саша Голев, на долю которого тоже пришлось немало испытаний. Когда-то, с четверть века назад, он перебрался из Алма-Аты в Экибастуз. Куда, кстати, уезжал из моей павлодарской квартиры. А уж оттуда и тоже в самые непредсказуемые времена рванул в Омск. Работал на телевидении, выпускал журнал, добрался до коридоров власти, где был не последним человеком. И уже мой средний сын Димка оказался под его началом, за что я Саше (и ещё Володе Федосенко) благодарен.

Мы редко видимся с Сашей, но зато всегда друг другу рады...

Несколько лет назад не стало Игоря Денисова – одного из самых талантливых среди нас, кто, как мне кажется, мог добиться куда большего, если бы не традиционный русский недуг. Мы с ним относились друг к другу по большей части иронично-задиристо, что не мешало нам дружить...

Наверное, надо было сказать о ком-то ещё. Но как написались – так написались...

* * *

Могут спросить: а что же девчонки? Почему так мало – о них? Может, потому что ещё, что воспоминания эти настолько для

меня дороги, что я не хочу переносить их на бумагу. Хотя, конечно же, я всех их помню – с ними столько хорошего и светлого связано... Были, само собой, и огорчения, и обиды, и неразделённая любовь... Но что теперь говорить об этом, когда на душе становится тепло при одном только упоминании имён. Людка Клыкова... Людка Яшная... Любка Власова... Таня Назлова... Наташа Баталова... Таня Конобейцева (хоть она и не училась с нами на очном)... Ирка Круч... Светка Сорокина (мы с ней – белолицей красавицей – после университета вообще не виделись ни разу)... Теперь все они пенсионерки, а у меня перед глазами – наши сверстницы, и одна краше другой. Такими они и будут навсегда в моей памяти... Как и ушедшие из жизни Надя Пяткова и Галя Агафонова, вечная им память...

* * *

Мы поверяли друг другу сердечные тайны. Мне по этой части везло почему-то больше других, и сколько тайных откровений я храню в своём сердце!

Как-то мне даже пришлось выступить в роли едва ли не свата со стороны невесты. Руки Ирки Паустьян добивался некий москвич, и были устроены смотрины, на коих именно мне Ирка доверила роль если не высшего судьи, то уж точно эксперта. Я должен был прямо сказать – подходит он ей или нет. И я согласился с этой ролью, не особенно задумываясь над тем, что это совсем «не мой вопрос».

Смотрины проходили в элитном доме близ Зелёного рынка. Пишу «элитном», потому что в той квартире пяти- или шестиэтажного дома был камин! И мы его растопили, натаскав досок со стройки, что была неподалёку.

Я специально выбегал на улицу, чтобы посмотреть – куда девается дым, ведь никаких труб на доме не было. И дыма над домом почему-то тоже не просматривалось.

Встреча была сугубо конфиденциальной, в узком кругу. Мы с претендентом на Иркину руку и сердце пили водку, закусывая её селёдкой и варёной картошкой «в мундире», девчонки – вино. Вскоре мы с «женихом» перешли на ты. Я уже знал, что он старше Ирки лет на шесть или семь, что работает на полиграфкомбинате издательства «Правда», и что намерения у него вполне серьёзные. Он мне понравился, и, уходя, я шепнул

Ирке, что претензий к нему у меня нет, хотя советовать – идти ли ей за него замуж – даже после распитой на двоих бутылки «Столичной» я не могу...

Замужество её тогда не состоялось, и мы с ней, кстати, потом об этих смотринах никогда не вспоминали. Вместе окончили университет, на какое-то время я потерял её из виду, а потом узнал, что она уехала жить в Германию.

Много лет спустя мне прислали фотографию, на которой они вдвоём с Иркочкой Круч запечатлены на лыжном курорте, кажется, в Италии... Этакие вполне довольные собой и жизнью западноевропейки, решившие отдохнуть от своих мужей...

И сразу столько всего вспомнилось... Те давние смотрины... Крохотная комнатуха Ирки Круч в их собственном алмазном доме на Моцарта, 10, где и мне приходилось бывать. Ирка приобщала меня к высокой музыкальной культуре. Ставила пластинки с танцами Брамса, вальсами Шопена, «Кармен-сюитой» Родиона Щедрина. А я отчаянно стеснялся – и невежества своего музыкального, и более того – несвежих носков. Мне казалось, что их запах заполонил всю комнатуху.

После сеанса музыки полагался ещё обед в кругу Иркиной семьи, на летней веранде их дома. И опять я стеснялся, хотя обстановка за столом была простая и радушная.

Ирку от всех нас отличала некая «ненашесть». Она просматривалась и в одежде, и в стрижке, и в умении держаться иронично-насмешливо, манере разговаривать... У неё был острый, независимый ум.

В Германии она в третий раз вышла замуж. Прислала фотографию, где они вдвоём с мужем, и где она – зрелая, ухоженная, хорошо знающая себе цену дама. А однажды Ирка передала мне с оказией презент – домашней выделки колбасу, приготовленную из дикого кабана, добытого ими с мужем на охоте – в их собственных угодьях.

Что и говорить, нескудно живут мои однокурсницы! И они ещё способны на безумства: Ирка Паустьян, узнав, что мы с Володиной Федосенко собрались в Одессу – навестить Юрку Павленко, недолго раздумывая, прилетела туда тоже, из Германии. Много чего порассказала о своём далеко не беспроблемном житье-бытье на исторической родине... Время всех нас, конеч-

но, не украсило, но иногда мне казалось, что передо мной всё та же Ирка – весёлая, никогда не унывающая, бесшабашная...

* * *

Не могу не сказать – хотя бы кратко – о Наташе Баталовой, очень дорогом и близком мне человеке. Вспоминаю о ней – и на душе становится светлей. У меня есть её девичья фотография – тургеневская девушка с косой, ни больше ни меньше... Хорошо образованная, тонкая, деликатная. Иногда мне казалось, что она случайно оказалась среди нашей братии. Казалось, её место – совсем в иной, красивой и содержательной жизни.

Наташу, безусловно, ожидало большое будущее. И не обязательно журналистское. Но она большую и лучшую часть жизни отдала тяжело больному сыну. И даже когда врачи говорили ей, что он всё равно обречён, она им не верила. И боролась за него – дни и ночи, месяцы, годы... Вопреки всему. Это был без всякого преувеличения материнский подвиг. Она спасла своего сына, теперь он взрослый самостоятельный человек.

Мы с Наташей давно живём в разных государствах. Иногда она звонит мне из Питера и заражает своим жизнелюбием.

А я вспоминаю, как они с Ириной Круч, возвращаясь с одной из практик, заехали к нам в «Михайловский»; как я их встречал на разъезде «Осенний» и вёз домой ночью, на мотоцикле без света. И как утром, увидев на столе блюдо с дымящейся бараниной, Наташа воскликнула:

– Как я люблю, когда много-много мяса!

Хотя сама его почти не ела.

Однажды она сказала мне, что хотела бы собрать всех мужчин, которых любила, за одним большим столом и накормить борщом. Они будут сидеть, а она наливать каждому в чашку из большой кастрюли.

Я бы тоже хотел быть за этим столом...

Просто вспомнилось...

Горы – ещё одно из самых ярких воспоминаний студенческой поры. Чаще всего мы ходили на Кокжайляу, куда нас впервые вывела Таня Назлова. И после первого похода я, всегда считавший, что нет и не может быть ничего краше милой моему сердцу лесостепи с берёзовыми колками, понял – насколько

ошибался. Эта зелёная долина в обрамлении гор хороша в любое время года, а особенно весной и зимой.

С самого первого похода мы окрестили тягучий крутой подъем в начале пути Любкиной горкой, потому что Любка Власова плакала, с горем пополам преодолев его. И в горы с нами больше никогда не ходила. А мы облазили многие места в окрестностях и Малого, и Большого Алма-Атинского ущелий: забирались и на Мохнатку, и на Чимбулак, и на Фурмановскую сопку, ходили и на Большое Алма-Атинское озеро. Я в одиночку чёрт знает куда залезал вверх по горной речке, впадающей в Малую Алма-Атинку у санатория «Просвещенец». Однажды зимой, один, попёрся на Кумбель, что было полной глупостью. Случись что со мной на обледенелом склоне среди голых камней – кто бы и когда там нашёл меня? К счастью, обошлось. А на Кумбеле (это три с лишним тысячи метров) бывал потом не раз. Рвал на его склоне мохнатые, с виду невзрачные цветы – эдельвейсы и даже альпийские розы. Бывало приносил горные цветы и в общагу. И – поразительная вещь – их дивный запах пропадал здесь уже через несколько часов.

Бывало и так: отправившись в воскресенье утром в горы, я часам к пяти возвращался, принимал душ, пил чай и шёл в театр, который открыл для себя именно в Алма-Ате. Помню и первый увиденный мною спектакль в Лермонтовском театре – «Человек из Ламанчи» с Юрием Померанцевым в главной роли Дон Кихота. А со временем мы приспособились ходить на сдачи новых спектаклей – по сути премьеры. И нас никто не гонял с этих просмотров.

Были и другие хитрости. Самый дешёвый билет в театр стоил тогда 40 копеек. Купив его, чаще всего можно было выследить свободное место в партере и после третьего звонка занять.

За пять студенческих лет я посмотрел практически все спектакли Лермонтовского театра и многие – Алма-Атинского ТЮЗа. Жаль, что теперь на месте последнего, канувшего в Лету, высится монстрообразный высотный дом, не без оснований именуемый коренными алматинцами мужским детородным органом с причинадами...

* * *

Летнее кафе «Акку» в парке у Дома Правительства, на углу улиц Кирова и Панфилова, через дорогу от главного корпуса КазГУ... Пара лебедей в крохотном пруду. Сухое белое вино «Ркацетели», которое мы могли себе позволить. Иногда ещё «Рислинг». Но выгоднее всего было принести с собой местное «Семиреченское» – тоже «как бы сухое» – и незаметно подливать в стаканы.

...Немолодая молчаливая грузинка (или армянка?) варила здесь кофе с пенкой – в небольшой турке, на металлическом листе, заполненном мелким песком. Едва пенка поднималась, она подхватывала турку и разливала кофе в крошечные чашечки. К кофе я тогда был равнодушен, но мне нравилось смотреть, как женщина работает, и нравился аромат свежесваренного кофе.

Было ещё несколько популярных заведений подобного рода вокруг. Для любителей портвейна – «Стекляшка», лепившаяся к главному корпусу со стороны гостиницы «Алма-Ата», в ту пору самой престижной в столице. В «Стекляшку» бегали опохмеляться или, сбежав с занятий, поговорить «за жизнь».

Для эстетствующих лучше всего подходило кафе «Театральное» – в парке у оперного театра. Сюда ходили пить популярный в ту пору коктейль «Шампань-коблер», стоивший, впрочем, недёшево, больше двух рублей. А высшим шиком считалось, враспяжку (чем дольше, тем лучше) опустошив высокий бокал, подтянуть к основанию трубочки обязательную вишенку и вытащить, не повредив...

В первый год нашей учёбы работала шашлычная на задворках ТЮЗа, где на рубль выходило аж четыре шашлыка (вообще-то стоил он 23 копейки, но сдачи никто и никогда не требовал), хлеб же или вкусные лепёшки, как и лук, сдобренный уксусным раствором, были бесплатными.

Алма-Ата начала-середины семидесятых и вообще-то считалась по части продовольственного обеспечения городом вполне благополучным. Я это хорошо знаю, потому что после желтухи врачи мне рекомендовали диетическое питание. И из колбас я отдавал предпочтение нежирным докторской и молочной, а также вовсе обезжиренной диабетической. И они всегда

были на прилавках ЦГ – центрального гастронома. Куда это всё потом подевалось?

Желтухе я также обязан знакомству со знаменитой «Диетичкой» – диетической столовой, находившейся на Коммунистическом проспекте, чуть выше улицы Калинина. Там был выбор блюд, которому мог позавидовать любой столичный ресторан той поры. Я брал, например, свекольник, паровые котлеты, иногда – индейку (да-да, приличный кусок вкусного белого птичьего мяса), напиток из шиповника. Но в меню (и в натуре!) были также разнообразные каши, вареная говядина, твёрдые сыры, колбасы, омлет и т.д. И всё – по вполне приемлемым ценам. Я, например, обычно укладывался в рубль. Правда, пускали в «Диетичку» по специальным пропускам и время от времени меня «отсеивали». Но ненадолго. Так что именно «Диетичке» я во многом обязан своему относительно быстрому восстановлению после перенесённого гепатита. Ещё от спиртного воздерживался с полгода и мучил себя кефиром. Даже в горы первое время с собой таскал и возненавидел потом его так, что несколько лет на дух не переносил.

Бывали мы и в ресторанах, но очень нечасто. Там я впервые попробовал цыплёнка табака (два рубля 29 копеек порция!) и настоящую алма-атинскую солянку, которую люблю до сих пор.

Благодаря желтухе я дважды побывал в университетском профилактории, который размещался в одном из общежитий, напротив Никольского базара. В профилакторий направляли по путёвкам профкома университета, основанием для чего могла быть перенесённая серьёзная болезнь, операция или объективные материальные затруднения студента. Не помню уже – сколько стоила путёвка, но помню, что очень недорого – рублей 10-12 (стипендия, напомним, была 40 рублей). Зато в профилактории сытно и вкусно кормили (три раза в день!), подлечивали, к тому же здесь можно было жить...

Был тут и свой спорт-инструктор. И главврач, напутствуя новичка, непременно сообщала:

– Для спорта имеется Ирак в пятнадцатой комнате.

Меня Ирак запомнил, потому что я по утрам бегал по влажным, тенистым окрестным улицам и возвращался, когда он заканчивал зарядку с другими оздоравливающимися. Сейчас же

пишу об этом лишь потому, что Ирак впоследствии стал известным в Казахстане человеком – заместителем министра и даже депутатом Мажилиса. И когда наши пути где-нибудь пересекались, Ирак нос не задирает, а бросался навстречу, приговаривая:

– Помнишь, как мы с тобой в профилактории!..

* * *

Как хорошо было бы рассказать о великолепии Никольского базара, куда мы частенько забегали, особенно на исходе лета и осенью, когда всё его богатство – яблоки и виноград, арбузы и дыни, все прочие дары здешней благодатной природы стоили сущие копейки. Но боюсь, что у меня не хватит слов...

* * *

В Алма-Ате я видел Владимира Высоцкого. Там гастролировал Театр на Таганке. Проблем с билетами не было, потому что для гастролей «Таганки» выделили Дворец имени Ленина с огромным количеством зрительных мест. Я успел побывать на трёх спектаклях: «Добрый человек из Сезуана», «Десять дней, которые потрясли мир» и «Антимиры».

Подходя однажды ко дворцу, ничего не мог понять – откуда то неслись революционные песни. Вместо билетёров зрителей встречали революционные матросы с винтовками, перепоясанные пулемётными лентами. А в просторном фойе дворца на невысоком помосте стоял Высоцкий – в джинсах и свитере, с гитарой. И – пел! Он был так близко от меня, что его можно было потрогать...

Не могу, впрочем, сказать, что меня уж очень тронули спектакли «Таганки». Было любопытно – и не более того. Мне всё же больше по душе классика, а не суперноваторство.

Мы очень надеялись тогда, что будет устроен концерт (или даже несколько) Высоцкого. Но этого, увы, не случилось.

На одном из спектаклей мы столкнулись в антракте с Васей Дмитровским. Он только что вернулся из стройотряда, в котором отработал три с лишним месяца, а потому был сказочно богат – получил расчёт в тысячу с лишним рублей. Спросил, пил ли я когда-нибудь бренди? И поскольку ответ знал заранее, повёл к себе домой и угостил желтоватой жгучей жидкостью из заморской бутылки. Потом, само собой, мы перешли на портейн...

...Через много лет, уже будучи редактором газеты, я в первый раз (и, к сожалению, в последний) попал в «цэковский» санаторий, из которого высокопоставленный контингент время от времени вывозили на концерты и спектакли. Так я оказался во всё том же Дворце имени Ленина на творческой встрече с Мариной Влади, которая пела, рассказывала о Высоцком и презентовала свою книгу о нём «Владимир, или Прерванный полёт». И Марина, и книга (я её сохранил) мне тогда решительно не понравились: уж как-то очень запросто обращалась Марина Влади с именем «нашего Высоцкого». Понимаю теперь, что я был тогда неправ: и книгу она написала неплохую – во всяком случае, искреннюю, доброжелательную и, наверное, правильно поступила, не сказав в ней всей правды, к которой большинство из нас не было готово; и о Высоцком на вечере вспоминала только хорошее. Она была по-настоящему близким и дорогим ему человеком. А во мне тогда говорила, наверное, глупая провинциальная ревность: ведёт себя так, будто присвоила себе «нашего Высоцкого». Хотя кто его только после смерти не присваивал – столько друзей сразу нашлось... Не по душе мне ежегодные телевизионные шоу, что устраиваются в дни его рождения и смерти. Как и фильм, где играет его двойник... Не будут его смотреть так, как смотрели и смотрят «Вертикаль», «Служили два товарища», «Опасные гастроли», а тем более «Место встречи изменить нельзя».

* * *

В Алма-Ате я впервые увидел живого Евгения Евтушенко, бывшего кумиром для людей моего поколения. Как, впрочем, и Роберт Рождественский, Булат Окуджава, другие шестидесятники...

Случайно узнал: будет поэтический вечер в театре имени Лермонтова с участием поэтов союзных республик (в Алма-Ате был какой-то большой сбор литераторов), на котором должен выступить и Евтушенко. Билеты на вечер не продаются, а распределяются. Вроде сколько-то приглашенных досталось и нашему журфаку, но где уж мне, второкурснику, было рассчитывать на удачу. Решил: пойду заранее к театру – вдруг что-нибудь да и выгорит.

Встречаю в общаге пятикурсника Борю Кожарова, держащего в руках какую-то бумажку.

– Вот, – говорит, – дали пригласительный на поэтический вечер, а я идти не хочу. Может, ты пойдешь?

Даже теперь, столько лет спустя, поражаюсь свалившемуся на меня счастью. А тогда – хватаю билет, мигом собираюсь и больше чем за час, когда ещё никого не пускают, я уже у театра... Не пускают нас, страждущих, довольно долго, пока не приезжают литераторы. Их ведут через живой коридор к театру, и я слышу умоляющий женский голос:

– Евгений Александрович! У меня нет билета! Проведите, пожалуйста!

Евтушенко я, отгороженный людьми, не вижу, но слышу:

– Не могу, это ведь не мой вечер...

Теперь уже плохо помню – кто и что читал тогда. Помню лишь, что вёл вечер Олжас Сулейменов, и все, кому он давал слово, читали по одному стихотворению, а Евтушенко прочитал два: «Идут белые снеги» и «Приходите ко мне на могилу». Последнее, по-моему, очень хорошее, где в самом конце неожиданное двустишие:

«Приходите ко мне на могилу,
На могилу, где нету меня!».

Я это стихотворение в его исполнении никогда больше не слышал. Исключение для Евтушенко было сделано лишь потому, что его не отпускали со сцены. А тишина, когда он, как всегда мастерски, читал, в переполненном душном зале стояла такая, что было слышно, как где-то сверху шелестят невидимые вентиляторы (кондиционеров в ту пору в театрах ещё не было).

Пройдёт больше двадцати лет, Евтушенко приедет в Павлодар, мы встретимся в Доме-музее Павла Васильева, окажемся на какое-то время вдвоём, я напомним ему про тот вечер, и он разведёт руками:

– Извините, не припоминаю...

* * *

Сколько же ещё всего было в те годы! Плохое, за небольшим исключением, отсеялось и улетучилось, а хорошее помнится.

Стройотряд на самом юге Алма-Атинской области, в целинном совхозе «Рославльский», где мы построили школу и несколько жилых домов... Очень тяжёлая, иногда на пределе сил, часто от темна до темна, работа с редкими-редкими выходными... Когда мы после обеда в сорокаградусную жару шли на свои объекты, сельские улицы были совсем безлюдны – всё живое пряталось в это время от зноя. А мы работали, даже через силу... И это была хорошая школа жизни – без всяких скидок на былые заслуги. Стройотряд очень быстро показывал – кто ты есть на самом деле. А для многих он был едва ли не единственной возможностью учиться очно без помощи родителей, потому что давал возможность заработать за два, а тем более три летних месяца на целые полгода, а то и год студенческой жизни.

* * *

Военная кафедра, на которой из нас готовили командиров взводов зенитно-пулеметных установок «ЗПУ-4» и «ЗУ-23»... После относительной вольницы на обычных лекциях «военка» с её построениями-разводами-переключками мало кому могла понравиться. Тем более что наши майоры-подполковники-полковники (а некоторые из них участвовали в реальных боевых действиях за рубежами СССР) старались и учить, и воспитывать нас по-настоящему... Я до сих пор помню их фамилии – подполковник Михайлов, полковники Кузьмин и Просвиркин...

Не могу сказать, что «военка» была любима нами. Но мы старались иронически воспринимать выпадавшие на нашу долю в этот день недели тяготы и лишения. А после занятий, выпотрошенные и голодные, шли в подвальчик на улице Шевченко, в столовую, где можно было полакомиться домашними пельменями. Теперь там ресторан...

...Отъезд на сборы – уже после пятого курса – с железнодорожного вокзала Алма-Ата-2... Прощальные взгляды однокурсниц с перрона, в которых столько всего читалось: нежности и невысказанной любви, горечи и отчаяния.

Сами сборы – на стыке Узбекистана и Киргизии, неподалёку от города Ош. На большой здешний базар иные из нас ездили подкормиться. Торговцы, завидя курсанта, едва ли не напе-

ребой предлагали любые фрукты и овощи. Тогда мы ещё нигде не были ни оккупантами, ни некоренными...

Житьё в палатках на десять человек... Дикая жара днём и холод ночью (это – предгорье)... Военные автомобили – вездеходы в ангарах, выше колёс залитые грязью недавнего селя (в случае военной тревоги они не тронулись бы с места).

Первый наряд... Я – истопник. Подъём в три часа ночи. Часа за полтора печку раскочегарил. После чего следует команда: «Туши!». Способ один – заливать горящие поленья водой из ведра. И как только печь всё это выдерживала! Я же колотился возле неё сутки и возвращался из наряда чуть живой и грязный как чёрт.

...Местные сигареты «Ала арча» – по шесть копеек пачка. Они были «термоядерными». Лёха Закутаев издевался:

– Стипендиат! Ладно я их курю – у меня уже дочь есть. А у тебя точно детей не будет – бросай...

...Первые письма – нам. Мне от Ольги раньше, чем всем другим. Тайные завистливые взгляды...

Боевые учебные стрельбы – из автоматов и зенитных установок – тех самых «ЗУ-23», предназначенных для стрельбы по низколетящим воздушным целям и наземной боевой технике противника. От каждого залпа так бьёт по ушам, что лучше держать рот открытым...

Сколько раз я потом видел на телеэкране эти наши «зэушки» – они засветились, наверное, всюду, где начинались боевые действия: и на Ближнем Востоке, и в Африке... Это я к тому, что и учить нас старались по-настоящему, и техника была самая что ни на есть ходовая.

Какое-то время спустя всем нам были присвоены звания лейтенантов.

* * *

Была в университете хорошая традиция: вечера встречи «пятый – первому». На ней пятикурсники посвящали «молодняк» в тонкости будущей студенческой жизни. Больше всё это делалось в шутку, хотя кое-что говорилось и всерьёз. Но ведь правду говорят: ничей пример, как правило, никого ничему не учит, и каждому из нас пришлось потом не раз наступить на собственные грабли...

Хорошо запомнил прозвучавшую на том вечере-встрече и сам после не раз повторял фразу:

*«Если нет искры в мозгу, не поможет и КазГУ!
Если есть искра в мозгу, то зачем тебе КазГУ?».*

Я до сих пор не знаю, есть ли она у меня в мозгу, эта искра. Зато другое знаю точно: КазГУ был и навсегда останется, может быть, самой лучшей порой моей жизни...

* * *

*...На юбилей университета я не поехал.
По несчастью или к счастью, истина проста:
Никогда не возвращайся в прежние места.
Даже если пепелище выглядит вполне –
Не найти того, что ищем, – ни тебе, ни мне...*

«А БАТЕ БЫЛО ВОСЕМНАДЦАТЬ...»

Вместо предисловия

Не компьютерный я человек. И поэтому не сразу обратил внимание на электронное письмо старшего сына Данила из Москвы: «Пап, привет! Нашёл награды деда, Дмитрия Петровича, с выпиской из наградных листов – обалдеть! Смотри...». И четыре ссылки из общедоступного электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» архива Министерства обороны России. Я стал открывать ссылки, и у меня руки затряслись, я не верил глазам. Это были действительно рукописные копии наградных листов моего отца Дмитрия Петровича Поминова...

Он умер 8 февраля 1984 года, немного не дожив до 62 лет. Эта смерть была неожиданной для всех нас, его близких – в свои годы отец совсем не походил на старика, оставался физически крепким и полным сил. Врачи потом назовут причину – острая сердечная и лёгочная недостаточность.

Боль утраты со временем притупилась, но осталось и до сих пор живёт во мне чувство, что мы с ним не договорили. Может быть, именно это чувство подвигло меня написать записки об отце. Писались они, главным образом, для чтения в кругу нашей семьи, но главный редактор республиканского литературного и общественно-политического журнала «Нива» Владимир Романович Гундарев счёл нужным опубликовать их... Записки об отце также вошли в мою книгу «Живу», изданную больше 15 лет назад. Я считал, что эта тема (во всяком случае, в моих журналистских и литературных делах) исчерпана. И вот столь неожиданный «привет» из фронтовой биографии отца, за который я, скорее, критически относящийся к всесилию компьютера, готов в ножки поклониться и ему, и особенно тем людям, которые дали возможность не тысячам даже, а миллионам людей прикоснуться к истории своих близких, спасших мир от чумы фашизма...

Эти рукописные строки, которым уже почти семьдесят лет, дороги мне ещё и потому, что фронтовая часть жизни отца так и осталась для меня в значительной степени неизвестной. Что-то он, конечно, рассказывал, но всё это были лишь эпизоды, фрагменты, частности... Никакой целостной ясной картины о военных годах его

жизни (отец был на фронте с декабря 1942 до Победы, а демобилизовался и вовсе в конце 1946 года) у меня не сложилось. Письменных воспоминаний он тоже не оставил, хотя, кажется, в конце войны делал какие-то, к сожалению, не сохранившиеся записи. И я не успел его подробно расспросить – думал, успею ещё...

После смерти отца на семейном совете решили, что его боевые награды и фронтовая реликвия – цейсовский артиллерийский бинокль с облупившимися боками и одним дефектным окуляром (на нём резьба сорвана), зато другой в полном порядке, а также сохранившиеся документы останутся у меня... Были ещё наградной пистолет со всеми удостоверяющими бумагами и финка с наборной ручкой. Пистолет вскоре после возвращения домой отец сдал с военкомат – от греха подальше, у него стали проявляться последствия контузии... А финка, с которой отец не раз ходил в тыл к немцам и которую я хорошо помню, где-то затерялась. Отец позволял её брать нам со старшим братом, и мы её где-то «заиграли». Не исключено, впрочем, что финку «увёл» кто-то из наших приятелей...

Все боевые награды отца целы. Раньше мы с моими сыновьями всегда доставали их в День Победы, я что-то о них рассказывал, но никогда не мог внятно объяснить детям, за что их дед получил две медали и два ордена... И вот читаю сам, сохраняя стилистику оригиналов...

Наградные листы

«Поминов Дмитрий Петрович, ефрейтор, автоматчик первой роты отдельного батальона автоматчиков 23 Отдельной стрелковой бригады, представляется к Правительственной награде Медалью «За отвагу». Год рождения 1922, национальность русский, член ВКП (б) с 1943 г, № п/б 52111978, на Калининском фронте с 15.01.43 года, ранений не имеет, в Красной Армии с 25.11.41 г., призван Купинским РВК (райвоенкоматом – **Ю.П.**) Новосибирской области. Наград не имеет».

Далее – «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг»:

«Тов. Поминов Дмитрий Петрович во время атаки взводного опорного пункта противника по захвату контрольного пленного 29.10.43 г. проявил мужество и отвагу.

Тов. Поминов несмотря на сильный артиллерийский и миномётный обстрел Смело и Решительно (оба слова написаны с прописных букв – **Ю.П.**), увлекая за собой остальных бойцов, ворвался в траншею противника, поддерживая своим огнём из Пистолета Пулемёта (оба слова – с прописных букв, речь об автомате ППШ – **Ю.П.**) продвижение своего отделения.

Тов. Поминов в траншеях вёл огонь по отходящему противнику, дал возможность захватгруппе выполнить задачу захватить контрольного пленного.

1 ноября 1943 г.

Командир отдельного батальона автоматчиков...»

Фамилия не очень разборчива, похоже на «Кулешов». Подпись удостоверена печатью.

* * *

Следующий наградной лист... Те же «установочные данные», но уже с указанием первой награды от 1.11.1943 г. (оперативно работали штабисты! – **Ю.П.**) – медали «За отвагу». У отца уже другая фронтовая специальность – сапёр-разведчик отдельной сапёрной роты 23 ОСБР (вероятно, отдельный сапёрный батальон разведки) Поминов представлен к медали «За боевые заслуги»:

«Ефрейтор Поминов Дмитрий Петрович под сильным огнём противника в момент атаки проделал (прорезал) проход в проволочном ограждении противника, чем обеспечил роту автоматчиков проходом...».

Представление, датированное 17 января 1944 года, подписал капитан Крисанов.

* * *

В очередном представлении указаны уже две награды. В первом случае бой от медали «За отвагу» разделяли три дня, во втором дата боя не указана, а только дата представления к награде. Медалью «За боевые заслуги» отец награждён 19 января 1944 года, через день после того, как был к ней представлен.

* * *

В третьем наградном листе говорится:

«Ефрейтор Поминов 4.02.1944 в районе д. Маноково проделал под огнём противника в минных полях проходы, разми-

нировал 4 дороги и установил указатели, чем дал возможность продвижению наступающих частей.

Представляется к правительственной награде – ордену «Красная звезда».

Командир отдельной сапёрной роты ст. лейтенант Шальнов» (или Шалинов – **Ю.П.**).

Приказ о награждении подписан 10 февраля 1944 года.

* * *

Четвёртое представление подписывает 17 декабря 1944 года командир 254 отдельного сапёрного батальона майор Гальперин.

«В ночь с 3 на 4.12.1944 года в районе местечка Сударги, обеспечивая действия разведгруппы по захвату контрольного пленного, действуя смело и решительно, несмотря на ружейно-пулемётный огонь противника, сделал проход в минном поле немцев, сняв 18 противопехотных мин. Подполз к немецкой проволоке, тщательно её разведаль и подложил под её (так в оригинале – **Ю.П.**) заряд тола.

Днём 4.12.1944 года, когда должна была действовать разведгруппа, скрытно выдвинулся к проволоке немцев и по сигналу, в нужный момент взорвал проволочное ограждение. В сделанный проход в минном поле и проволочном ограждении пропустил разведгруппу и пробыл здесь до тех пор, пока она не вернулась обратно.

В ночь с 8 на 9.12.1944 в районе г. Лугтосаллен, обеспечивая ночной поиск разведгруппы, быстро и бесшумно сделал проход в своём минном поле и проволочном ограждении, дав свободный и беспрепятственный выход разведгруппе к реке Неман.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество представляется к награждению орденом Славы 3-й степени».

Приказ о награждении ефрейтора, сапёра 254 отдельного сапёрного батальона от имени Президиума Верховного Совета СССР подписали 23 декабря 1944 года (через неделю после представления) командир 325 стрелковой дивизии генерал-майор Сухоревров и начальник отдела кадров майор Литвинов. В приказе этим орденом награждены семь человек – пять

разведчиков и два сапёра (второй – сержант того же батальона Александр Егорович Малахов). Может быть, это был напарник отца, теперь уже не узнать... Я точно помню из рассказов отца, что зимой сапёры, делая проходы в минных полях, обычно работали на пару, поочерёдно, причём без рукавиц или перчаток. Когда у одного руки замерзали и теряли чувствительность, он отогревал их за пазухой, а в дело вступал другой... И так – до завершения работы... (Отец, кстати, и дома в наши суровые зимы почти не признавал рукавиц и шарфов, никогда не опускал «уши» у шапок, хотя, случалось, и подмораживал собственные уши. Воду даже зимой предпочитал ледяную, из ковша, добавляя в неё снега...).

* * *

За два последних года войны отец заслужил четыре главные солдатские награды, что лучше всего характеризует его как солдата и воина. Потом к ним добавятся ещё медали «За взятие Кенигсберга» (полное название – «За участие в героическом штурме и взятии Кенигсберга» (Указ Президиума Верховного Совета от 9 июня 1945 года) и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.») – по Указу от 9 мая 1945 года. Любопытная деталь: вторая медаль будет отцу вручена 25 января 1946 года, когда он ещё будет находиться в частях Красной Армии, на территории Польши. А медаль «За взятие Кенигсберга» найдёт его спустя почти два года, уже дома, и будет вручена в Купинском райвоенкомате 19 марта 1947 года. Был у отца ещё гвардейский знак, но подробности награждения им мне неизвестны. Нет и наградных листов на две последние медали – возможно, процедура награждения ими была уже иной...

Так к хранимым мной боевым наградам и другим документам отца добавились наградные листы – ценнейшая реликвия его фронтовой жизни. Скорее всего, сам отец никогда этих представлений не видел, хотя, возможно, ему о них и говорили. В своих рассказах о войне отец никогда напрямую не связывал свои награды с теми или иными эпизодами войны. Мне помнятся больше всего три его рассказа. Один – трагикомичный – о том, как он спас генерала, вышедшего ночью из блиндажа по малой нужде и ненароком зашедшего на минное поле... Слу-

чайно оказавшийся поблизости отец увидел его, остановил и вывел за собой – шаг в шаг – обратно...

Два других эпизода – трагические... Разведчики, возвращаясь с задания, несли с собой товарища, раненного разрывом мины в пах... Он истекал кровью, испытывал неимоверную боль и просил их избавить его от мучений – пристрелить или дать возможность застрелиться самому... Но они продолжали нести его, под минным обстрелом, падая вместе с ним на землю, чтобы спастись от близких разрывов... И осколки опять доставались ему – попадали то в ногу, то в руку, он весь был изранен... А они продолжали нести его, пока судьба, будто смилостившись над ним, не послала солдату смерть – минный осколок угодил ему в голову... При этом никто из разведчиков, нёсших его, за всё это время даже не был ранен...

А как-то зимой разведчиков посылали по ночам на нейтральную полосу – за документами убитых наших солдат, оставшихся на ней после жестокого боя. Отец и его товарищи обшаривали задубевшие на морозе трупы, вспарывали нагрудные карманы, доставали бумаги, подчас пропитанные загустевшей кровью... А когда возвращались, уже под утро, водки получали – не фронтовые сто граммов, а вдоволь...

После будет подсчитано: мужчин 1922-1925 годов рождения на той войне было убито 97 из каждых ста. Отец оказался в числе трёх процентов уцелевших счастливых – не был даже ранен, лишь контужен... Может быть, таким образом само провидение «рассчитывалось» с бабушкой, его матерью, схоронившей к тому времени уже десять из четырнадцати рождённых ею детей...

Я не спрашивал у отца – было ли ему страшно на войне. Ответ на этот вопрос очевиден: конечно, было, но в том и состоит мужество солдата, чтобы свой страх преодолеть. Но я спрашивал – чего он боялся больше всего на войне. И он отвечал – попасть в плен... И войну вспоминал – как работу – тяжёлую, опасную, порой грязную, уйти от которой было нельзя...

Из семейного архива

Готовя эти заметки, полез в свои архивы, нашёл две папки с отцовскими документами и старыми фотографиями.

Сохранилась повестка призывнику Поминову Дм.П. со штампом райвоенкомиссариата:

«Предлагаю явиться в Купинский райвоенкомат к 7-ми часам утра 25 августа 1941 г. для отправки Вас в кадры Красной Армии.

При себе иметь: 2 пары чистого белья, 2 полотенца, 2 носовых платка, кружку, ложку и вещевой мешок для хранения собственных вещей.

На себе иметь: брюки и рубашку, куртку или пальто, головной убор и в кожаной обуви.

За неявку и опоздание будете привлечены к уголовной ответственности.

Купинский райвоенком, старший политрук Лисица».

Сорок с лишним лет спустя, в феврале 1984 года, отец напишет письмо в редакцию Павлодарской областной газеты «Звезда Прииртышья», которое будет зарегистрировано 8 февраля, в день его смерти; а отдадут мне письмо через несколько дней, когда я вернусь с похорон...

Вот что писал отец: «Я не попал на фронт, хотя, как и все, горел желанием – только на фронт. Нас немногих сочли нужным направить на Тихоокеанский флот (насколько я знаю, служил отец в морской пехоте, осталась с той поры голубоватая, едва заметная татуировка на тыльной стороне ладони, рядом с большим пальцем – якорь со звездой – Ю.П.). И всё-таки сбылась моя мечта, в 1942 году нас через всю страну, через Москву, бросили в бой – штурмовать город Великие Луки. Там же меня 23 февраля 1943 года приняли в члены партии...».

Прерву письмо, чтобы рассказать одно семейное предание. Отец написал своей матери, моей бабушке, с которой у нас всегда были особые отношения, что они по пути с Востока на Запад будут проезжать узловую станцию Татарская (это несколько десятков километров от их деревни Чубаровка). Непонятно, правда, как цензура могла пропустить подобное сообщение... Но в данном случае это неважно... Суть в том, что бабушка больше недели дневала и ночевала на Татарской, встречая и провожая воинские эшелоны. Но увидеться им тогда было не суждено...

Вернусь к отцовскому письму:

«Затем нашу 23 стрелковую бригаду и 54 стрелковую бригаду соединили в 325 стрелковую дивизию. А в этой 54 стрелковой бригаде и воевала Алия Молдагулова, посмертно удостоенная звания Героя Советского Союза. Мне уже трижды пришлось побывать в деревне Казачиха, где она героически погибла, и на её могиле. Это станция Насва, где сооружён обелиск Братской могилы.

Я уже семь раз встречался со своими однополчанами.

Вот о таких, кого пощадила война, написал мой сын Александр Поминов. Называется «Отец».

Мой адрес: совхоз «Михайловский», Железинский район. Поминов Дмитрий Петрович».

И дальше – переписанное рукой отца стихотворение, которое было напечатано в многотиражной газете «Коммунист» Хабаровской высшей партийной школы 28 февраля 1978 года. (Брат учился в этой школе и закончил её).

Когда мне принесли письмо, я посчитал неудобным публикацию и его, и стиха, раз я работаю в этой газете... Кому-то это может показаться глупостью, но я действительно так считал. И теперь, спустя почти тридцать лет, я всё же выполняю (так уж вышло) волю отца... Вот это стихотворение:

А. ПОМИНОВ

Отец

А бате было восемнадцать,
Когда он уходил на фронт.
И чистым мир ему казался,
Как синеглазый горизонт.

И ненавидел он фашистов.
Своею искренней душой.
Вчера сынишка активиста,
А завтра в роте строевой.

Ещё недавно за заплаты
На рваных стареньких штанах
Над кулачатами расплату
Вершил он, нагоняя страх.

И вот он на вагонной полке
И смотрит в пыльное окно,
Ещё догадываясь только,
Что ему сделать суждено.

Он стал разведчиком, сапёром...
И смерти в серое лицо
Смотрел спокойно твёрдым взором...
Да, я горжусь своим отцом.

Он бил врагов под Ленинградом.
Он гнал фашистов от Москвы.
Шептали губы: «Врёте, гады!
За всё заплатите нам вы!».

Он пол-Европы по-пластунски
Исползал вдоль и поперёк.
Любил он родину по-русски –
Простой сибирский паренёк.

Теперь седой, большой и грузный,
Он трудится на целине.
Как прежде, верно служит людям
И редко пишет письма мне.

Но в день, когда наступит праздник,
Наденет бая ордена,
В совхозном клубе речь он скажет
И вспомнит: «Да, была война»...

Он выпьет стопку водки горькой,
Расправит плечи, как боец...
А сколько их в России? Сколько?
Таких мужчин, как мой отец...

* * *

Сохранилось несколько фронтовых фотографий отца. На одной он, совсем ещё молодой и, похоже, необстрелянный в центре таких же юнцов – в длинной серой солдатской шинели,

перепоясанный ремнём, сапогах и шапке, молодцевато сдвинутой набекрень. На другой он уже на фронте, с однополчанами, летом, в пилотке, сидит на земле с газетой в руках. Не исключено, что это постановочный снимок: в перерывах между боями коммунист, командир отделения проводит политинформацию...

Есть ещё одна отличная фотография, где отец в гимнастёрке и фуражке, которая ему по званию, наверное, не полагалась, с товарищем. У обоих на груди – полный «иконостаc», набор боевых наград: у отца – две медали и два ордена, у товарища – то же самое, только вместо ордена Красно звезды – второй орден Славы. Сохранилась и надпись на снимке: «На долгую добрую память родным от сына Мити и моего боевого товарища Саши. Фотографировались в городе Гдыня 1 июля 1945 года. Берегите и помните. 4 июля 1945 г.».

Отец на этой фотографии (что по всему чувствуется) уже не юнец, а победитель, хотя ему всего 23 с небольшим года. Его товарищ, фамилии которого, к сожалению, нет, выглядит постарше. И выражения лиц у обоих, как у людей, сделавших, наконец, очень важное в их жизни дело... И как же порой непросто будет потом складываться у победителей жизнь! У отца, например... Но об этом чуть позже...

* * *

Следующий документ – красноармейская книжка, которая тоже может рассказать о многом. Выписана она на уже «выросшего» по службе от ефрейтора до младшего сержанта Д.П.Поминова 6 февраля 1946 года. Война давно закончилась, а они продолжали служить... Отец, насколько помню, в Польше, старшиной подсобного хозяйства. Но и там было беспокойно, постреливали и, случалось, убивали наших солдат. Отец говорил, что и в ту пору никогда и никуда не ходил без пистолета. С ним и спал.

На первой странице красноармейской книжки запись: «Демобилизован на основании Указа Президиума Верховного Совета 22 октября 1946 года». На второй странице, сверху, напоминание: «Красноармейскую книжку всегда иметь при себе. Не имеющих книжки задерживать».

Дальше – данные о владельце, прохождении им службы – участия в боевых походах, награждениях и отличиях и, наконец,

о вещевом имуществе обладателя книжки: шапка – одна, пи-лотки – 2, шинель – 1, гимнастёрка х/б – 1, шаровары х/б – 1, рубаха нательная – 1, рубаха тёплая нижняя – 1, кальсоны – 2, полотенце – 1, портянки летние – 2, портянки зимние – 2 (помню, как мастерски умел их заворачивать отец, и меня учил, но так и не научил – Ю.П.), перчатки тёплые – 1, сапоги – 1, наво-лочка подушечная нижняя – 1, наволочка подушечная верхняя – 1, простыня – 1, одеяло – 1, ремень поясной – 1, ремень брюч-ный – 1, ремень для скатки шинели – 1, ранец (вещмешок) – 1, котелок – 1».

Оружие и спецсредства: ППШ (пистолет-пулемёт) № 8131-1, противогаз – 1, карабин № 911 – 1.

Сделана также от руки запись о прививке от оспы – 4.3.1946 г.

Немного же имущества числилось за младшим сержантом Поминовым Д.П.

* * *

Орденская книжка – с гербом и надписью «Союз Советских Социалистических республик». В ней перечислены уже назван-ные фронтовые награды отца с указанием номера каждой, под ними – факсимильная подпись Секретаря Президиума Верхов-ного Совета А. Горкина, а также запись о том, что «обладатель книжки, начиная с декабря 1943 года (даты вручения первой медали), имеет право на получение орденских денежных вы-дач и на другие льготы и преимущества, согласно положению об орденах Союза ССР». То есть, было время, когда за боевые медали и ордена платили деньги. Небольшие, конечно, но и они были нелишними для обладателей наград и их близких.

Полагались ещё бесплатный проезд по стране раз в год на поезде, льготы по налогообложению и на оплату жилья... Потом выплаты за медали и ордена были отменены.

* * *

Военный билет, где впервые указано, что с мая 1944 года отец был командиром отделения... Справка, подписанная ко-мандиром воинской части – полевая почта № 19702 майором Иняшкиным и заверенная печатью: «Выдана мл. сержанту По-минову Д.П. в том, что командование части разрешает ему вы-слать посылку на родину весом 5 кг»...

Кажется, это была единственная посылка, отправленная отцом родным с освобождённой от врага территории, и, помню, бабушка даже много лет спустя выговаривала ему за неумение вовремя подсуетиться...

После войны

Судя по уже приведённым документам, домой отец вернулся в конце 1946 года. О его дальнейшей судьбе я могу судить по довольно скупым его рассказам и более подробным воспоминаниям матери, на которой он женился в 1948 году. Есть некоторые данные и в его трудовой книжке, но далеко не все...

Мирная жизнь воина-победителя довольно долгое время явно не складывалась. Какое-то время работал председателем колхоза в своей родной Чубаровке (официально – Михайловке), что примерно в десяти километрах от Купино. Но почти сразу стали проявляться последствия фронтовой контузии – нервные срывы, головные боли... А когда односельчане однажды в рабочее время застали его спящим за председательским столом, вызвали врача... Отца отправили на курорт, здоровье его улучшилось, но работа, связанная с умственными и нервными нагрузками, ему была противопоказана и предписан лёгкий труд...

Что ему могли предложить в обескровленной войной деревне? И отец, фронтовик, орденосец, стал водовозом – возил то на лошади, то на быках по бригадам воду из деревенского колодца в деревянной бочке... Пока кто-то не надоумил его поступить на курсы электриков в Колыванскую школу механизации, что неподалёку от Новосибирска. Пока он там учился, умерла их с матерью первая дочь, Люба, от скарлатины, а отцу, как раз сдававшему экзамены, даже не сообщили... И о смерти дочери он узнал, лишь вернувшись домой...

Получив профессию электромеханика, отец стал работать по специальности, но нигде долго не задерживался: машинно-тракторная станция, овцесовхоз «Купинский», несколько геологоразведочных партий в Омской области...

Уже родились старший брат Александр, я (оба в «Купинском»), сестра – в деревне Окунёвка Омской области. Десять лет назад закончилась война, а у них с матерью всё ещё не было собственного угла – чужие снимали...

Без преувеличения судьбоносным для них стало решение поехать во вновь создаваемый целинный совхоз «Михайловский» Железинского района Павлодарской области. Отцу даже вручили комсомольскую путёвку, хотя было ему 33 года.

На место будущего совхоза отец приехал с первым отрядом целинников, санно-тракторным поездом из Купино, и 22 марта 1955 года был принят на работу электромехаником. То есть, этот совхоз он с другими первоцелинниками создавал с первого колышка.

Несколько месяцев спустя приехала мать с нами. Жили сначала в палатке, а когда её забрали для более насущных производственных нужд, в шалаше. К осени соорудили землянку-пластанку, в которой, кстати, зимовала ещё и семья целинников Агеевых, друзей отца с матерью... А к следующей осени поставили дом – пока без полов и отделки, но зимовали уже в нём...

То была, наверное, лучшая пора в жизни отца – большое, настоящее дело, возможность проявить себя... Работа для него всегда была на первом месте... И куда его только «на прорыв» не бросали: был заместителем директора; заведующим током, избирали председателем рабочего комитета (на собрании предлагалась другая кандидатура, но целинники взбунтовались и выдвинули его, не рвавшегося на эту должность, но принявшего выбор земляков), инженер-электрик (с его-то семилетним образованием, а в вечернюю среднюю школу пошёл, но не закончил), бригадир животноводства, инженер по технике безопасности...

Не всё и не всегда складывалось у него на этих столь разных должностях гладко... Не всегда ладил с начальством, резал в глаза правду-матку... Не умел или не хотел приспособливаться к обстоятельствам. Порой и сам был виноват – сильно вредил ему в жизни традиционный русский недуг.. Но люди его уважали – за прямоту, обострённое чувство справедливости и бескорыстие (никогда и ничего не прилипало у него к рукам, когда был на руководящих должностях), за всегдашнюю готовность помочь ближнему, даже в ущерб собственной родне. Общественное для него всегда было выше личного – такой он был человек.

Может, он и не нашёл главного предназначения своей жизни (сменил много мест работы и профессий), но жил всегда открыто, честно, был весь на виду...

Очень гордился нашими успехами – мной, когда я поступил в университет и закончил его; старшим братом, закончившим Хабаровскую высшую партийную школу, поэтом, посвятившим ему стих; сестрой Наташей, продвигавшейся по службе; младшим братом Петром, закончившим университет и готовившимся поступать в аспирантуру.

Ему бы ещё жить и жить, но в феврале 1984 года его не стало...

Он умер, а домой ещё долго приходили письма и открытки от однополчан. Сестра Наташа им сообщала о печальном известии...

Встречи с однополчанами

На встречи с однополчанами отец стал ездить в начале семидесятых годов прошлого века. Я, к сожалению, немного знаю об этой стороне его жизни, потому что учился в эти годы в университете и дома бывал лишь наездами. Для отца же, это я точно знаю, поездки на встречи с однополчанами были едва ли не главными событиями последних десяти лет его жизни. Москва, Великие Луки, Новосokolьники, Прибалтика...

Остались фотографии с тех встреч, список ветеранов 254 отдельного сапёрного батальона с их адресами... В этом списке – Россия от Калининграда до Дальнего Востока, Украина, Белоруссия, Казахстан... Вот лишь некоторые имена: Фёдор Васильевич Антонов – Калининская область, Пётр Алексеевич Воротников – Свердловск, Василий Николаевич Коробко – Саратовская область, Константин Иванович Новиков – Могилёвская область Белоруссии, Анатолий Иванович Ромашкин – Харьков, Алексей Иванович Постыка – Приморский край, Алексей Иванович Сеница – Смоленск, Алексей Пантелеевич Родионов – посёлок Белоусовка Восточно-Казахстанской области... Около сорока человек в этом списке – вместе с отцом... Разве могли они представить тогда, в семидесятых-середине восьмидесятых, что страны, за которую они сражались, не щадя себя, не будет на карте?

Как жаль, что я ничего не знаю об этих людях – не успел вовремя расспросить о них отца... Ничего, оказывается, нельзя оставлять на потом – всё надо делать вовремя...

Есть в списке одна знакомая мне фамилия – Григорий Давидович Гальперин. Это бывший командир 254 отдельного сапёрного батальона, подписавший представление к награждению отца орденом Славы третьей степени. А в семидесятых, когда отец ездил на встречи с однополчанами, Г.Д. Гальперин, взявший на себя хлопоты по поиску и оповещению своих бывших сослуживцев, жил в Одессе и преподавал в одном из тамошних вузов. Отец однажды посетовал, что у Гальперина нет даже бумаги на переписку и составление разного рода документов. Я взял у него адрес и послал из Алма-Аты в Одессу посылку с десятью килограммами резанной газетной бумаги. Не скрою, что «злоупотребил» при этом служебным положением – учился и работал на полставки в университетской многотиражке, поэтому чего-чего, а газетной бумаги у нас хватало... Отправил и тут же забыл... А вскоре получил открытку от Григория Давидовича из Одессы с благодарностью. Написал он и отцу, который был очень доволен моим поступком, которому я тогда не придавал никакого значения. Теперь же и мне приятно о нём вспомнить. Кто знает, может именно на присланной мною когда-то бумаге напечатан лежащий сейчас передо мной список ветеранов Гальперинского батальона...

Очень тепло всегда принимали отца и его однополчан в школе № 891 Перовского района Москвы, где есть музей Героя Советского Союза Алии Молдагуловой, с которой они воевали в одной дивизии. Тогда же отец познакомился с известным казахстанским журналистом Сеилханом Аскарковым, участвовавшим в одной из их встреч. А я заочно знал С. Аскарова ещё раньше – по публикации в журнале «Журналист», рассказывающей о том, как он в Москве, преодолевая разного рода трудности и препятствия, добывал бесценные сведения о погибшем на фронте молодом казахстанце-журналисте Баубеке Булкишеве. Потом написал очерк о нём, за который получил премию Союза журналистов СССР – главную награду нашего творческого союза.

Отец буквально горел желанием познакомить меня с Сеилханом Аскарковым, дал его телефон в Алма-Ате, говорил, что он

будет рад мне... Я, тогда ещё студент, один раз позвонил, его не оказалось дома, и перезванивать я не стал... А через несколько лет после окончания университета уже сам стал лауреатом премии имени Баубека Булкишева, присуждаемой Союзом журналистов Казахстана раз в год молодым журналистам... Бывают странные сближения – сказал кто-то из великих. Как будто про этот самый случай... Жаль, что наши пути с Сеилханом Аскарковым так и не пересеклись...

А вот групповой снимок ветеранов Великой Отечественной войны, где есть и отец, сделанный в 1976 году в городе Виляим, тогда ещё Латвийской ССР.. И подробности ещё одной встречи, оставшиеся на страницах выходившей в городе Даугавпилсе газете «Красное знамя» (номер за 27 июля 1982 года): «В наш город прибыли ветераны бывшей 325-й стрелковой дивизии, которой было присвоено звание Двинской.

В середине июня 1944 года 325-я стрелковая дивизия, совершая марш-бросок в полтораста километров, сходу взяла город Освею и вышла на границу с Латвией. А через два дня, 18 июля, воины дивизии вступили на латвийскую землю, и остановить их гитлеровские оккупанты были уже не в силах...

За успешное осуществление Двинско-Режицкой операции 325-й дивизии приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено наименование Двинской.

Дивизия участвовала в боях за освобождение Шауляя, Таураге, вышла на реку Неман, брала Тилзит и 17 апреля 1945 года была у стен Паллау. Многие воины за эти бои были удостоены высоких правительственных наград (и отец был в их числе – **Ю.П.**), а дивизия стала Краснознамённой. Ордена сверкали на груди ветеранов, прибывших позавчера в наш город на празднование 39-й годовщины со дня его освобождения...».

Да, тогда их встречали с почётом, как освободителей, как героев... А спустя несколько лет, когда не станет страны, которую они спасли от порабощения, кое-кто в той самой Латвии, а также в Эстонии и Литве будет именовать их едва ли не оккупантами... Лет десять назад мне доведётся стоять в столице Эстонии Таллинне, в День Победы, у памятника воину-освободителю, которого там называли Бронзовым солдатом. День Победы уже не был праздничным днём в Эстонии, а люди

сюда всё шли и шли, и подножие памятника утопало в цветах. Людям дорого было это место, которому они могли поклониться, воздав должное всем тем, кто сложил головы за освобождение этой земли. А местные власти, спустя какое-то время решили, что памятник мешает движению общественного транспорта, что было неправдой, и перенесли его из центра за город, на кладбище, добраться куда теперь сможет далеко не каждый... Коротка и неблагодарна бывает людская память...

Кроме фотографий, списка, и этой газеты от встреч с однополчанами у отца остался ещё знак «Ветерану 3-й Ударной армии» с удостоверением, подписанным генерал-лейтенантами Г. Семёновым и А. Литвиновым.

Жив ли кто-нибудь из однополчан отца? Я этого не знаю... Если и живы, то единицы...

Отцовские письма

Их совсем немного, этих недлинных писем, которые отец писал мне, студенту факультета журналистики КазГУ, в 1972-1977 годах... Семь писем и одна приписка, сделанная его рукой на письме матери... Округлый, разборчивый почерк, с едва заметным наклоном влево, как правило, короткие, почти без знаков препинания, предложения... И адрес на конверте: Алма-Ата, Глав почт штамп (так он всегда именовал Главпочтамт – **Ю.П.**). До востребования...

Писал мне отец о доме, хозяйственных заботах, делах в совхозе, откликался на какие-то мои новости... В университет я поступил в 1972 году. В своём первом письме, 20 сентября 1972 года, отец пишет: «У нас всё – по старому. К зиме подготовились полностью. Солому подвезли, зерноотходов тоже. Ну, а дрова ты сам заготовливал.

Тебя, наверное, интересует, как идут дела в совхозе и районе. Одним словом – неплохо. Погода у нас начала портиться. На уборке хлеба работы осталось на 4-5 дней и закончим полностью».

До поступления в КазГУ я два года отработал в Железинской районной газете и знал, конечно, какой хороший в том году зреет урожай, оказавшийся, кстати, лучшим с начала освоения целины.

Ещё одно письмо из 1972 года:

«Сегодня 22 декабря. Посылаем тебе посылку, небольшую, килограммов на 6-6,5 солёного сала, рулета и домашней колбасы. Мать говорит, что колбаса неважная, что, пожалуй, есть не будешь. А я сказал, что будешь. (Последнее слово подчёркнуто волнистой линией – видимо, ввиду особой значимости – **Ю.П.**).

Если съешь сам, то ешь. А если посчитаешь, что многовато, то свези в гостинец Саше и Вере Толстым (друзья родителей, жившие под Алма-Атой, в посёлке Талгар – **Ю.П.**). Одним словом, тебе видней.

У нас дома всё в порядке. Приезжал в гости Чурсин Николай с женой и сыном (это единственный брат матери – **Ю.П.**). Гостили неделю, вчера уехали.

3-й день стоят морозы 30-35 градусов.

Привет твоим хлопцам».

Никого из «моих хлопцев» отец не знал, но приветы им передавал в каждом письме. А с той посылкой вышла такая история. Когда родители её отправляли, я уже лежал в инфекционной больнице с желтухой, которую подхватил той осенью на уборке табака (это были обязательные в ту пору для студентов сельхозработы). «Мои хлопцы» – парни и девчонки, с которыми я жил в студенческой общаге, получили её и слопали, в чём, кстати, признались много лет спустя. И правильно сделали, что слопали: мне с моей желтухой и сало, и домашняя свиная колбаса, и рулет из той же свинины были уже категорически противопоказаны...

Письмо из 1973 года:

«Здравствуй, сын! Пишешь, что трудновато с газетой. Ничего, это тебе на пользу. Я лично в тебе уверен, вытянешь. (Я писал отцу, что зашиваюсь, учась и одновременно работая в университетской многотиражке – **Ю.П.**).

У нас стоит очень тёплая погода. Скотину давно пасём. Я ещё не помню за свою жизнь, чтобы была такая тёплая весна.

Спишитесь с Шуркой (мой старший брат, журналист, работавший тогда в Шушенской районной газете Красноярского края – **Ю.П.**) и постарайтесь летом приехать домой в одно время. Наташа (наша младшая сестра – **Ю.П.**) учится в Павлодаре.

8 часов утра. 18 апреля 1973 года. Только что приехал на своём старичке с работы». («Старичок» – отцовский мотоцикл «ИЖ-Планета», без коляски, на работу же весной, летом и осенью отец ездил к шести утра – **Ю.П.**).

А это отцовская приписка к письму матери, год, наверное, 1974 или 1975, месяц – май:

«Приехали с Петей с работы (мой младший брат, тогда школьник, а теперь кандидат филологических наук – **Ю.П.**) Он помогал мне выкручивать электролампочки на ферме. Скот весь выгнали в поле и теперь электросвет в базах не нужен. (Отец опять работал электриком в совхозе – **Ю.П.**).

Попраздновали хорошо, но у меня была небольшая приключения (именно так написано – **Ю.П.**). Я около бабки Амалии упал в грязь. (Надо полагать, праздновали первое мая – **Ю.П.**). А так всё хорошо.

Послезавтра буду праздновать День Победы. Сейчас с Петей будем надевать ордена. (Обязанностью брата было начищать к празднику отцовские медали и орден Славы – **Ю.П.**). Если позволит здоровье, и ты там долбани за меня...».

Наказ отца я, само собой, выполнил, причём, не дожидаясь письма...

С просьбами отец обращался ко мне редко:

«Если сможешь, купи мне очки на 2,25 или на 2,5. Футляр не надо, у меня есть. Бери подешевле, потому что они ненадолго. Со временем я поеду в большой город и куплю сам по своим глазам. (Отец был ещё тот «экономист», но эта тема для отдельного разговора – **Ю.П.**).

Я в отпуске, ехать никуда не собираюсь, потому что в апреле будущего года поеду в Кенигсберг (Калининград отец упорно именовал Кенигсбергом – **Ю.П.**) на встречу с однополчанами.

8 часов вечера 28 октября.

Пишу открытки фронтовикам, уже 9 написал и одну Шурке...».

У меня случилась личная драма, в общих чертах написал о ней отцу. Он отвечает:

«Мне кажется и хочу верить, это тебя не выбьет из колеи.

Кончай университет – как начал. Вот пока твоя задача №1.

Живу по-прежнему. Готовлюсь к зиме. Докапываю картошку.

Жму крепко-крепко руку.

Высылаю письмо от Шурки с его адресом. (Это мой брат – слушатель Хабаровской высшей партийной школы – Ю.П.).

Привет твоим хлопцам.

Сейчас 6 часов утра. 22.IX. 1976 г.».

И последнее письмо:

«Ты решил жениться. Это дело серьёзное и, конечно, жизненно нужное. Да и пора уже. Только вот одно, чтобы это было один раз в жизни. Чтобы вам пожилось.

Думаю сделать так. На встречу к своим фронтовикам не поеду, а к тебе на свадьбу поеду. Как положено отцу, это дело отцовское.

А мои фронтовики меня простят. Но, возможно, моё присутствие необязательно. Тогда напиши.

6 часов утра. 23 марта 1977 года».

Свадьба у нас была скромная, студенческая, и я написал родителям, чтобы они не приезжали. А молодую жену я им сам привёз на погляд вскоре после свадьбы, и отец, кстати, потом выделял её из всех снох; бывая у нас, ходил по её поручениям в магазин за продуктами и даже с двумя маленькими внуками оставался, что было ему совсем не свойственно...

Хранятся у меня и письма отца особого свойства. Как-то в пору студенчества я заказал Пушкинской библиотеке, где частенько занимался, Железинскую районную газету целинной поры. И мне выдали подшивку, хоть и неполную. Я стал жадно искать материалы о нашем «Михайловском», что-то нашёл и загорелся идеей сделать большой материал о том, как он рождался. Но старых публикаций было совсем немного, и я написал отцу – с просьбой прислать мне воспоминания о том времени – его собственные и других совхозных целинников... Не знал, как он отнесётся к этой просьбе, переживал и был счастлив, получив сразу два толстенных конверта от него. Материал написал, и он был напечатан в трёх номерах «Ленинского знамени», а позднее, в укороченном виде, и в «Звезде Прииртышья».

* * *

Что остаётся сказать в заключение? Наверное, то, что мне и сегодня не хватает отца, хотя и сам я уже разменял седьмой десяток... Что он мог бы жить и жить – с его могучим сибирским здоровьем, если бы берёг его. Но он жил – как жил, как получалось. И не мне его судить.

После его смерти столько всего произошло, что вряд ли бы ему понравилось и только добавило бы душевных мук... Но что сейчас говорить об этом... У меня есть теперь новые и такие дорогие свидетельства его фронтовой биографии. Мне есть что оставить на память об отце трём моим сыновьям – его внукам, и детям детей – уже его правнукам. И это согревает мою душу.

САМОСТОЯНИЕ

Труды и дни моего друга Андрея Челнокова

Говорят, что настоящие друзья – только из детства и юности. Это и так, и не так. Мне, во всяком случае, посчастливилось завести истинных друзей и после сорока, и даже после пятидесяти...

Володя Голубев – журналист и редактор из Омска...

Владимир Романович Гундарев – поэт, журналист, редактор из Астаны, автор знаменитой песни «Деревенька», ставшей по сути народной. Его уже нет с нами, но не бывает, наверное, и дня, чтобы я не вспоминал о нём...

Андрей Челноков – журналист и редактор, председатель Союза журналистов Новосибирской области – одной из самых крупных региональных журналистских организаций России.

За плечами у каждого из них – уникальные проекты новых газет и журналов, работа не за страх, а за совесть, высокое служение избранному делу. Я мог не видеться с ними целые месяцы, а иногда и годы, но мы всегда чувствовали друг друга – даже на расстоянии.

С Андреем Челноковым мы расстались день назад. А я уже скучаю по нему и хочу рассказать о нём всем вам – кто захочет прочитать эти строки. Я не знаю ещё, что у меня получится. Знаю лишь то, что это не будет очерк в его общепринятом виде, а скорее, «летопись впечатлений» и размышлений, навеянных нашими встречами и его нечастыми рассказами о прожитом и пережитом.

Я узнавал его постепенно, быстро почувствовав в нём родственную душу. И чем больше узнавал, тем ближе он мне становился. И теперь я точно знаю, насколько обеднённой была бы моя жизнь, не случись в ней Челнокова.

* * *

Андрей – из семьи офицера советской армии. Детство провёл в Киргизии, где служил отец. А предыдущее поколение их семьи было раскулачено, и Андрей помнит, как бабушка, выходявшая каждый вечер после многотрудных дневных забот посидеть под южным серебристым тополем и послушать, как лопочет листва, охлаждаемая прохладным ветром, льющимся

с гор, однажды сказала ему – так, будто разговаривала сама с собой: «Он всё правильно сделал – мы бы сами хлеб ни за что не отдали...». Лишь годы спустя Андрей понял, о чём говорила его мудрая, всё повидавшая в жизни бабушка – о Сталине, коллективизации и искоренении кулачества как класса... Семья бабушки вполне подходила для категории «классово чуждых...».

Пройдёт много лет, и однажды мы круто разойдёмся с Андреем в вопросе о роли «отца народов» в нашей общей истории... Но речь об этом впереди. А начал я свой рассказ с этого воспоминания лишь потому, что – так уж вышло – судьба его ближайших предков и его собственная судьба были полны драматических поворотов и перипетий...

* * *

Мы учились в одном вузе, на одном факультете – журналистики КазГУ – Казахского Государственного университета имени Кирова. Правда, в разные годы: я – в семидесятых, а он в восьмидесятых годах теперь уже прошлого века. Андрей наш университет не закончил – по молодецкой глупости попал в нехорошую историю, им занялись «компетентные органы», его прорабатывали на комсомольском собрании и едва не исключили из вуза. А суть нехорошей истории была в том, что они, несколько студентов, сделали вид, будто создали некую подпольную группу и «случайно» проговорились сокурснику, проверяя того «на вшивость». А тот донёс – куда следует...

Дело могло и вовсе принять печальный оборот, если бы Андрею не удалось перевестись на тот же факультет Уральского университета в Свердловске. И он его закончил.

Но журфак КазГУ всё равно был и остаётся судьбоносным в жизни Андрея – здесь он встретил свою будущую жену Ларису, однокурсницу-журфаковку. Её тоже воспитывали, прорабатывали, прямо предлагали отказаться от «нехорошего Андрея».

– Ты декабристку-то из себя не строй! Неужели не видишь, что тебя может ждать рядом с таким человеком в будущем? – толковывала ей молоденькая преподавательница, едва сама сошедшая со студенческой скамьи...

Лариса ни советам, ни увещаниям, ни угрозам не вняла, и в Свердловск они уехали вместе благодаря ей – ещё раньше туда перебрались её родители, которые помогли там обустро-

иться и молодым. В Свердловске они доучивались, а Андрей ещё и работал, устроившись по протекции тестя в одну из пожарных частей. И до сих пор, по его собственному признанию, весь подбегается при звуке пожарной сирены – как гусарский конь на призывной клич боевой трубы...

А журфак КазГУ напомнит о себе Андрею много лет спустя, на международной журналистской конференции в Павлодаре, где Челноков будет представлять Союз журналистов Новосибирской области, а его бывший журфак – уже «остепенённая» преподавательница факультета, та самая, что когда-то прорабатывала на комсомольском собрании его и воспитывала Ларису... Челнокова на этот раз она будет именовать исключительно Андрюшей, всем видом демонстрируя – как они близки... А он и виду не подаст, что ничего не забыл, что всё помнит...

Мне не раз и до того, и после придётся наблюдать в нём эту черту – никак не проявлять внешне своё негативное к людям – даже к тем, кто был по отношению к нему не только недоброжелателен, но и подл. И никакое это не всепрощенчество, а одно из удивительных свойств его характера – душевная щедрость. И, конечно же, это качество проявляется в его отношении к людям вообще, и к друзьям в особенности. И мы об этом ещё поговорим.

* * *

После окончания университета Челноков работал в Киргизии – родном для него крае. И те годы навсегда остались светлыми страницами в его благодарной памяти. Молодёжная газета «Комсомолец Киргизии», одним из ведущих журналистов которой он быстро стал, была в ту пору едва ли не самой популярной в республике – оперативной, зубастой, интересной.

Немало способствовала этому и политика перестройки и гласности, объявленная Генсеком ЦК КПСС Горбачёвым.

Однажды Челнокова вызвала редактор газеты (это была женщина) и сказала, что ЦК комсомола республики рекомендует своему печатному органу усилить плюралистические начала на его страницах... И Челноков создал при газете политический дискуссионный клуб, отголоски бурных заседаний которого стал публиковать на специальных страницах. Кого только не было на тех заседаниях: журналисты, разного рода активисты

и общественники с неутолёнными амбициями, люди со сдвинутой психикой и просто невменяемые. Все были опьянены «свежими ветрами свободы»... Так что чего-чего, а плюрализма в стенах клуба хватало...

Челноков становился популярен в республике и неудивительно, что на него обратил внимание тогдашний редактор «Комсомольской правды», которого Андрей сопровождал во время его визита в республику и с которым в составе партийно-комсомольской свиты был удостоен ужина в белой юрте...

Андрей прошёл все круги согласования в редакции «Комсомолки» и был утверждён собственным корреспондентом газеты в Таджикистане, где уже вовсю шла гражданская война. И в ЦК комсомола республики руководителям «Комсомолки», известившим коллег о новом назначенце, без всяких недомолвок отвечали:

– Отправляйте, если хотите получить его обратно в гробу!

Челнокова, уже получившего заветное собкоровское удостоверение, и, конечно же, готового лезть в таджикское пекло, тормознули, пообещав переназначить – как только откроется вакансия. Так он какое-то время спустя оказался собкором «Комсомольской правды» в Новосибирске.

* * *

То было время, когда нашу бывшую большую страну под названием СССР трясло, как на вулкане. И хотя Советский Союз был ещё жив, разброд и шатания – идейные, политические, экономические – нарастали день ото дня...

Эту полосу жизни моего будущего друга можно было бы озаглавить так: «Как Челноков из очень бедного стал богатым, потом разорился и едва не угодил в тюрьму». Всё было именно так...

Обычная, в общем, история. Бизнесом Андрей заниматься не собирался. Но одолела не бедность даже, а нищета. Жизнь стремительно дорожала, а он, собкор самой тиражной в мире ежедневной газеты (тираж «Комсомолки» доходил до 15 миллионов экземпляров), получал в ней 400 рублей в месяц, на которые нельзя было купить даже пары приличных туфель. Для сравнения: жена Лариса, устроившаяся в одно из информационных агентств, зарабатывала в два с половиной раза больше.

И Челноков решился... Редакционное начальство, само кинувшееся осваивать омуты нарождающегося в стране дикого рынка, не препятствовало, а статус собкора авторитетнейшей центральной газеты позволял без особого труда открывать почти любые двери.

Челноковский бизнес был весьма и весьма разнонаправленным. Не знаю, правда, откуда у него взялся стартовый капитал, но скоро в Новосибирск пошли вагоны с яблоками и дешёвым вином из Киргизии, покатали по разным адресам железнодорожные цистерны с нефтепродуктами, поставлялись оптом в сибирские города другие товары и продукты.

Вскоре Челноков смог позволить себе солидный офис, приобрёл навороченный джип, стал покупать квартиры. И в одну из деловых поездок в Москву однажды отправился не как обычно на самолёте, а на джипе с двумя водителями, которые домчали туда шефа за 37 часов – быстрее чем если бы он ехал на поезде. По «Комсомолке» разнёсся слух: «Приехал разбогатевший Челноков!».

Всё это мне рассказывал сам Андрей Геннадьевич, с которым мы как-то мотались из конца в конец Новосибирска по его неотложным делам. И рулил он при этом старенькой иномаркой-развалюхой, которая без конца перегревалась. И тогда мы останавливались, чтобы дать ей остыть, а Челноков продолжал рассказ о бизнес-этапе своей недавней жизни. Полоса его предпринимательских неудач началась с организованной и уже оплаченной им поставки в один из северных городов крупной партии сливочного масла из бывших стратегических продовольственных резервов США. На этой сделке Челноков рассчитывал хорошо заработать (ещё и приятель попросил взять его в долю), но масло оказалось то ли с истекшим сроком хранения, то ли не соответствовало каким-то другим стандартам. Вполне возможно, что Челнокова просто подставили... Потом его ещё раз «кинули» – уже с поставкой нефтепродуктов. Было возбуждено уголовное дело, по которому Андрею светил реальный срок...

Суд проходил в одном из городов Заполярья, и, отправляясь на него, Челноков даже попрощался с близкими, не очень рассчитывая на то, что вернётся домой. Но ему повезло (а, мо-

жет, Бог решил дать ещё один шанс в жизни): женщина-судья не только по-настоящему вникла в суть дела, но и нашла для Андрея некие смягчающие обстоятельства... И он вернулся домой, отягощённый всего лишь судебным решением гасить часть долгов, предъявленных ему истцами...

* * *

Он снова был на распутье – уже без джипов, офиса, денег... Даже квартиру хорошую купить себе не удосужился...

Надо было жить дальше и содержать семью, в которой подрастали два сына. Какое-то время он возглавлял пресс-службу одной из влиятельных правоохранительных структур Сибирского федерального округа, но быстро понял, что служба, даже такая для Новосибирска престижная, не для него. Но эта служба помогла ему расширить круг знакомств в этой сфере и он, сумев использовать эти связи, зарегистрировал новую региональную правовую газету «Сибирь: момент истины». Он стал её директором и главным редактором одновременно.

Теперь эта газета – одна из самых авторитетных и влиятельных в Сибирском федеральном округе, потому что она даёт материалы, каких не найти ни в одной газете Сибири. «Момент истины» регулярно публикует настоящие, а не показушные журналистские расследования, в том числе о зарвавшихся чиновниках, коррупционерах, хитроумных схемах увода бюджетных средств. Публикует газета и оппозиционных политиков всероссийского масштаба. За это Челнокова побаиваются и ненавидят люди из власти, вставляют палки в колёса, разными способами пытаются на него давить, запугивают. А он не поддаётся...

Но «Момент истины» не только разоблачает и бичует, газета постоянно защищает угнетаемых и обездоленных, тех, кто попал в беду. Люди часто идут к Челнокову как в последнюю инстанцию. И это придаёт ему сил и уверенности в собственной правоте. Он бросает все свои дела и отправляется туда, где ждут его помощи...

У «Момента истины» нет стабильных источников финансирования, почти нет рекламной финансовой подпитки, а реализация покрывает лишь малую часть издательских расходов. Нередко выход очередного номера задерживается из-за нехватки средств. Но когда, казалось бы, уже не на что надеяться, возни-

кают люди, подчас совершенно незнакомые, и предлагают помощь – чаще всего бескорыстно, спасая благое дело, которому он служит.

* * *

Председателем Союза журналистов Новосибирской области Челноков стал, можно сказать, случайно. Жизнь в организации мало-помалу замирала... И когда на очередной отчётно-выборной журналистской конференции стали выдвигать кандидатуры на пост председателя, кто-то вдруг назвал и его. Сразу нашлись возражающие:

– Мы его мало знаем! Да и не сибиряк он, а пришлый... Говорят ещё, что пьёт...

Но были голоса и в его поддержку:

– Хоть и молодой, а жизнь знает! Газету хорошую делает... Мы – за Челнокова!

Для самого Андрея всё это стало полной неожиданностью. Он лихорадочно соображал – что сказать коллегам, как поступить? И вдруг подумал: «А может, это судьба даёт мне шанс ответить добром за чудом обрётённую свободу? Может, это Бог посылает это испытание?».

Он ответил согласием, и его избрали...

Было это примерно десять лет назад. И председательство его было усыпано далеко не одними розами, разочарований и шишек хватало тоже. Случалось, и отчаяние подступало: «Да что я приговорён к этой должности, что ли? За что мне всё это? Может, давно уже уйти надо было?».

И это никакая не поза, а мучительные размышления совестливого, искреннего человека, всё время стоящего перед трудным выбором. Таким, например, как взаимоотношения с губернаторской властью. В своё время они были вполне цивилизованными, корректными, можно сказать, партнёрскими. Пока Челноков не начал публиковать журналистские расследования о деяниях главы одного из сельских районов, удельного князька, превратившего район в свою вотчину. Областной исполнительной власти, где у «героя» публикаций нашлись покровители, это не понравилось, что Челнокову ясно дали понять. А он не унимался: приводил факты, публиковал документы, свидетельства людей о том, что глава не только недостоин зани-

мать нынешний пост, но и позорит всю систему исполнительной власти.

Челноков ждал если не адекватных мер со стороны областной власти, то хотя бы серьёзного разговора о положении дел в том районе. А ему в ответ говорили: «Уймись!». И поскольку он продолжал гнуть свою линию, высокопоставленные противники развернули против него позиционную войну по всем правилам чиновничьего искусства. Сначала запретили редакторам государственных районных и других газет участвовать в проводимых им журналистских мероприятиях... Дошло до того, что их не пустили в Павлодар на очередную нашу с новосибирцами международную встречу, хотя мы загодя обращались по этому поводу с официальным письмом к губернатору.

Потом в ход были пущены новые средства воздействия: власти решили выселить Союз журналистов из Дома журналистов – небольшого, но очень удобного особнячка в центре города, десятилетиями занимаемого этой общественной организацией. Причём, делалось всё под благовидным предлогом – планировалось отдать здание под библиотеку. И хотя библиотекари сразу заявили, что оно не решает их проблем и не годится под библиотеку, «наезды» продолжались и продолжают, уже с помощью судебных инстанций. Состоялось несколько судов, которые Челноков, конечно же, проиграл...

И власти в очередной раз затаились, как будто давая время на размышление и ему, и членам журналистской организации: так будет продолжаться и дальше, если Челноков не одумается или если его не переизберут.

То есть, его уже не один год берут измором... А он не сдаётся, хотя и переживает из-за того, что «рикошетом» власти бьют не только по нему, но и по всему Союзу журналистов области. А власти, «перекрывая ему кислород», всё же его побаиваются, зная, что у Челнокова всегда найдётся чем ответить в «Моменте истины».

Вообще по натуре Андрей человек добрый, вполне толерантный и даже отчасти сентиментальный, способный воспринять иную точку зрения... Но при всём при том он привык называть вещи своими именами. И в этом смысле бескомпромиссен...

Что помогает Челнокову в этом его мужественном, достойном восхищения самостоянии? Во многом, конечно же, вера (он человек православный, истинно верующий), воспитание – семейное да ещё советское – в его лучших образцах... А в годы председательства, наверное, не последнюю роль играет личная ответственность перед журналистским сообществом – людьми, ему когда-то поверившими и доверяющими сегодня. Говорю об этом доверии потому, что не так давно на областной отчётно-выборной конференции его в очередной раз избрали председателем Союза журналистов, причём единогласно. И он, столько раз думавший о том, чтобы оставить этот пост добровольно, снова согласился остаться... В каком-то смысле он человек старомодный, и доверие людей для него выше собственных интересов и переживаний.

* * *

Что сегодня представляет собой Союз журналистов Новосибирской области? Это, пожалуй, самая крупная в России региональная журналистская организация после городских – Московской и Питерской. В ней состоит более 1200 журналистов. Хотя кроме «челноковского», в Новосибирске есть ещё один Союз журналистов – издательских структур. Он и создавался отчасти в пику бывшему «советскому» Союзу журналистов, но уровня его ни по каким параметрам так и не достиг.

Мне приходилось видеть делегации Союза журналистов Новосибирской области на разного рода общероссийских и международных журналистских форумах, и могу лично свидетельствовать – они всегда были одними из самых сплочённых, активных, динамичных. И это при том, что Челнокова слегка недолюбливают начальники по Союзу журналистов в Москве: им, скажем так, не вполне понятна его журналистская и человеческая неуступчивость во взаимоотношениях с местными властями (руководство СЖ России предпочитает дружить с региональными властными элитами, считая, что это идёт на пользу журналистскому сообществу), а также его позиция по некоторым другим общецеховым проблемам, если хотите, его «самостояние», которое так не по душе многим власть имущим. Но его вынуждены терпеть – он признанный лидер крупнейшей региональной журналистской организации, и этим всё сказано.

Челнокова можно по праву назвать главным собирателем журналистских сил в Новосибирской области. Но он подтягивает к себе не одних журналистов, а всех равнодушных людей – бизнесменов, учёных, разного рода общественников, да и некоторых представителей власти тоже, делает своими союзниками. Он терпит многочасовые монологи и сетования ветеранов журналистики, для которых новосибирский «Домжур» давно стал родным, поздравляет их с праздниками, берёт с собой в поездки. Он поддерживает любые инициативы в пользу свободного честного слова в СМИ – от кого бы они ни исходили. Так было, например, с проектом молодого бизнесмена, создавшего в городе Куйбышеве (есть такой в Новосибирской области) интернет-ресурс. Этот человек стал учредителем его, редактором и репортёром – в единственном лице, честно сообщал обо всём, что в городке происходит, давал возможность высказываться горожанам, задавать неудобные вопросы, адресованные властям. Им это, само собой, не понравилось, и «интернет-высочке» стали разными способами перекрывать кислород. Тот обратился за помощью к Челнокову, который сам отправился в Куйбышев, поддержал парня в «Моменте истины», принял его в Союз журналистов.

Он вообще всегда готов мчаться по любому зову туда, где люди сталкиваются с несправедливостью и произволом – властей ли, бессовестных работодателей или бесчестных правоохранителей – и где ждут его помощи.

Он не только сам старается жить по законам совести и чести, но и ведёт по этому пути коллег. Именно Челноков придумал главную журналистскую премию, которая называется «За честь и журналистской достоинство» и вручается раз в год одному человеку – по итогам персонального голосования работников всех здешних средств массовой информации.

Первым обладателем этой премии стал редактор Каргатской районной газеты Александр Сергеевич Сергиенко, защитивший в ней серией принципиальных публикаций руководителя местного крестьянского хозяйства, вынужденного с ружьём в руках спасать свои дом и близких от нападения бандитов. Если бы не газета и не мужество её редактора, человек мог лишиться свободы.

Эту премию получали и другие новосибирские журналисты, на деле доказавшие то, что они не только профессионалы, но и люди высокого долга и чести. А два года назад премия «За честь и журналистское достоинство» была вручена главному редактору газеты «Сибирь: момент истины» Андрею Челнокову, опубликовавшему в ней серию собственных журналистских расследований, получивших большой общественный резонанс. Что может быть дороже такой оценки твоего труда твоими же коллегами?

Челноков инициировал издание фундаментальной энциклопедии «Журналистика Новосибирской области», куда вошли сведения о тысячах журналистов, в разные годы работавших в средствах массовой информации региона; «Библиотеки Союза журналистов Новосибирской области», в которую вошло около десятка книг талантливых новосибирских авторов; альманаха «Сибирская книжная серия «Жизнь замечательных сибиряков».

Издали ксерокопию первого номера первой новосибирской газеты, пытались издавать собственную газету «Журналист», но прекратили из-за нехватки средств. И это лишь часть больших и малых дел Союза журналистов области.

* * *

Есть люди, которым всегда мало того, что они сделали. Таков и Андрей Челноков. Около десяти лет назад он задумал провести международную конференцию под названием «Журналистика – категория нравственная». Идея, конечно, была безумная. И многие ему прямо говорили: «Во-первых, зачем тебе это, у тебя, что, других дел нет? И, во-вторых, какая может быть нравственность у сегодняшней насквозь продажной журналистики? Тебя, если даже соберёшь кого-то, на смех поднимут...».

Но, видно, и вправду лишь безумные идеи в конечном счёте часто оказываются самыми продуктивными. Так случилось и с челноковской конференцией... Попав почти случайно на первую, я потом старался не пропустить ни одной. А недавно вернулся уже с седьмой, на которой, кстати, наша павлодарская делегация по уже сложившейся за последние годы традиции была самой представительной (почему – я ещё расскажу). А

кроме казахстанцев, были ещё москвичи, гости из Латвии, Приднестровья, Киргизии, Таджикистана, Азербайджана и, конечно, сибиряки.

Я был свидетелем того, как раз от раза рос на конференциях уровень дискуссий, как расширялась тематика выступлений, как конференция из по сути региональной выростала в действительно международную, становилась настоящим событием в общественной жизни, площадкой для обсуждения не только внутрицеховых тем, но и важнейших проблем современной общественной мысли.

Челноков приглашает на конференцию не только «своих», то есть людей, близких ему по духу, но и думающих иначе. Ему важно, чтобы сталкивались мнения, высекались искры от споров, чтобы это был не хор, а разноголосица в хорошем смысле этого слова. И это ему всегда удаётся.

Помню, как ровное течение первой конференции буквально взорвало выступление Александра Куприянова. От него досталось, прежде всего, новосибирским журналистам:

– Вы что, и вправду не видите, что у вас под носом творится? – стыдил коллег журналист «Комсомолки» её лучших времён, создавший затем одну из самых популярных в России – намеренно жёлтую газету, доказав, что и «мы тоже можем». А говорил Куприянов о том, что в гостинице «Новосибирск», где мы жили, практически открыто торгуют проститутками. Это была чистая правда: едва я успел заселиться и зайти в душ, услышал телефонный звонок. Чертыхаясь, мокрый побежал к телефону, оставляя за собой следы на рассохшемся, истёртом паркетном полу. Думал – организаторы конференции меня ищут... И услышал в трубке приятный женский голос: «С девочками отдохнуть не желаете? Подходите – мы тут на первом этаже в баре...». На часах было что-то около одиннадцати ночи... Не пошёл – постеснялся, о чём до сих пор жалею. Не потому, что не отдохнул с девочками, а потому, что сам не увидел картину, которую следующим утром живописал на конференции Куприянов. Что «девочки» и впрямь предлагаются на любой вкус – в образах старшеклассницы, медсестры, учительницы, молодой «оторвы» и т.д. Выбери – не хочу! Само собой, во вторую ночь девиц уже не было...

А новосибирским журналистам досталось от Куприянова и за угодливое описание неустанных трудов местной исполнительной власти, провинциализм и прочие прегрешения... Сибиряки, впрочем, тоже в долгу не остались – резали в ответ правду матку: это, мол, от вас, из Москвы, пришла к нам эта зараза – и проституция, и продажность СМИ, и прочие мерзости. Очиститесь от всего этого сами, а потом укоряйте нас! А потом пошёл нормальный, взыскательный разговор об общих бедах прессы и о том, как и чем их лечить...

В другой раз изюминкой конференции стали бывшие коллеги Андрея по «Комсомолке» Анатолий Строев – президент международного клуба её бывших собкоров и Павел Гутионтов – бывший капитан «Алого паруса» этой газеты (популярнейшей рубрики для школьников), секретарь правления Союза журналистов России. Их мастер-классы произвели настоящий фурор среди местных журналистов и других участников конференции.

В третий раз Челноков сумел заманить в Новосибирск легендарного Василия Михайловича Пескова, полвека с лишним ведущего в «Комсомолке» рубрику «Окно в природу», наверное, единственного из журналистов (хотя он, конечно же, и писатель талантливый), кто был удостоен Ленинской премии. Василий Михайлович – один из немногих, кто не поддавался искушениям новых российских времён, вернее, безвременью и торжеству бессовестности... Уже и родная его «Комсомолка» из любимой миллионами газеты стала «удачным бизнес-проектом», ушли в мир иной или не вписались в новую концепцию «Комсомолки» её золотые перья, а Песков – в прямом смысле последний из могикан – по прежнему еженедельно выдавал в «толстушке» свою фирменную страницу «Окно в природу». Блестящий пример высочайшего нравственного служения профессии, которая, оказывается, может быть не только второй древнейшей.

Помимо прочего, Челноков уговорил Пескова издать за счёт средств Союза журналистов области одну из самых популярных его книг «Таёжный тупик». И Василий Михайлович в течение нескольких часов стоически подписывал этот свой труд, адресуя его неведомому «другу-читателю сибиряку»... Горжусь

тем, что и у меня теперь есть эта книга с таким автографом. А первую – «Птицы на проводах» – Василий Михайлович подписал мне после встречи в редакции «Звезды Прииртышья»: он приезжал к нам в Павлодар в начале восьмидесятых годов прошлого века во время акции «Комсомольская правда» – на Экибастузском топливно-энергетическом комплексе».

* * *

Не могу не сказать о невероятно добром и трепетном, без преувеличения братском, отношении Андрея к нам, казахстанским журналистам. Как-то судьба в очередной раз свела нас в Турции, на международном журналистском форуме, организованном Союзом журналистов России. В один из дней мы вместе с турецкими коллегами поднялись на высшую точку Анталы, где договорились установить памятник погибшим журналистам. Наверху было прохладно, ветрено... «Да что мы – не русские люди?» – с некоторым вызовом сказал Андрей. И мы с ним выпили водки – за помин души собратьев профессии и «для сугреву». А на обратном пути, сидя в автобусе, заговорили о том, что мы уже вроде побратались, пора брататься и нашим журналистским организациям. Говорили громко, и весь автобус, в котором было, наверное, человек сорок, затих, прислушиваясь к нашим прожекткам – как мы подключим к своим инициативам власти, будем ездить делегациями в гости друг к другу, рассказывать в газетах, на радио и телевидении о жизни казахстанцев и сибиряков.

Самое удивительное – всё это состоялось. Уже на следующий год мы отправились на челноковскую конференцию целой делегацией и прямо на ней подписали декларацию о сотрудничестве и братских отношениях Союза журналистов Новосибирской области России и Павлодарской областной организации Союза журналистов Казахстана. Кажется, это было первое подобное соглашение на просторах СНГ, которое мы год от года наполняли реальным содержанием. Мы не раз бывали в Сибири, а сибиряки у нас – не только в Павлодаре, но и в Аксу, Экибастузе, Баянауле, Железинке... Мы лучше узнавали друг друга и становились по-настоящему близкими. Некоторые из нас удостоены наград Союза журналистов Новосибирской области, а Челноков – звания «Почётный журналист Казахстана»...

Когда мы едем в Новосибирск, Андрей всегда нас встречает на въезде в город и с первых минут окружает такой заботой и таким вниманием, которые трогают до слёз. А мне он не раз говорил, что, приезжая к нам, обычно испытывает ощущение будто вернулся домой.

Конференция конференцией (о ней ещё будет речь), но для нас Челноков всегда готовит особую программу – можно сказать, всякий раз дарит нам свою Сибирь. Благодаря ему мы побывали в настоящей сибирской тайге, где были и настоящие таёжные комары, и купание в ледяной речке после жаркой бани... И не забыть того удивительного ощущения, когда наши распаренные тела щекотали рыбёшки, обитавшие в речке.

А разве забудешь барана, которого перед тем, как предложить нам, несколько часов томили в огромном казане над костром челноковские друзья, уверявшие, что это и есть бешбармак по-сибирски...

Челноков подарил нам в разные годы незабываемые встречи в одном из лучших не только в Сибири, но и в России хозяйств ЗАО «Ирмень», в Колывани, в Бийске и Белокурихе... Мы провели несколько незабываемых часов на высоком берегу, где сливаются реки Бия и Катунь, рождая великую Обь, которую ниже по течению подпитывает и наш Иртыш. Вместе с ним были в шукшинских Сростках, поклонились родным местам Василия Макаровича, поднялись на гору Пикет, где он так любил бывать...

Челноков подарил нам столько интересного, значительного, неповторимого! И, конечно же, небывалую роскошь человеческого общения. Не только и не столько на конференциях, что тоже очень важно, но, главным образом, в кулуарах, совместных поездках, шумных, часто неуправляемых застольях. А сколько новых знакомств мы завели, когда его друзья становились и нашими друзьями.

Пётр Фёдорович Никифоров – редактор Черепановской районной газеты – одной из лучших в области, бывалый таёжник, блестящий рассказчик, автор отличной книжки «про жизнь» – «Мы бывалыча лавливали...», изданной Челноковым и подаренной нам...

Людмила Ивановна Породзинская, моя однокурсница, близкий мне человек, редактор Кочковской районной газеты, также имеющей добрую славу в регионе, встречала нашу делегацию у стен редакции хлебом-солью и угощала сибирскими деликатесами домашнего приготовления. Теперь обижается, если мы по пути в Новосибирск или обратно не заворачивали в её Кочки...

Ветеран сибирской журналистики, автор ряда книг о знаменитых сибиряках (среди которых, кстати, и наши Павел Васильев, Григорий Потанин) Вадим Семёнович Михановский, бывший суворовец, юный участник знаменитого парада Победы 1945 года в Москве, член Союза журналистов с 1958 года, сохраняющий такую жизненную энергию, которой и молодым можно позавидовать... Его неспешные рассказы о прожитом и пережитом и выдающаяся крепчайшая самогонка, с которой не сравнятся лучшие заморские коньяки и виски...

Нашим другом стал уже упоминавшийся Анатолий Фёдорович Строев. Мы познакомились в Новосибирске и пригласили его в Павлодар, где он побывал дважды, успел полюбить наш край, а мы – его самого.

Однажды, как обычно, выгрузились из микроавтобуса на въезде в Новосибирск, ожидая Челнокова, только что встретившего в аэропорту московских гостей. Он вскоре подъехал, как всегда, сам за рулём, и из машины вслед за ним вышел человек, чьё лицо знакомо, пожалуй, большинству людей старшего поколения на просторах бывшего СССР. И пока мы вспоминали его имя, он спросил:

– Казахстанцы? А из Железинки есть кто-нибудь?

– Ещё как есть! – отвечал я. – Нас даже двое. – И тут же представил ему редактора Железинской районной газеты «Родные просторы» Мухамади Хамитова.

– А я – Кипрас Мажейка, – отвечал человек, которого мы сразу узнали, но не могли поверить, что это именно он.

– Я в Железинской районной газете проходил первую практику – после первого курса журфака МГУ, – продолжал Кипрас, – она тогда называлась «Ленинское знамя».

– А я начинал в ней работать, – сказал я, – выходит, мы с вами почти родня...

Тем же вечером, когда Челноков угощал нас в каком-то винном ресторане экзотической (чёрной!), кажется, чилийской водкой, Кипрас сказал, что вновь хотел бы побывать в Железинке. А Мухамади Хамитов тут же ответил, что приглашает его... И все они – Андрей Челноков, легендарный советский тележурналист Кипрас Мажейка (для которого когда-то пела сама Лолита Торес – он не раз это подчёркивал), Анатолий Фёдорович Строев – приехали на следующий год в Павлодар и были по высшему разряду приняты в Железинке – в белой юрте на берегу Иртыша. Фирменным угощением стали, само собой, бешбармак и сыроежка из только выловленной стерлядки, вкус которой Челноков помнит до сих пор и мечтает попробовать это экзотическое блюдо хотя бы ещё раз. Мне же самому та поездка будет помниться ещё и тем, что пришлось лезть вслед за Кипрасом и Андреем в холодный Иртыш (была уже осень), когда им вздумалось искупаться. Не мог же я их пустить в мутные иртышские воды (был ещё ветер) одних...

* * *

Кого только не было на челноковских конференциях! Как можно забыть милую, обаятельную, какую-то очень домашнюю Светлану Пасти из Финляндии, которая своим обликом и поведением никак не вписывалась в нашу общую шумную, часто безалаберную компанию, однако стоически переносила все наши «художества».

На прощальном ужине Светлана рассказывала, что у них в стране матери иногда устраивают непослушных детей так: «Вот не будешь слушаться – отправлю тебя в Сибирь – тогда узнаешь». А тут, мол, оказывается, всё иначе – так интересно и люди такие замечательные!

Я в своём слове заметил Светлане, что у нас в Павлодаре я, наоборот, говорю коллегам: «А тех, кто будет неправильно себя вести, мы с собой в Сибирь не возьмём...». И действует, как правило, безотказно.

Не один раз приезжал в Новосибирск Григорий Зубарев из Латвии – «угнетённый латыш», как мы его окрестили после сочувственных слов одного из ораторов, решившего польстить Зубареву сентенциями о том, как тяжело живётся в Латвии

«инородцам». Хотя Зубареву, гражданину этой страны, жить там вполне комфортно.

У эрудированного язвительного Зубарева, как у того героя из бабелевских «Одесских рассказов», всегда найдётся в запасе пара слов. Он – умелый полемист и поднаторевший в публичных выступлениях оратор. А Челноков «нашёл» его в Узбекистане, куда они оба попали на организованную властями своего рода пиар-акцию, призванную продемонстрировать гостям из разных стран достижения Узбекистана. Когда Зубарев стал на той встрече резать правду-матку о ситуации со свободой слова в этой стране, его чуть не унесли с трибуны. А Челноков решил тут же позвать на свою конференцию.

Зубарев, отнюдь не страдающий синдромом благодарности, приехал и с первых слов своей речи начал «крыть» уже самого Челнокова, доказывая, что нравственность – категория не правовая, её нельзя пощупать и измерить, и что Челноков в данном конкретном случае – прекраснодушный идеалист, который сам не знает – чего хочет. Челноков сидел рядом с оратором – не только вполне довольный, но и, похоже, отчасти счастливый тем, как его ругают. И взгляд его, обращённый к залу, как будто говорил: «Ну что, хороший я всем вам сюрприз приготовил?».

Но – удивительное дело: пока Челнокова то одни, то другие критиковали за идеализм, конференция его набирала силу, становилась известной не только в Сибири. И на недавней, уже седьмой, захотел поучаствовать Александр Проханов – писатель и журналист, общественный деятель, главный редактор газеты «Завтра». Человек-легенда, самый последовательный и непримиримый обличитель Горбачёва и Ельцина, либеральной идеологии и модели экономики, патриот и «империалист», жаждущий возрождения «Пятой империи» на просторах нынешней России.

Александр Андреевич отметил недавно своё 75-летие, с которым его поздравил президент Путин, несмотря на то, что и ему от Проханова часто доставалось на страницах «Завтра».

Блестящий публицист и полемист, Проханов по своему гражданскому темпераменту, всегдашней готовности к идеологическим сшибкам кому угодно может дать фору. И он ярко продемонстрировал это на конференции, заявив, что сегодня,

когда на планете идёт бескомпромиссная и беспощадная борьба за мировое господство в идеологии, за глобальное влияние в мире, по сути война между светом и тьмой, для него самого победа в этой схватке важнее правды.

Каково это было слышать журналистам, да ещё на конференции под девизом «Журналистика – категория нравственная»? А Проханов с неменьшей страстностью продолжал: он и его сторонники всеми силами борются и будут бороться за возрождение великой российской империи, но уже в новом её качестве и новыми методами – без войн и захватов; империи, несущей свет, добро и благоденствие всем народам, живущим в России.

В сподвижниках у А.А. Проханова на этой конференции был другой российский патриот-политолог Сергей Кургинян, подчёркивавший выдающуюся роль Проханова в современной российской истории, называвший его своим другом, но, тем не менее, ставивший во главу угла нравственной журналистики именно правду и на блестящих примерах доказывавший, что он имеет в виду.

Конечно же, этот тандем «красных империалистов» не мог не схлестнуться с тандемом либералов-«западников», поборников демократии из Латвии – Григория Зубарева и Регины Ломеле-Лунёвой. Пересказывать их спор – занятие неблагодарное. Замечу лишь, что Регина отстаивала общепринятую на Западе точку зрения «журналистика – цепной пёс демократии» и делала это, кстати, весьма корректно. А Григорий, которому, конечно же, пришлась явно не по вкусу идея возрождения новой «красно-белой» российской империи, с присущим ему темпераментом понёс было по кочкам её идейных вдохновителей, но получил от них столь жёсткий отпор, что понял – «бодаться» с такими поднаторевшими в политбоях ораторами ему одному не по силам... Рикошетом в этой ошибке во многом ни за что досталось от «патриотов» и Регине, которая, впрочем, держалась молодцом.

Казалось бы – всё: отношения испорчены окончательно... Но тем же вечером спорщики как ни в чём не бывало вместе пили водку за дружеским столом. И это также одна из прекрасных традиций, рождённых на челноковских конференциях: не

переносить идейные, творческие и прочие разногласия на человеческие отношения...

Наверное, никогда ещё я не видел Челнокова таким счастливым... И по накалу, глубине и размаху дискуссий, и по уровню представительства эта конференция затмила собой все предыдущие. Кроме сибиряков и москвичей и нас, казахстанцев, на неё приехали представители Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Приднестровской Молдавской республики. И каждый говорил о своём видении нравственных начал в нашей профессии, её проблемах и бедах, разности менталитетов и мировоззрений. Это было настоящие созвездие личностей, пиршество общения.

Потому-то и был так счастлив Челноков, измочаленный заботами, выжатый как лимон, спавший в эти дни лишь по несколько часов в сутки. Это был и его личный триумф, его победа!

* * *

Мало кто знает, какими трудами – потом и кровью – даётся ему каждая конференция. Проблемой из проблем всегда остаются финансы, ведь постоянного спонсора у этих больших журналистских сборов не было и нет. А местные власти, как уже говорил, Андрею не только не помогают, а, наоборот, вставляют палки в колёса, запрещая редакторам государственных районных и городских газет участвовать в его мероприятиях. Некоторые коллеги, правда, проявляют непослушание и всё же приезжают – даже «нелегально»...

Наверное, можно было поставить дело так, чтобы некоторые участники платили за гостиницу, питание и т.д. сами. Но Челноков с самого начала взял за правило все эти расходы брать на себя, а большинству ещё и дорогу оплачивает. Можно было бы обойтись и без части застолий, но Челноков считает их очень важным атрибутом конференций – неофициальной составляющей или продолжением.

Он не раз признавался мне в том, что уже готов был отменить очередной сбор – именно из-за нехватки средств. Но в самый последний момент всё каким-то чудесным образом устраивалось, находились какие-то деньги... Или ему верили под честное слово... Или приходилось залезать в долги... Навер-

ное, ему благоволили при этом и какие-то высшие неведомые силы – в ответ на его бескорыстие и высокое служение идеям журналистского братства.

Чаще всего получается так: едва рассчитавшись долгами за конференцию предыдущую, он начинает подготовку к следующей, как правило, ещё не зная, где будет брать на неё деньги...

Проводив последних гостей, Челноков впадает в жестокую депрессию. Ему кажется, что всё лучшее и самое главное в его жизни уже случилось, а впереди – лишь рутинная серость... Но жизнь, к счастью, мудрее наших душевных кризисов и быстро возвращает к обычным заботам. И Андрей также начинает понемногу впрягаться в привычную лямку – в заботы по Союзу журналистов, по подготовке очередного номера «Момент истины» (на который ещё надо где-то найти деньги)... Да и семьёй надо заниматься – он ведь отец уже троих детей.

* * *

Мне не хотелось бы вылепить из Челнокова образ идеального, во всех смыслах замечательного человека. Он, как и все мы, всякий, и недостатки у него, конечно же, есть. О некоторых и я знаю, но писать о них не буду. Потому что он мой друг, а я по отношению к друзьям пристрастен. Один на один я могу сказать и неприятные для него вещи, но публично всегда и всюду буду его защищать. Ведь ругать его и отравлять ему жизнь и без меня есть кому...

Однажды мы с ним круто разошлись во мнениях, можно сказать, схлестнулись... Наверное, перегрелись на жарком турецком солнце... Потому что спорить можно наедине, спокойно и по-тихому, а мы раздухарились, перешли на повышенные тона в присутствии других, большей частью чужих людей...

Спорили, смешно сказать, из-за Сталина. Андрей заговорил о его выдающейся роли полководца и государственного деятеля в Великой Отечественной войне. А я отвечал: ну да, победили, но какой ценой? Почему людей при этом положили вдвое больше, чем поверженная Германия?

– Да там же и мирное население! – возражал Андрей.

– А это что, не люди, не потери? – горячился я. – Немецкие генералы и своих солдат, как правило, берегли... А наши?

И я приводил в пример Кутузова: ну, и что – что Москву сдал, зато сберёг армию и в итоге победил...

– Да он ни одного сражения у Наполеона не выиграл, всё время уклонялся, отступал, – возмутился Андрей, употребив нелестный эпитет в адрес Кутузова. – Наполеона погубила русская зима, да ещё народные мстители!

– Если ты выдающийся полководец и идёшь покорять страну с такой территорией и климатом, должен знать – куда прёшь! – отвечал я. – Для меня главное – что русские войска оказались в Париже. И вели себя совсем не так, как «цивилизованные» французы в Москве. А «плохой» полководец Кутузов положил в той войне своих соотечественников меньше, чем Наполеон – своих солдат...

Андрей стал закусывать удила, я – тоже... Дело могло и вовсе принять нехороший оборот, но у нас обоих хватило ума остановиться. Хотя я ещё долго не мог успокоиться и тем же вечером в гостинице письменно набросал свои аргументы насчёт Сталина и Кутузова с Наполеоном, чтобы уже в спокойной обстановке изложить их Андрею. Но как-то не случилось, и, может, хорошо, что не случилось... А во время недавней нашей встречи он мне с некоторой иронией, но вполне дружелюбно напомнил о том споре. Я признался, что даже письменный «отлуп» ему сочинил.

– Вот бы и прислал, – заметил Андрей, – я бы ответил... Интересная могла получиться дискуссия...

* * *

Мы знаем друг друга уже лет десять, пытались перейти «на ты», даже на брудершафт пили – в той же Турции, в шикарнейшем внекатегорийном суперотеле (выше всех звёзд!) Тельмана Исмаилова, бывшего владельца скандально известного «Черкизона» – Черкизовского рынка в центре Москвы, закрытого вскоре Путиным... Но перейти «на ты» нам так и не удалось. Я готов и даже иногда сбиваюсь на такое обращение, он же – никогда...

Мне кажется – я хорошо его знаю, а он не перестаёт меня удивлять.

Год с небольшим назад я приехал с коллегами из Павлодара на очередную его конференцию не в лучшем виде – твёрдо

решил уйти с редакторского поста, а будущее было туманно... Он сказал какие-то ободряющие слова, пообещав некий сюрприз... И когда мы уже расставались, вручил сертификат, удостоверяющий, что моим именем названа некая безымянная звезда... Тем самым давал понять: что, мол, значит какая-то должность, с которой ты расстанешься, ведь у тебя теперь будет своя звезда!

Или вот ещё... Приближался мой юбилей, на который Андрея я решил не звать, боясь, что в суматохе торжеств не смогу уделить ему должного внимания. Но попросил прислать приветствие, пообещав его публично огласить. Шли дни, подошло время праздновать, а поздравления от Андрея всё не было. «Забыл, наверное, – думал я с некоторой обидой, – а ещё друг называется!».

И одним из первых, кого я встретил в фойе павлодарского Дома дружбы, где должны были меня поздравлять, был Андрей!... «Взялся, – говорит, – вчера сочинять поздравление, в голову ничего не лезет, и решил – что я буду мучиться, лучше сам приеду и всё скажу». И как сказал! Да ещё спел свою фирменную «От Москвы до Бреста»... Зал взревел от восторга... «Ради таких минут, – сказал я тогда ему, – и стоит жить...». А Андрей сел и уехал, даже обедать не стал – в тот день, оказывается, был день рождения у его матери. Итого меньше, чем за сутки, он проехал за рулем по маршруту «Новосибирск-Павлодар-Новосибирск» без малого полторы тысячи километров.

* * *

Я начинаю скучать по нему, едва мы успеваем расстаться. И потом живу ожиданием новой встречи, которая может случиться где угодно. Например, в Дагомысе, на Чёрном море... Я заплываю в него на рассвете и вместе с поднимающимся дневным светилом совершенно неожиданно встречаю Челнокова, плывущего навстречу... Или в Турции, куда он позвал меня «за компанию», на чартерный рейс, организованный Союзом журналистов России, да ещё «подарил» нам с коллегой в Анталии ловлю форели в горной речке...

Как-то он позвонил и деловито, как бы между прочим, спросил:

– А вы в Марокко когда-нибудь бывали?

– Н-нет, – растерянно отвечал я, – а при чём здесь Марокко?

– Да тут Союз журналистов России и одна туристическая фирма из Марокко пресс-тур готовят. Я вас уже записал... У нас зима, а у них лето... В океанекупаемся...

С Марокко не получилось – ни у меня, ни у него. Хотя с ним я готов ехать, лететь, плыть куда угодно.

КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЁТСЯ...

*Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нём.*

С. ЕСЕНИН.

Бывают поездки и встречи – как подарки судьбы. То был именно такой случай...

Российский Союз журналистов затеял международную конференцию о судьбах нашей многострадальной профессии, и провести её решено было в туристической мекке Турции – Анталье. Россияне нашли заинтересованных лиц в этой стране, которые согласились принять сразу несколько сотен человек, в мае, ещё до начала официального туристического сезона. Среди них оказались и мы, несколько казахстанских журналистов, получивших приглашение на эту конференцию благодаря личным связям председателя нашего казахстанского Союза Сейтказы Матаева с руководством российского журналистского сообщества.

В Турции я до этого ни разу не был, но всё раздумывал – ехать-не ехать: было много дел на работе, семейные проблемы, дачный сезон начинался... Только со временем понял – какую непоправимую глупость мог совершить, отказавшись от этой поездки... Тем более, что все хлопоты по её организации взял на себя наш председатель Сейтказы (для близких попросту Серик)... И это он решил, что полетим мы не напрямую в Анталию, а через Стамбул, и на обратном пути у нас будет время, чтобы побродить по этому древнему городу. «И я покажу тебе мою Ая Софию», – пообещал Серик, уже бывавший в Стамбуле.

Мне, кстати, казалось, что Стамбул от Алматы, откуда мы стартовали, совсем недалеко, а вышло, что по времени это дольше, чем лететь до Москвы. Может, впрочем, потому, что летели кружным путём... Поразился размерам Стамбульского аэропорта и порадовался, что лечу не один, что меня ведут, и не надо самому разбираться в немыслимых потоках пассажиров и направлениях движения... Другое яркое впечатление – как мы

стояли в очереди на взлёт, а на рулѐжной дорожке один за другим, как жирные домашние гуси, неспешно продвигались вперѐд пять или шесть собратъев нашего «Боинга». Был утренний час пик в Стамбульском аэропорту, а мне, уже попадавшему в автомобильные пробки Нью-Йорка, Токио и Москвы, ещё никогда не приходилось наблюдать аэропробки...

Неделю мы провели в Кемере, уютном предгорном городке, в нескольких десятках километров от Анталы, жили в прекрасном отеле, где «всѐ включено» и притом по очень умеренным ценам (примерно 90 долларов в сутки). Участвовали в необременительных и весьма содержательных заседаниях, купались в чуть-чуть прохладном (как раз по мне!) Средиземном море, ездили в известные теперь всему миру древние поселения, поднимались на самую высокую гору здешних мест... Именно спустившись с неё, слегка подогретые турецкой тракией (наверху было холодно), мы с председателем Новосибирского Союза журналистов Андреем Челноковым на обратном пути в автобусе, в присутствии четырёх десятков коллег, во весь голос обсуждали идею будущего побратимства двух наших журналистских организаций... И мы, кстати, сделали это, стали побратимами – в полном смысле. Вот что значит в нужное время оказаться в нужном месте двум нужным друг другу людям... Из-за одного этого стоило поехать в Турцию... Но, впрочем, разговор сейчас о другом, тем более, что рассказ о нашем побратимстве у меня уже есть...

Речь о том, как судьба подарила мне одно совершенно неожиданное знакомство, с некоторыми весьма дорогими для меня последствиями...

Был первый день конференции, утреннее пленарное заседание... Приветственные речи хозяев, ответные – лидеров российского Союза журналистов Всеволода Богданова и Ашота Джазаяна... Выступления мэтров российской журналистики Альберта Плутника и Леонида Шинкарѐва (будет ещё и Борис Резник!). А следом – уже деловая часть, начало дискуссий... И хоть у меня тоже было что сказать, я выступать не собирался. Но Серик Матаев сказал «надо», и я оказался в числе нескольких спикеров (честно говоря, терпеть не могу это слово), коим предстояло рассуждать о судьбах современной журналистики,

причинах кризиса доверия к нашей профессии, путях выхода из него...

Говорил я, когда подошла моя очередь, горячо, но отчасти сумбурно и путано, помогая себе руками... О чём говорил? О том, что мир стремительно развивается, технически совершенствуется, стали возможными такие вещи, о которых и помыслить нельзя было; казалось бы, при этом и человек должен совершенствоваться – становиться лучше, чище, добрее... А так ли это на самом деле? Увы! А мы, журналисты, в этом повинны? Ну, да не только мы, но ведь и мы тоже...

Лягнул российских мэтров – бывших «известинцев», чьё вдохновенное слово (а по сути – безответственное интеллигентское прекраснодушие) в конечном счёте тоже немало поспособствовало тому, что мы теперь наблюдаем... А «новым» «Известиям» те самые мэтры – легенды журналистики – теперь тоже оказались не нужны... «Мавр сделал своё дело...».

Говорил, что и у нас в Казахстане журналистика (притом, что всё новые и новые газеты, телеканалы, интернет-ресурсы растут как поганки и мухоморы после хорошего дождя) переживает кризис доверия, и что положение дел в профессии, может быть, даже хуже, чем в России...

Так что, если честно отвечать на вопрос: «Кто виноват?» – надо, прежде всего, на самих себя оборотиться. Куда сложнее ответить на другой – «Что делать?». Предложил присмотреться к тому, что уже делает Андрей Челноков в Новосибирске, который с упорством, кому-то кажущимся достойным иного применения, из года в год собирает журналистов на конференцию под названием «Журналистика – категория нравственная». «Чем всё время проклинать тьму, лучше зажечь маленькую свечку», – говорил я... И что-то ещё в подобном духе...

Не похоже было на то, что моя речь произвела сильное впечатление на собратьев по профессии...

А в перерыве ко мне подошёл молодой парень-турок, один из служащих отеля, говоривший по-русски, и сказал, что со мной хотел бы познакомиться некий важный чин из турфирмы, которая помогала организовывать нашу конференцию. Я выразил готовность, и вскоре он представил мне невысокого сухощавого человека, возраст которого было довольно сложно

определить: ему можно было дать и пятьдесят, и шестьдесят, и семьдесят лет. По-русски он не говорил и передал через всё того же переводчика, что желает пообщаться со мной, скажем, вместе поужинать...

Я слегка смутился, заметив, что я в нашей делегации – не первое лицо, что ему, пожалуй, нужнее будет знакомство с председателем нашего Союза журналистов. В ответ мне было сказано – я могу пригласить, кого захочу...

Мы обменялись визитками, чуть позже я познакомил их с Сериком. А вечером того же дня мне принесли в номер бутылку красного вина – презент от нового турецкого знакомого с пришпиленной к горлышку его второй визиткой... Подивившись столь неожиданному знаку внимания, я сразу решил, что в Турции пить её не буду, а заберу домой. (Вина было вдоволь за столом во время обедов и ужинов и в баре, и на улице – по всё тому же принципу «всё включено»).

Конференция шла своим ходом, сидеть там было необязательно, и я на два дня из неё выпал – в один была прекрасная экскурсия по окрестным древностям с прогулкой на яхте по морю, а в другой, уже накануне отъезда, – поездка в соседнюю провинцию, по местам, связанным с походами Александра Македонского...

Про турка я давно забыл и, раскрыв рот, во все глаза любовался дошедшими до нас остатками древних городов, их амфитеатрами и термами, выщербленными мраморными колоннами и скульптурами с ампутированными частями их прекрасных тел... Но уже в начале этого нашего путешествия ко мне подошёл гид и сказал, что по возвращению меня приглашают на ужин, а вечером, на подъезде к нашему пятизвёздочному отелю, ещё раз напомнил об этом...

Я же разрывался между желанием совершить прощальный заплыв по Средиземному морю (рано утром мы уезжали в аэропорт) и этим приглашением, отменяющим купание... Я выбрал первое... Но на выходе из отеля меня перехватил всё тот же служащий, знакомивший нас с проявившим ко мне интерес турком, и сказал, что меня ждут на ужин, что я могу взять с собой жену или подругу и кого-нибудь ещё, кого желаю...

Времени до ужина оставалось всего ничего, и я спросил – можно ли мне чуть-чуть опоздать? Парень сказал, что можно, и проводил меня к морю, показав укромный уголок, обрамлённый деревьями с трёх сторон, а четвертой – открытой к морю... Здесь должен был проходить наш ужин.

Уже в сумерках я совершал прощальный заплыв, без всякого удовольствия, терзаясь угрызением совести: меня уже наверняка ждут, а я тут кочевряжусь...

В номере мы жили вдвоём – с председателем Алматинской областной организации Союза журналистов Жакипжаном Нургожаевым, и я позвал его с собой, что оказалось очень кстати... За столом нас было всего пятеро: тот самый немолодой турок, организовавший ужин, наш председатель Серик, председатель Азербайджанского Союза журналистов и мы с Жакипжаном. Турецкого не знал из нас никто, а турок не знал русского, но они с Жакипжаном чуть-чуть понимали друг друга, общаясь на смешанном турецко-казахском, слегка подправленном азербайджанским, когда к разговору подключался коллега из Баку.

Общались на самые разные темы, переходя с одной на другую и ни в одну серьёзно не углубляясь... Насколько я, по большей части помалкивающий, понял, турку просто нужны были новые знакомства. Он то ли уже собирался в Казахстан, то ли просто раздумывал – ехать или не ехать – и на всякий случай заручался потенциальными контактами. Открытый, коммуникабельный Серик сразу сказал, что готов принять его, свести к людям, которые ему будут интересны, и больше на эту тему не говорили.

Разговор вообще был лёгкий, необременительный, никого ни к чему не обязывающий... Нам так хорошо сиделось в этом укромном местечке под чёрным, полным звёзд небом... Где-то внизу, почти у наших ног, дышало море, тянуло горной прохладой с другой стороны... Необязательно было говорить, можно было просто сидеть и наслаждаться, потягивая вино... Я бы даже водки выпил, но стеснялся попросить...

Ели вкуснейший горячий хлеб, который нам подавали в виде небольших воздушных шаров; нежнейшую баранину в красном соусе с приправами... Ставя перед нами тарелки с горячим блюдом, официант снимал крышки одновременно с двух

и ударял ими – как музыкант в оркестре... Горели свечи на столе, добавляя уюта и доверительности...

Уже пора было прощаться, когда турок спросил, каковы наши планы на завтра. Мы сказали, что уезжаем; он уточнил, когда и как. Узнав, что у нас пересадка в Стамбуле и что мы там пробудем почти весь день, поинтересовался нашими планами. «Погуляем по городу, сходим в Ая Софию», – ответил Серик. Ничего нам больше не говоря, турок стал звонить по сотовому телефону – о чём-то договариваться... И, как уже о готовом решении, сообщил: в аэропорту нас встретит машина с русскоговорящим гидом, нам устроят настоящую экскурсию по Стамбулу и отвезут в аэропорт. Добавил, что платить ничего не придётся – это подарок от фирмы в знак нашего знакомства...

Возникла однако проблема: нас было шестеро и в одну машину мы никак не помещались... Серик деликатно объяснил это хозяйину нашей встречи. Тот засмеялся, опять позвонил и сказал, что возить нас будет микроавтобус...

Утром следующего дня мы были уже в Стамбуле... И этот день для меня, к тому времени уже немало поездившего по миру и много чего повидавшего, останется одним из самых памятных в жизни. Он столько в себя вместил!

И редчайшую по красоте и величественности Ая Софию, выстроенную много веков назад императором Константином – как символ торжества Византии; захваченную затем турками, но не разрушенную, а превращённую в мечеть, на которой также оставят свои следы ещё и крестоносцы, и сохранённую мудрым Ататюрком в качестве музея, тогда как три конфессии заявляли на неё свои права... И подземное хранилище воды в центре города – как свидетельство мастерства древних умельцев... И уютные улочки древнего Константинополя, ставшего Стамбулом, вместившем в себя и сохранившем столько свидетельств старины, традиций, влияния конфессий... И остатки крепостной стены, уходящей вниз к морю... И рыбный рынок – прямо на берегу (жаль, что у нас не было времени остановиться и побродить по нему).

Наконец прогулка на теплоходе по Босфору, с которого открывается великолепный вид на обе стороны города, на ажурные мосты и который по интенсивности движения напоминает

широкий городской проспект... К тому же мы меньше, чем за два часа пропутешествовали из Азии в Европу и обратно... И обедали потом в бухте Золотой Рог – с видом на Босфор.

Подарком судьбы было и то, что нашим гидом оказалась соотечественница, бывшая алматинка, с юности мечтавшая о Турции, закончившая здесь университет. Она подарила нам её Стамбул, всё время сожалея о том, как мало у нас времени.

То был, повторяю, один из самых удивительных дней моей жизни.

Теперь я с полным правом могу сказать: «Никогда я не был на Босфоре», – это не про меня...

А началось всё с какой-то мелочи – рядового, почти не замеченного собратьями по профессии, выступления на конференции...

«МЕНЯ БОГ ЛЮБИТ...»

Дело было в Одессе, в просторной, светлой, с большим вкусом обставленной квартире элитного дома, расположенного в так называемом «чудо-городе» – новом элитном микрорайоне, заставленном «высотками» в двадцать этажей. Была уже ночь, внизу лежал залитый огнями город, за которым лишь угадывалось море, чуть-чуть видимое с этого десятого этажа днём.

Хозяин, мой однокурсник, с которым мы не виделись больше 25 лет, рассказывал нам с товарищем историю своего появления и закрепления в Одессе... Согласился он на это не сразу, а после долгих моих уговоров...

– Странная история со мной приключилась, господа, – начал он рассказ, пародируя манеру литераторов позапрошлого века... – А если говорить серьёзно, то скажу я вам, что Бог меня любит, или, если быть более точным, ведёт меня по жизни... И я вам это постараюсь доказать...

Вспомню хотя бы историю моего появления в «Комсомольце Киргизии»... В нём уже работала выпускница нашего с вами журфака КазГУ Светка Красильникова, написавшая нашему же преподавателю Юрию Алексеевичу Крикунову письмо с просьбой прислать на практику старшекурсника потолковее. Крикунов, если помнишь, Степан (это была моя университетская кличка – от слова «Стипендиат» – коим я был в студенческую пору – **Ю.П.**), предложил тебя, но ты уже тогда бредил своим Павлодаром и отказался. Крикунов спросил – кого посоветуешь, и ты назвал меня... Тем самым, говоря высокопарно, определил всю мою дальнейшую жизнь.

Сами понимаете, я на практике себя показал как надо, и меня пригласили на работу. А после университета нас Любкой (её вы, надеюсь, тоже хорошо помните, гуляли на нашей свадьбе) распределили в Киргизию. Места в «Комсомольце», правда, не оказалось, я какое-то время поработал в областной газете и вскоре перешёл туда, куда и хотел.

Дальше много чего было... Работать мне нравилось – много ездил по Киргизии, о разном писал, считался одним из лучших в молодёжке.

С бытом долго никак не налаживалось: жили всё время в каких-то землянках-временках, когда голова упирается в по-

толок... Но со временем и тут всё устроилось: получил – уже от «Советской Киргизии» – республиканкой партийной газеты, куда меня забрали из «Комсомольца», двухкомнатную квартиру в центре Бишкека, а тогда ещё Фрунзе. Дочка подрастала...

С Любкой, правда, ничего у нас не вышло: как я потом друзьям говорил – думал, будет большая любовь, а получилась одна маленькая Любка... Но это я вперёд забежал, надо назад вернуться...

Идёт восьмидесятый год, теперь уже прошлого века, вызывает меня наша редакторша и говорит: ищем, мол, новые формы работы и предлагаем тебе, как одному из лучших наших перьев, поехать на Украину и привезти для нас ударный разворот – две больших полосы. Срочно бери билет, завтра получишь командировочные – и вперёд...

Пошёл я в авиакасса, выстоял очередь, прошу билет на следующий день в Киев. Нет билетов... Ну, на послезавтра тогда... Тоже нет... Тут какая-то знающая женщина из очереди поясняет: Олимпиада же идёт – закрыта не только Москва, но и все города, где будут проходить разные виды соревнований. В Киеве, я потом узнал, футбол был...

Решил лететь в Днепропетровск, где у меня мать жила. И туда нет билетов. Вижу – уже и очередь волнуется: сколько можно? И я, сам не знаю почему, называю Одессу... Есть билеты!

Прилетаю, иду в местную «молодёжку»... А она на украинском языке! Ну, и на русском все тоже, конечно, говорят. Объяснил редактору цель приезда, попросил помощи – тогда всё это было в порядке вещей... Он вызвал журналистку, будет, говорит, помогать тебе и вообще закрепляю её за тобой... Иди, говорит, знакомься с ребятами, договаривайся насчёт материалов, а я подумаю – куда тебя на житьё пристроить.

Приняли меня, надо признать, хорошо, доброжелательно. Я раздал задания, пообещав гонорар, полистал подшивку газеты, наковырял из неё информации... Словом, нормальный ход наметился...

Жить меня определили в пионерский лагерь, с питанием. А заодно поручили написать отчёт с намечавшегося там какого-то фестиваля... Ну, это дело нехитрое... После фестиваля у нас был ещё ужин в узком кругу, с хорошим выпивоном... Я даже

чуть-чуть запал на пионервожатую с та-а-ким бюстом... И, может, у нас даже что-то и вышло бы, да чувство долга взяло верх – я же должен был ещё отчёт написать...

Они разошлись – уже полночь, а я чуть ли не до утра писал и утром принёс готовый материал в редакцию. Приняли его «на ура», я собрал всё, что должны были сделать мне, прикинул – на разворот хватит. Фотоснимков с запасом набрал у их фотокора ещё раньше. Опять напомнил – гонорар будет, и слово своё, кстати, сдержал – деньги всем за их материалы мы потом выслали. Они же мне за мой отчёт так и не заплатили: подумали, видно, что устроили тут его, кормили-поили, разворот помогли сделать – хватит и всего этого... Но и я это так, к слову, потому что история моя на этом не заканчивается...

Обменялся со всеми телефонами на будущее и уже уходить собрался, а мне говорят: не торопись, у нас тут день рождения сегодня, отметим и заодно поближе познакомимся...

После работы – застолье, в редакции. Редактор, выпив пару ритуальных рюмок, культурно удалился. А мы гуляем... И тут одна из девиц, я её раньше не видел, как-то очень откровенно даёт понять товаркам: этого, мол, то бишь меня, никому не трогать – мой будет! Ну и ладно, думаю, твой так твой...

После редакции поехали в какой-то дом, кажется, в пригороде, двухэтажный, гуляли там. Мы с ней ещё в ресторан умудрились сходить... А как устроились на ночлег, на втором этаже – себе она постелила на кровати, а мне на полу – я было сунулся к ней, а она говорит – отвали, не тот у меня теперь период, не те дни... Удивился, но виду не показал: ну и ладно, думаю, я-то ведь вроде как должен был «отработать»...

Утром проснулся – чуть живой. А у меня ещё одна встреча намечалась – в здешнем пароходстве. Упросил организаторшу её отменить... Несостоявшаяся моя подруга, видя моё уж совсем никудышнее состояние, спрашивает: «Самогонку будешь?» «А то», – отвечаю, готовый чёрта с рогами проглотить, – только бы не мучиться...

Ну, «поправила» она меня, и я улетел... Разворот вышел, гонорар ребятам отправили... И с той поры – восемь лет прошло – никаких контактов с ними у меня не было. Работал в «Советской Киргизии»; само собой, всегда был на хорошем счету, ездил в

командировки. Особенно вольготно жилось, когда спортивную тему мне в газете отдали... С Любкой мы к тому времени уже развелись, но жили вместе – она с дочкой в одной комнате, а я в другой. И в очередной отпуск я решил махнуть в Одессу – опять же сам не знаю почему. На солнце решил погреться...

Попроведал сначала мать, а от неё рванул в «жемчужину у моря». Снял комнату, несколько дней поболтался, в море покупался, водки с соседом попил. И буквально за день до отлёта решил увидеться с бывшей своей кураторшей – той, которую редактор молодёжки ко мне в первый приезд прикрепил. Она работала уже в областной партийной газете, нашёл её телефон, звоню: «Помните, приезжал к вам журналист из Киргизии восемь лет назад?»... «Как же, помню... «Красные маки Иссык-Куля»... Забыла только – как тебя зовут»... «Юра», – говорю... «И чего же ты хочешь, Юра?». «Да, ничего особенного: у меня бутылка коньяка и бутылка водки, может, посидим месте?». «Почему бы и нет, – отвечает, – только имей в виду – я теперь замужем... Запиши адрес и как доехать к нам... Да ещё: не будешь возражать, если я ещё подругу позову?». Какие у меня могли быть возражения!

Приехал, отлично посидели: выпили мои припасы, потом их – местное домашнее вино... И они все стали меня убеждать, что нечего мне больше делать в Бишкеке, тогда ещё Фрунзе, что надо перебираться в Одессу. Там меня, по правде сказать, ничто особенно не держало, ведь с Любкой, повторяю, мы были в разводе и, похоже, навсегда, и неплохо было бы сменить обстановку... Но Одесса и в ту перестроечную пору оставалась закрытым городом – в ней не прописывали, разве только лимитчиков – рабочих дефицитных специальностей для здешних производств. А без прописки не брали на работу... Такая вот иезуитская система-ниппель, хотя и в ней были бреши... Подруга сказала, что у неё есть хорошее знакомство на одном из заводов, куда берут лимиту, и она постарается пропихнуть под их маркой и меня. Но на это надо время... А пока... Пока надобно меня оженить – есть, мол, тут одна на примете... Завтра к ней и поедем...

Да вы что, говорю. У меня билет на завтра – я улетаю. «Ничего, билет сдашь – улетишь позже. А завтра едем свататься!».

И я согласился – опять же сам не знаю почему. Билет сдал, взял другой... Со сватовством, правда, ничего не вышло, и я

улетел. А подруга кураторши пообещала пробить мне лимитную прописку.

Работаю я, работаю – вдруг звонок из Одессы: «Срочно вылетай – вопрос решается!». «Да я не могу так сразу – время дайте!». «Нет, вылетай немедленно!».

Пошёл к редактору газеты с заявлением на увольнение. А он – ни в какую: мы тебе квартиру дали, ты у нас на хорошем счету, мы тебя на завпартотделом планируем (я к тому времени в партию вступил – газета же партийная была). Прошу, прошу – не соглашается. «Всё равно я уволюсь», – говорю. «А я тебя отработать заставлю!» – отвечает.

Я тогда – к Любке. «Хочешь от меня, наконец, избавиться? Даю тебе шанс: иди к редактору, поплачься, скажи – какой я подлец-негодяй, чтобы отпустили». И, что вы думаете, – пошла. Выходит вся зарёванная... А редактор тут же меня вызывает... «Да, – говорит, – многого же я о тебе, оказывается, не знал... Давай твоё заявление!». До сих пор интересно, что же она такое про меня наговорила, раз он так быстро согласился...

И вот я снова в Одессе... Не сразу всё решилось... Все деньги прожил, у матери даже пришлось занимать... В заводскую многотиражку идти не хотел: после республиканской-то газеты каждый день писать про одно и то же – удовольствия мало... Пообщался с редактором городской газеты – авторитетный мужик, хорошо меня принял. Взяли бы, говорит, тебя, но без прописки нельзя, а лимитная – не то...

Долгое время квартировал у кураторши – её сына в армию призвали, и я жил в его комнате. Она, всего на два или на три года старше меня, с тех пор сыном зовёт... Есть всё-таки люди... И она с мужем, и её подруга, сделавшая мне прописку, и третья – та, что говорила когда-то: «Этого не трогать – мой будет!», познакомившая меня с Танькой, моей будущей женой – этим трём, по сути чужим бабам, обязан я своим укоренением в Одессе...

Потом я прибил к здешней морской газете: я ведь в детстве моряком хотел быть, хотя к тому времени романтизма во мне и поубавилось... Но там всё вакансий свободных не было, и тогда я предложил редактору: «Давай я пока бесплатно работать буду!». И работал месяца два или три, позднее, правда, месяца за полтора мне заплатили... А скоро и вакансия откры-

лась... Но я ещё всерьёз не понимал – куда я попал. Оказавшись впервые на «большой» планёрке, слышу: одно наше судно зашло на ремонт куда-то в Африке, другое – на Канарские острова... Спрашиваю после в редакции: «Это что всё – правда?». А они смеются. Через какое-то время и сам стал ходить в моря-океаны. Обратил на себя внимание нашего главного начальника – рыбного генерала Соляника, который был в Одессе царь и бог, ногой открывал любые двери, даже в обкоме партии. Я написал материал о проблемах отрасли «У матросов есть вопросы» – после интервью с ним, которое ему понравилось... Материал этот потом даже размножили для участников какого-то важного совещания у этого Соляника... А он продлил мне на месяц зарубежную командировку (это же валюта)...

И вот стоим мы в одном зарубежном порту – уже перед возвращением домой – и команда «тарится» в городе сверхдефицитным тогда товаром – люрексом, это что-то вроде парчи. Я тоже взял два рулона. И хоть мне говорили, что магазин их бесплатно доставляет нам на борт, я эти два, памятуя о том, что своя ноша не тянет, тащил сам, весь взмок, еле допёр...

Возвращаемся в Одессу, а в порту нас вместе с пограничниками и таможенниками уже купцы встречают, оптом скупающие этот люрекс по 90 рублей за метр, в разы дороже, чем мы покупали. «Ну, нет, хренушки вам, – сказал я сам себе, – такой товар я сам продам. И не здесь, а во Фрунзе...». Хотя тогда уже, кажется, в Бишкеке... И повёз...

Сутки на поезде до Москвы, трое суток до Бишкека... Приехал на квартиру к Любке, отрезал образец, метра два, и понёс на базарчик, что неподалёку от дома, где узбеки торговали... Сразу узбеки сбежались – глядят мой люрекс, щупают, глаза у них разгорелись, из рук рвут... Да успокойтесь, говорю, у меня ещё есть, на всех хватит. Собрал заявки – кому сколько – и опять домой. Ну и цену им зарядил соответствующую – по 125 рубликов за метр...

Сходил на другой базар – и там есть спрос... А после уже слух по базарам пошёл: приехал, мол, мужик, у которого люрекса немеряно-несчитано...

И пошла у нас торговля! Я заявки собираю, дочка отмеряет, Любка режет... Поток! И деньги, самой собой, я раньше таких в

глаза не видел... Потом мне, правда, надоело и последние метров десять я сбавил одной знакомой в ателье, подешевле... Но всё же не по девяносто, а по сто рублей...

Вот тогда я по-настоящему понял – как можно жить и деньги зарабатывать...

А потом мы, уже с Танькой, отправились в круиз на теплоходе – по Черноморью и Средиземноморью... Хорошо отдохнули, другой мир повидали и прикупили по случаю шубу из какого-то ценного меха. Вернулись и сдали её знакомой в комиссионку. И ушла эта шуба, притом, как-то очень быстро, за шесть тысяч рубликов. 500 рублей досталось комиссионке, столько же мы отстегнули знакомой, что там работала, – за труды... И вышло, что не только круиз оправдали, но и чуть-чуть сверх того осталось...

Нам, конечно, это понравилось, и мы стали ездить и приторговывать – детскими игрушками, советскими наручными часами, прочей мелочью (я даже как-то бинокль продал), водкой, сигаретами.

Меня раз таможенник прижучил: «Куда вам столько игрушек?». «У нас же там встречи будут, в разных странах, это подарки...». «А костюм новый (я его тоже для продажи вёз, он даже с магазинной биркой был) зачем?». «Что же я в шортах на приёмы ходить там буду?» – делаю вид, что обиделся. Но таможенник в тот раз уж очень дотошный попался: обнаружил десятка полтора наручных часов, их пришлось оставить на берегу, хорошо ещё знакомые в порту были... Он, гад, на мне как будто за Таньку отыгрывался: она-то ему глазки построила и прошла почти без досмотра...

Так мы ездили, приторговывали, совмещая приятное с полезным. Бывало, я даже в корабельном буфете покупал водку и блок сигарет и толкал на берегу местным... Всё равно выгода была, хоть и небольшая...

Но недолго продолжалась такая наша жизнь, потому что круизы стали на валюту переводить. А откуда она у нас? Да и подсудным это дело было... Хотя к тому времени я стал её зарабатывать в зарубежных плаваниях – командировочные нам в валюте шли...

И вот впервые отправляюсь в плавание на восемь месяцев... Надеюсь на этот раз подзаработать по-настоящему – ва-

люты в том числе... Танька меня провожает в порту, а наш отход тормозят... Второй день провожаемся – та же история... И знаете почему? Из-за ГКЧП. Отпустили только после того, как арестовали «гэкачепистов» и Пуго застрелился...

Вы даже представить себе не можете, что такое рыболовецкий траулер с экипажем в 600 человек и двумя рыбоперерабатывающими консервными заводами на борту... Из 600 человек почти половина – женщины... Каково им восемь месяцев без мужиков, а тем – без баб? Ну, и жили, конечно, все со всеми... Ко мне тоже одна клеилась, притом явно: я же в начсоставе числился, у меня отдельная каюта, с умывальником, правда, без туалета – он общий, в коридоре. Но я себе сразу сказал, что я здесь валюту зарабатываю, а потому – никаких баб... Она потом с одним рулевым сошлась, и сам видел, как доила его на берегу, во время стоянки: то та ей вещь понравилась, то другая... А он покупал – куда денешься: за всё платить надо.

Что я делал в том плавании? Газету выпускал, на траулере ведь и типография своя была...

Вообще же поход был тяжёлый: матросы несли вахту по схеме двенадцать через двенадцать, то есть по двенадцать часов в сутки. Не легче было и тем, кто на рыбном конвейере стоял, – до тошноты надоедало, да и физически тяжело...

По дому тосковали... Я даже стихи писать начал...

В итоге же вышел полный пшик. Я за восемь месяцев похода получил жалких 900 долларов, а матросы, пахавшие по чёрному, ещё меньше – по 400-500 долларов, за которыми им ещё пришлось побегать...

И всё же я вспоминаю те немногие свои дальние походы – как подарок судьбы. Я повидал мир, другую жизнь, поработал с людьми, которые ещё недавно были китобоями... Жалею лишь, что пришёл в пароходство позже и этого промысла сам не видел... Но всё равно – разве это не удача, разве не Бог меня вёл по этой дороге?

Следующая часть моей истории будет грустной... Помните всеобщий развал начала девяностых? Вот и у нас с Танькой, кроме её однокомнатной квартиры, ни хрена... Она, доцент университета, зарабатывала копейки, я вообще сидел без работы, идти в газеты не хотел...

И мы с ней пошли на базар... Торговать... Брели товар на реализацию и стояли, как распятые, на барахолке, увешанные женскими принадлежностями... Фиксированную сумму возвращаешь хозяйке, а что сверх того – твоё... Танька, бывало, говорит мне: «Ты прикрой меня!» «А что такое?» «Да прямо на нас девчонка идёт – это моя студентка...». Ну, я ноги расставлю пошире, руки раскину, а она за мной прячется...

Потом деньги стали в долг брать – под десять процентов в месяц и покупать вещи сами – на продажу... Но всё это была такая мелочь... Пока, наконец, Танькина знакомая и надоумила, и помогла: «Да что же вы так мучаетесь? Езжайте в Китай, купите товара там – побольше и подешевле, а денег я вам займу...».

И мы стали торить дорогу в Китай... Сами были и за покупателей, и за экспедиторов, и за грузчиков... Это теперь Танька летает туда – как на курорт, и только пальчиком указывает, что надо сделать, а сама в это время кофе попивает, да по ресторанам с китайскими партнёрами ходит – за их, разумеется, счёт... А тогда... Тогда мы сами отбирали товар, паковали, ворочали эти неподъёмные тюки, надписывали... Адова была работа... Никто пока не написал по-настоящему про несчастных баб-челночниц, из которых лишь немногие, как, например, моя Танька, смогли подняться...

Мы стали продавать свой собственный товар: арендовали сперва полприлавка, а потом весь... Потом уже сами начали нанимать реализаторов, ведь то, что мы привозили, уходило влёт...

И опять же берегла меня судьба: сколько раз ездил в поезде через границу с пачками долларов в бабских колготках на животе... Поймали бы белорусы или россияне – тут тебе и статья – экономическая контрабанда... Но Бог миловал. У нас к тому времени способ защиты выработался: накануне нажраться в поезде, чтобы хоть чуть-чуть забыться, чтобы таможенникам нас едва ли не будить приходилось. «Оружие, наркотики, валюта есть?». А ты с дикого похмелья мычишь в ответ что-то нечленораздельное или головой мотаешь. Вот и весь досмотр...

Один раз чуть не обделался от страха. Мы к тому времени уже почти цивилизованно ездили: загружали в Китае товар, встречали его в Белоруссии, перегружали в большой автобус, а сами его сопровождали – в специально зафрактованном дру-

гом, комфортабельном, где у нас всегда были и выпивка, и закуска... Ехать надо было примерно сутки...

И вот едем раз, всё вроде нормально, с вечера хорошо выпили... Я утром рано-рано проснулся, похмелился слегка... И вижу, что нет автобуса с нашим товаром – он всегда впереди должен был ехать, чтобы мы его видели...

Спрашиваю у водилы – где автобус? Отвечает – оторвался, вперёд ушёл. Ты, говорю, притопи, надо догнать его... А место глухое, дорога пустая, лес по обочинам – Белоруссия же...

Вскоре видим – стоит наш автобус, рядом чужие «Жигули», и наши водители разговаривают с двумя другими мужиками. Я сразу почувствовал – тут что-то неладное: не должны были отрываться от нас водители грузового автобуса, а уж, тем более, останавливаться без нас, кто бы их ни тормозил... Всё, думаю, это по нашу душу ребята – сейчас начнут трясти...

Но надо же что-то делать... Остановились поодаль, водила говорит: «Выходим и делаем вид, что отливаем...». А я уже и «по большому» готов сходить... Ну, вышли... Сымитировали... И водила говорит: «Пошли к ним... Да не ссы – у меня с собой пистолет и граната».

Идём, я – на ватных ногах, уже готовый без всякой схватки отдать всё, что у меня есть...

Подожли ближе – видим, что там вроде нормальный разговор идёт, спокойный... Оказалось, это мужики предлагали нашим водителям горючку подешевле... Мы своим, конечно, насовали потом полную пазуху, ведь был же строгий уговор – не останавливаться...

Или другой случай, в Бессарабии, уже до Одессы рукой подать было... Навстречу нам, прямо через разделительный барьер автотрассы, наперерез, машина... А в ней четыре кавказца... Причём, всё так быстро произошло, что мы даже сообразить ничего не успели... Я только подумал: ну, да, это у них тактика такая – неожиданное нападение. И опять решил для себя, что жизнь дороже, отдам, что потребуют... А они у нас дорогу спрашивают – правильно едут или нет? И мы им чуть ли не хором стали объяснять, что они проскочили нужный поворот, что им теперь надо вернуться...

Это я к тому вам всё это рассказываю, чтобы понятно было – как и что нам доставалось...

Ну, окрепли мы, можно сказать, оперились, стали прикупать контейнеры – сперва небольшие, а потом и двадцатитонники, даже сдавать их в аренду, что очень выгодно... Я, во всяком случае, свои уже раз десять окупил.

Торговля теперь идёт, конечно, не так, как раньше... Но недавний мировой экономический кризис пережили и теперь на хлеб с маслом и красную икру хватает...

С Танькой мы, правда, развелись, но общаемся, ведь деловые интересы у нас по-прежнему общие... Я ей в аренду контейнеры сдаю, деньги занимаю под проценты...

Живём, конечно, врозь... Я вот в этой квартирке, неплохая, да? И вторую такую же построил в элитном доме, в Аркадии... Девятнадцатый этаж, в получасе ходьбы – море. Да я вам её покажу ещё...

У Таньки там же, в Аркадии, трёхэтажный особняк, крытый бассейн во дворе с морской водой... Почти десять соток земли... Целое состояние... Рядом – дачи Киркорова и Жванецкого...

Что ещё вам сказать? Дочь ко мне переехала из Бишкека, оформил её своей помощницей. Но живём отдельно: я для неё и внука снимаю двухкомнатную квартиру за 500 долларов. Столько же плачу за учёбу внука в элитной частной школе. И ещё тысячу в месяц даю дочери на прожитьё. Она скоро переедет в эту мою квартиру, а я в ту, что построил в Аркадии.

Здесь же, в Одессе, и мать моя живёт, отдельно, на Большой Арнаутской, в двухкомнатной квартире. Ей я тоже плачу – по 600 долларов в месяц, за сиделок, которых она (развлекается, что ли?) меняет как перчатки. Ей уже под девяносто...

А теперь, как мы с вами любили писать, давайте подведём некоторые итоги... Кто бы я был и что бы имел – паренёк из Засрани (так назвала городок, в котором я вырос, моя первая жена, хорошо знакомая вам Любка)? Редакторскую должность в областной газете и четырёхкомнатную квартиру в Караганде, где на сотни вёрст – степь да степь кругом? Истрёпанные в лохмотья нервы? Я же имею, как говорят в Одессе, жизнь в своё удовольствие... Я полмира объехал, я даже исполнил заветную мечту Остапа Бендера и таки посетил Рио-де-Жанейро... Те-

перь вот собираюсь в Грецию, это недалеко, почти рядом, погреть пузо на тамошнем солнце... Я теперь могу поехать – куда захочу! И никто мне не указ, ни перед кем я не отчитываюсь...

Да, у меня нет друзей, но, может, это и хорошо: ведь друзья – большая ответственность, а я её не хочу. Да и будь они у меня прежние, уже отошедшие в мир иной, царствие им небесное, может, я тоже бы уже скопытился... А так – живу, выкарабкиваюсь после инсульта, уже три месяца не пью... Врачи сказали – год надо выдержать, а там я своё наверстаю...

У меня внук спросил как-то: «Дед, а правда, что ты сидишь дома на диване и делаешь деньги? Это работа у тебя такая?». «Можно сказать, что так, – отвечал я ему, – хотя точнее будет сказать – я деньги считаю, а потом хожу и собираю...». Я имел в виду проценты по моим банковским депозитам, проценты от сумм, которые я даю в долг, и плату за аренду контейнеров.

И внук сказал мне: «Деда, я тоже так хочу!».

...За окном была тёмная южная ночь. У наших ног лежала залитая огнями Одесса. Мы сидели втроём в элитной квартире элитного дома. В квартире, где не было, наверное, ни одной «серийной» вещи (чтобы из обычного магазина, а не на спецзаказ), и, что меня особенно удивило, ни одной книжки. Я имею в виду книги, которые можно читать...

Перед нами был человек, вполне довольный жизнью и даже убеждённый в том, что это Бог его вёл по ней... Может быть, впрочем, он лишь по обыкновению играл, когда говорил об этом – как делал то же самое давным-давно в студенчестве. Но в рассказе его не было бахвальства: он, может быть, и говорить о прожитом и пережитом стал лишь потому, что я настойчиво просил его об этом, а потом он сам просто увлёкся.

Какой человек сидел в ту ночь перед нами? Счастливый и успешный, довольный жизнью или, может, разочаровавшийся в ней? Последнего я в нём не заметил... Если и было что – так некая усталость. Но разве не было её в нас, не слишком жданных им его гостях-пришельцах из далёкого общего прошлого?

Какая мораль вытекает из всего им рассказанного и мной записанного? Никакой морали. Каждый из нас жил – как мог, как умел и ещё – как получалось. И теперь уже не нам судить – что из нас получилось...

УЖИН С МИЛЛИОНЕРОМ

Мне позвонил миллионер. Без дураков: самый настоящий – не тенговый и даже не долларový, а евровый – предложил поужинать в ресторане. Я удивился. Но виду не показал, спросил только – к чему готовиться, какой повод?

– А тебе не всё ли равно? – услышался в трубке его напористый голос. – Я зову – это для тебя не повод?

– Ну все-таки? – не унимался я.

– Я из турне приехал, хочу рассказать, поговорить хочу... Посидим, выпьем... Всё – в семь часов будь в «Забаве!».

Почему бы и нет – решил я. Не так часто меня приглашают на выпивку миллионеры... Хотя бывало, конечно, сживал в компаниях и с ними. Одного, в прошлом банкира, расспрашивал о почти полугодовой отсидке в сизо, санкционированной на самом верху. Между прочим, вышел он оттуда чистым – ему даже компенсацию за вынужденный прогул и моральный ущерб выплатили. Интересный человек... Другой, угощая дорогим виски, рассказывал, как его «заказали» и недели две пасли, чтобы убрать. Но он включил рычаги – и обошлось. Был еще один – директор, прихватизировавший предприятие и умело им руководивший, до поры до времени – пока на это предприятие не положили глаз сильные мира сего...

Но те трое были мне более или менее понятны. Этот же... Чем-то я ему был обязан в жизни. Чем-то он мне... Я, может, обязан больше, чем он. Хотя как считать... Наши пути время от времени вынужденно или случайно пересекались, но никогда я не входил в его ближний круг, а он в мой.

Мне было непонятно – зачем я ему на этот раз? В качестве собутельника? Так их у него наверняка и без меня больше чем надо. Хочет выговориться? Тогда это мне и вправду интересно... И я пошёл...

В семь вечера мы встретились у «Забавы». Миллионер приобнял меня, демонстрируя расположение, и чуть отступил, как будто специально давая мне возможность рассмотреть себя. Он был в потертых, плотно облегающих его тощий зад джинсах, легкой рубашке навыпуск, чем-то напоминающей ночную, с расстегнутым воротом – так, чтобы хорошо был виден кулончик на цепочке.

Зашли в ресторан, где миллионера уже ждали, провели к столу, из-за которого хорошо просматривался зал. Подбежала девица в лубочном сарафане, из которого выпирали полукружья больших белых грудей. Поздоровалась с миллионером, назвав его по имени-отчеству и, не обратив никакого внимания на меня, спросила:

– Как обычно?

– Да, только побыстрее!

Очень скоро нам принесли по кружке пива («Как вы любите – ледяное», – подчеркнула девица, устанавливая их перед каждым из нас), сёмгу («Малосолёная!» – уточнила девица), бутылку запотевшей водки, селёдку с луком и на отдельной тарелке соленья-маринады.

– Я всё русское люблю! – сказал миллионер и повёл рукой: угощайся, мол. – А горячее мы потом закажем...

Выпили по рюмке водки. Миллионер свою запил пивом, я закусил селёдкой. Нам тут же налили по второй. Мы выпили молча. Я отведал маринадов, миллионер снова отхлебнул пива. Налили по третьей, и миллионер сказал:

– Я сейчас тебе кое-какие вещи скажу... А ты слушай и не перебивай... Что надо будет – я тебя сам спрошу.

Я подивился такому началу разговора, согласно кивнул, выпил и, уже слегка расслабленный, приготовился слушать. Хотя это затруднительно было сделать: сидели мы в общем зале, который шумел-гудел голосами, почти непрерывно гремела музыка на эстраде... Не совсем удобное место для серьезного разговора (а мне представлялось – он будет именно таким) выбрал миллионер... Ну так ведь у них, богатых, свои причуды.

– Ты хотя бы знаешь – кто перед тобой? – вдруг спросил он.

– Более или менее, – уклончиво отвечал я, – в общих чертах...

– Миллионер с 93 года!

– Одна тысяча девятьсот девяносто третьего? – уточнил я. – Ну тогда мы все были миллионеры... В «деревянных» российских рублях... Даже я.

– Ты прекрасно меня понял! – почему-то мрачней, сказал он. – Я – долларový миллионер с 93 года, а теперь уже давно и евровый!

– И что из этого? – резковато ответил я. Начало разговора мне не нравилось.

– А то, что таких, как я – один на миллион, – напористо продолжал миллионер, – таких, как ты, я насквозь вижу: ты еще только вошёл и сказать ничего не успел, а я уже знаю – что думаешь и что мне можешь сказать!

– Ну да?! – изумился я, потому что в голове моей в тот момент ничего подобного еще не было.

– А ты знаешь – как это жить, когда кругом тупые, бездарные, нищие и убогие люди? Мусор человеческий, а не люди!

– Ты это серьезно? – опешил я. – А меня ты куда отнесешь?

– И ты ничем не лучше большинства. Что ты в своей жизни видел, чего добился?

– Как чего: я не последний человек в профессии и ты не раз сам мог в этом убедиться. Я книги пишу...

– А кому они нужны, эти твои книги? Кто их читал? И что в них?

Я стал заводиться:

– Если ты их не удосужился прочитать, прочитали другие. И многие говорят – это хорошие, честные книги.

– Да брался я читать твою толстую книгу, где и про меня что-то есть. Думаешь, спасибо скажу? Не скажу! Не жизнь там, а одни слюняйские сопли! Там же с каждой страницы так и прёт, что ты – неудачник. До шестидесяти дожил, а так ничего в жизни и не понял...

Я только теперь увидел, что миллионер пьян, и пьян сильно. Он уже до нашей встречи был «хорош» – я просто не заметил этого. Теперь миллионера неудержимо несло. И не собеседник ему был нужен, а слушатель. Я не знал, что дальше делать, и, чтобы просто выиграть время, холодно спросил:

– Ну, а ты-то, конечно, всё в этой жизни понял и всего добился?

– Я – да! Ты посмотри – как я одет. На мне – всё лучшее, только бренды, из лучших бутиков Европы. Ты мои туфли видел – они стоят больше, чем ты зарабатываешь за год. А этот перстень? – миллионер показал правую руку с перстнем, почему-то на мизинце. – Он дороже самой дорогой вещи, кото-

рую ты имеешь! У тебя какая квартира? Четырёхкомнатная? Не сомневайся – этот перстень стоит больше!

Возразить мне было нечего, и я решил – пусть говорит: стало даже интересно – что ещё скажет.

– Ты ведь нищий, – заключил миллионер, – а я могу себе позволить все – даже этот ресторан купить, но он мне на хрен не нужен... Я неделю назад вернулся из Италии – жил только в элитных отелях, отдыхал по индивидуальной программе, с личным гидом. Я по всей Европе проехал, в Эмиратах был, про Турцию и Китай уже не говорю. Знаешь, как там к таким, как я, относятся? Там таких сразу чувствуют!

Он говорил, говорил, а я старался в это время рассмотреть его туфли стоимостью в мою годовую зарплату: нечто замшевое, тупоносое, с большими, напоминавшими женские, застёжками. Я бы, наверное, такие не надел...

– Наших, таких, как ты, за границей сразу видно. Вы же там – как бельмо на глазу – тупые, дрожащие над каждой копеечкой! Чтобы сэкономить, из гостиниц шампуни таскаете... Ещё двести лет пройдёт, и ничего тут у нас не изменится – как были крепостными, так и останетесь!

– Ты-то откуда такой богатый? Умный, всё понимающий... Ты откуда взялся? – перебил я миллионера.

– А я такой есть, – отвечал он, как будто был готов к такому вопросу, – я бы при любом строе поднялся. И я теперь беру от жизни всё, что хочу – я это заслужил. А ты на меня не обижайся: я тебе правду говорю – и про тебя тоже, какую тебе больше никто не скажет. Мне и жену твою жалко – что ты ей дал в жизни?

– Ты бы свою лучше пожалел, которую бросил, – жёстко сказал я.

– Что жена – старая толстая тётка... У меня знаешь сколько баб было? Тысячи. Не веришь? Твоё дело... А я говорю – тысячи... А она меня, как женщина, никогда не удовлетворяла...

– Ну, а дети? – не унимался я. – У вас ведь дети. Я сына твоего знаю – хороший, как будто, парень...

– Дети – чужие люди...

– Мои мне – не чужие, – возразил я.

– Чужие – чужие... Ты их просто не знаешь или, как всегда, врешь себе... Не надо вообще никаких детей – они только ме-

шают в жизни. И жениться не надо. Живи – как хочешь и с кем хочешь... Я так и живу...

Выпили ещё по одной, и я засобирался домой: мне начинал надоедать этот театр абсурда под названием «Что у трезвого на уме – у пьяного на языке». Тем более, что слушать пьяные откровения миллионера было всё тяжелей, и не только психологически, но и просто слышать: пришли цыгане с гитарой и бубнами, завертелся хоровод. Миллионер вскакивал из-за стола, пускался с ними в пляс, бросал на поднос деньги...

– Ухожу, – сказал я миллионеру, – домой надо.

– Я тебя не отпускаю, – отвечал он, – я тебе ещё не всё рассказал...

– Да уж куда больше, – сказал я негромко, но он услышал и снова заговорил:

– А ты знаешь – какая у меня подруга? На двадцать лет моложе! Я её по объявлению нашёл... Но это сейчас не важно. Я её с собой беру, за границу... Ты вот пузо отращиваешь, а на меня посмотри! – миллионер поднял рубашку от Армани и похлопал себя ладонью по плоскому загорелому животу. – Мы, знаешь, как трахаемся! По четыре раза в день... Она визжит от восторга, когда мы это делаем, я ей иногда рот ладонью закрываю, чтобы не услышали... Слушай, а давай я тебе её покажу! Ко мне поедем – увидишь заодно, как люди живут.

Идея была безумная, но я подумал: почему бы не довести сегодняшний фантасмогорический вечер, вернее, уже ночь, до абсурда? Да к тому же я ещё никогда не был дома у миллионеров...

На выходе из зала нас ждала девица с подносом в руках, на котором стояли две рюмки водки и было по крошечному маринованному огурчику на двух блюдцах.

– Как вы любите! – повторила, лучезарно улыбаясь, она, опять назвав миллионера по имени-отчеству. – Вы уж, пожалуйста, не забывайте нас, заходите!

После «посошка» мы зашли в туалет, где миллионер деловито сходил по-маленькому не в унитаз, а в раковину для мытья рук... И, упреждая мои расспросы, пояснил:

– Работал когда-то в одной фирме, привык, теперь всегда так делаю...

Когда сели в такси, миллионер не сразу мог назвать адрес – водителю пришлось уточнять его у диспетчера. По пути заехали в магазин, куда был послан водитель с наказом купить бутылку водки и десять бутылок пива («Четырех хватит» – шепнул я, когда он выходил). Водитель вернулся с двумя пакетами и протянул миллионеру сдачу, тот отмахнулся:

– Подожди, ещё не все!

Подъехали к дому, огороженному по периметру решеткой. Ворота были закрыты, но из сторожки выглянул охранник, увидел через приспущенное стекло такси жильца и впустил машину. У подъезда миллионер сказал водителю:

– Возьми пакеты, донесешь до кухни.

Водитель вскинулся было, но услышав: «А сдачу оставь себе!» – послушно взял их и пошёл за нами. Сдачи, кстати, оставалось по моим прикидкам с десяти тысяч тенге больше половины.

Мы поднялись на пятый этаж, хозяин позвонил, ему открыли, и мы вошли в пустую прихожую...

Миллионер снял свои туфли, я – свои, за пять тысяч тенге и стал их сравнивать – мои мне нравились больше... Тут я вдруг обнаружил, что носок на моей левой ноге – с внушительной дыркой и выставил вперёд правую ногу. Где-то вдали, метрах в десяти, маячила худенькая, похожая на подростка, невысокая женщина в футболке и коротких шортах.

– Вы извините, – начал было я, увидев на стене часы, показывающие почти двенадцать часов... И попытался убраться назад ногу в дырявом носке.

– Не за что, не за что, – бесстрастно ответила она, – у нас это уже целую неделю продолжается.

– «На кухню неси, на кухню!» – сказал миллионер водителю, не обращая никакого внимания на наш несостоявшийся разговор с его подругой. – До утра пить будем! – это он сказал уже мне. – А пока пойдём – квартиру тебе покажу...

Жалко, что я плохо её рассмотрел: ванную с джакузи, душевой кабиной и унитазом, где у одной из стен выстроилась шеренга пар из десяти женских туфель на высоких каблуках; просторный холл, размером с волейбольную площадку; спальню с застеленной кроватью, на которой вполне можно спать

вшестером; лоджии, с которых открывался вид на ночной город и на реку; кухню, украшенную в русском стиле, с балалайкой над входом...

Еще раз зашли в собственно туалет, в котором, кроме унитаза, была ещё и раковина, но расположенная почему-то выше, чем обычно.

– В эту тоже «ходишь?» – спросил я.

– Нет, высоко же, неудобно, – нисколько не обидевшись, ответил миллионер.

Подруга, которую он хотел мне представить, всё не появлялась. Я понял – нам тут не рады и потихоньку смылся, пока миллионер чем-то занимался на кухне. Боялся, что он позвонит охранникам, и они тормознут меня на выходе. Но обошлось. Мне даже такси вызвали...

...В завершение скажу, что свой миллион (а теперь, может быть, миллионы) мой герой не украл, а заработал, создав новый для провинции и теперь процветающий бизнес.

Ко мне, считал я, он всегда относился хорошо...

Наверняка он думает, что я ему завидую. А мне его жалко... Ведь я его помню совсем другим человеком.

ПОВОРОМ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

«ХОЧЕШЬ, Я ТЕБЕ МАЛЬЧИКА РОЖУ?»

Васька Притыкин потерял невинность поздно, почти в девятнадцать лет. И случилось это в совхозной столярке, на продавленном, шишковатом диване, обшитом потёртым и потерявшим былой вид дерматином. В столярке Васька работал плотником, его обязанностью, кроме прочих, было убирать в ней, и поэтому у него был свой ключ.

Столярку он любил: здесь ощущался свой, особый уют – всегда пахло опилками, свежей сосновой стружкой, чуть-чуть скипидаром и столярным клеем. А на диване плотники курили, и Ваське, тогда ещё не курящему, нравился запах папиросного дыма, в котором перемешивались ароматы «Примы» и «Прибоя», «Севера» и махорки... «Беломор» у мужиков считался роскошью.

Сюда Васька и привёл ночью старшекурсницу областного пединститута из работающего в их селе студенческого строительного отряда... Студенты, в основном парни, строили для совхоза новую кошару и двухквартирный дом, а несколько девчонок были у них на подхвате – штукатурили, белили, красили. И одна как-то пришла в столярку – попросила сделать деревянные козлы, с которых можно белить потолки и верхние части стен. Бригадир, не старый ещё мужик, не потерявший вкуса к жизни, оценивающе взглянул на стоящую к нему боком стройотрядовку в туго обтягивающих её джинсах и крикнул в сторону визжавшей с переливами циркулярки:

– Притыкин! Где ты там?

Васька выключил пилу, подошёл, отряхивая с себя опилки.

– Вот, даю вам Василия, – сказал девушке бригадир, – но только до обеда. Вдвоём, надеюсь, справитесь? – А Ваське подмигнул – но так, чтобы она не видела: не робей, мол, парень.

Работа была, в общем, пустяковая... Васька уточнил лишь высоту будущих козел, быстро отобрал подходящие доски и брусья и начал орудовать ножовкой и топором – другие инструменты тут не требовались. Васька всё делал молча и быстро, стараясь лишней раз не смотреть на «заказчицу», которая, напротив, поглядывала на него с неким интересом.

– Как это ловко у вас получается, – сказала она – будто похвалила.

– Да тут большого ума не надо, – отвечал Васька, приостанавливаясь, и, уже не таясь, рассматривал стройотрядовку. Она была хороша собой – стройная, ладно скроенная, чуть-чуть рыжая, короткостриженная, загорелая.

– Вас Василием зовут? – спросила она, хотя уже слышала его имя. – А меня Люба. Будем знакомы! – И первой протянула ему руку. Ладонь у неё была маленькая, рукопожатие – настоящим, крепким, почти мужским. И Ваське оно понравилось.

Больше они почти не разговаривали – подошла стройотрядовская машина за козлами. Васька наскоро сбил обухом топора конструкцию, демонстрируя высший плотницкий шик и вгоняя гвозди двумя-тремя ударами. Потом сам отнёс козлы в кузов.

– Ну, спасибо вам, Василий! – сказала она. – Приятно было дело иметь с мастером.

– Да не за что, – смутился он, не зная, что отвечать.

– Надеюсь, увидимся ещё! – она опять, уже с улыбкой, протянула ему руку, которую он с удовольствием подержал в своей.

Она уехала, а Васька потерял покой: всё время перед глазами была она, работа валилась из рук, и он даже пораньше отпросился домой.

Конечно, у него были увлечения: в школе заглядывался на одноклассниц, а к одной даже питал тайную симпатию, о чём та даже не догадывалась. Его же, молчаливого, застенчивого, конопатого, девчонки не примечали... И, к своему стыду, он даже ни разу по-настоящему не целовался... Игра в «бутылочку» после выпускного вечера, когда его кто-то из одноклассниц чмокнул в щёку, не в счёт... И он уже почти смирился со своим одиночеством... В институт поступал – не поступил, осенью в армию идти, а он даже подруги не сумел завести... И тут такая встреча!

На следующий день, в субботу, стройотрядовцы устраивали вечер отдыха в совхозном клубе для всех. Пришёл и Васька, робея и выглядывая новую знакомую в клубящейся толпе студентов и местной молодёжи. Уже начались танцы, народу

в фойе клуба, где играл проигрыватель, набилось – не толкнуться. Но её он увидел сразу: она была в тонком белом свитерке с короткими рукавчиками, плотно облегающем её грудь, и тёмной юбке чуть выше колен, открывающей загорелые икры.

Васька вряд ли осмелился бы подойти к ней – она сделала это сама, когда объявили дамское танго.

– Разрешите, старый знакомый? – приветливо спросила она и, словно боясь получить отказ, уточнила: – Вы ведь танцуете?

– Я и вальс могу, – внезапно осмелев, сказал Васька и шагнул ей навстречу. Следующим был как раз вальс, в который они плавно перешли из танго, и Васька закружил её так, что она шутиливо заметила:

– Да вы, я вижу, не только по плотницкой части мастер...

Ночью он провожал её к совхозному общежитию, отданному на лето стройотрядовцам, и лихорадочно соображал – как бы договориться о будущей встрече и сделать это половчее, чтобы не напороться на отказ. Она молчала, и уже пора было прощаться, когда он спросил:

– Вы ведь завтра до обеда работаете?

– До двух часов, – уточнила она. А что?

– Да у нас тут одно озеро есть, красивое, там и искупаться можно, – он говорил, а она, до этого как будто занятая своими мыслями, ждала, что он ещё скажет. И Васька решился:

– Хотите – съездим?

И услышал в ответ:

– Почему бы и нет? А на чём?

– У меня мотоцикл есть, – зачастил Васька, – он, правда, старый уже, но надёжный... Вы к стройчасти подходите – я туда подъеду... Часа в три нормально будет?

– Договорились! – заключила она и снова, как вчера, протянула ему свою маленькую крепкую руку.

Дома Васька долго не мог уснуть, ворочался, встал чуть свет, протёр чистой тряпкой старенький «Ковровец» и пошёл на работу – стройчасть тоже работала до обеда.

За ней он подъехал, когда трёх ещё не было; она чуть-чуть опоздала. Была снова в джинсах и лёгкой футболке. Васька пе-

реживал: вдруг откажется ехать на таком «транспортном средстве». Но она лишь спросила:

– А держаться я буду за что?

– Тут ремешок есть, – показал ей Васька, – ну, и за меня ещё можно...

– Тогда – вперёд! – весело сказала она.

«Ковровец» не подвёл – завёлся с полуоборота, и скоро они, выскочив из села, уже пылили по накатанному просёлку... Мимо полей с поспевающей пшеницей, подсолнухов, поворачивающих свои шляпки вслед за солнцем, берёзовых колков и низин с зарослями ракиты...

Она сидела за Васькой, держась сначала руками за его бока, а потом продвинула руки дальше, скрестив их у него выше живота и иногда касаясь грудью его спины. Он их чувствовал, эти прикосновения, от которых у него будто крылья прорастали и радостно становилось на душе... И ему было так жалко, что ехать не очень далеко. И он чуть-чуть хитрил, то поддавая газу, то притормаживая, всякий раз ощущая её невольные (а, может, отчасти и вольные) касания...

Им повезло: на озере никого не было. Оно появилось совсем недавно – сюда, в низину, стекала по неглубокому жёлобу вода из пробуренной несколько лет назад на пригорке артезианской скважины; налилось целое озеро, уже поросшее по берегам камышом. А там, куда подходил жёлоб, можно было купаться.

Пока Васька пристраивал мотоцикл, она успела раздеться и, оставшись в открытом купальнике, стояла у воды, осторожно, как кошка, трогая её ногой.

– Да, вы не бойтесь, вода тут тёплая, – крикнул ей Васька, – она из скважины идёт горячая, больше тридцати градусов.

Сам он не раздевался, смотрел на её литую фигуру, тонкую в талии и округло расширяющуюся в бёдрах, на загорелые икры, узкие щиколотки...

– А вы что же? – обернувшись, спросила она.

– Купайтесь, купайтесь! – отвечал Васька, вспомнивший, что под брюками у него чёрные сатиновые семейные трусы...

Она долго, с удовольствием, плескалась: плавала, ложилась на спину, раскинув руки и разбросав в стороны ноги... Она

как будто говорила ему: «Посмотри, ведь хороша же я – не так ли?».

И она действительно была великолепна, когда выходила из озера, вся в капельках воды, и над головой её, как нимб, стоял диск склоняющегося к закату солнца. Васька смотрел на неё и задышался от восторга...

Когда они в сумерках возвращались обратно, она, уже не стесняясь, прижималась к нему сзади всем телом, и, казалось (а, может, это ему только казалось), несколько раз коснулась губами его шеи.

Было совсем темно, когда он подвёз её к общежитию, в котором ярко светились окна. И пока он ещё сидел, держась руками за руль «Ковровца», подошла к нему спереди, обняла за голову и, чуть отстранившись, поцеловала в губы...

– Это тебе за сегодняшнее, – шёпотом сказала она, впервые за три дня назвав его на ты, и побежала к крыльцу. Полуобернулась и добавила: – До завтра!

Они виделись теперь каждый день, вернее, каждую ночь, и у них уже было всё, кроме самого главного – чего у него ещё никогда не было. Он и хотел этого, и боялся. И все последние ночи думал об этом во время объятий и поцелуев, когда они принимали друг к другу так, что казались единым целым... Он уже видел и целовал её упругую налитую грудь, ласкал обнажённый прохладный живот, а она уворачивалась, смеясь и говоря, что ей щёкотно...

Однажды спросила:

– Слушай, а у тебя есть куда пойти?

И он сразу понял – о чём она, и повёл её в столярку, где пахло опилками, сосновой стружкой и столярным клеем. Они долго целовались, пока она, остановившись, не начала раздеваться и, взяв его за руку, потянула её к себе в низ живота. И он стал подчиняться ей... Но дальше всё у него случилось так быстро, что, как он много позже сам определил, – «случилось, не успев начаться...».

Оглушённый и раздавленный, он лежал ничком и готов был заплакать от стыда и бессилия. А она гладила его по спине, целовала в спину и шептала:

– Это ничего, так бывает... Я биолог... Я знаю...

И она сделала Ваську в ту ночь мужчиной. Чувство стыла куда-то отодвинулось, возникло какое-то новое ощущение – полноты, радости жизни и огромной благодарности к ней...

Она была старше и опытнее, деликатно и ненавязчиво учила Ваську премудростям любви, не таясь, рассказывала о мужчинах, которые у неё были раньше. Васька ревновал её к ним, сердился, а она только смеялась:

– Глупый, мне так хорошо с тобой... Меня даже качает временами от радости. А тебе со мной разве плохо?

Целовала его в мочку уха, горячо дышала в шею и говорила:

– А хочешь, я тебе мальчика рожу? Назовём его Миша и будет у нас Михайло Васильевич – как Ломоносов.

А лето шло к концу, стройотряд свои объекты заканчивал, и студентки-отделочницы тоже готовились уезжать. И вышло так, что уехали даже раньше, чем намечалось. Ваську в тот день отправили на дальнейшее отделение совхоза, где ремонтировали школу к началу занятий. А студенткам подвернулась оказия – шла пустая легковая машина в областной центр...

Бригадир, и раньше дававший Ваське понять, что он знает об их со стройотрядовкой ночных утехах, утром следующего дня сказал ему:

– Твоя вчера забегала – хотела попрощаться...

Васька молчал – он уже знал, что она уехала, и сейчас ненавидел бригадира, хотя вообще-то его уважал...

– Ты извини, что так вышло, – развёл руками не привыкший извиняться бригадир, – но кто же знал...

* * *

Они сидели вдвоём, на заднем сиденье «Жигулей»...

– Ну и стерва ты, Любка, – сказала ей стройотрядовка-однокурсница, когда они выехали с просёлка на трассу, ведущую в город.

– Может быть, может быть... – Любка отвечала как будто совсем не обижаясь, а размышляя вслух. – Но ты сама подумай – что он может мне дать? Свою деревню – с коровой и огородом впридачу? Да ему, кстати, осенью в армию идти... А мне надо жизнь устраивать, искать другие варианты. Зачем же мне его обнадёживать?

– А ты подумала – каково ему теперь будет? Поматросила и бросила... Даже не попрощалась по-человечески...

– Ничего – переживёт, – по-прежнему задумчиво, будто самой себе, а не подруге отвечая, говорила Любка. – Поболит-поболит – да и отсохнет. А что не попрощалась, может, даже лучше.

– Быстрее забудет, что ли? – наседала подруга.

– Не лезь ты ко мне сейчас, – отмахнулась Любка, – закури лучше дай.

– Ты же вроде бросила? – удивилась подруга.

– Бросила-не бросила – тебе какое дело? – уже раздражаясь, ответила Любка. – Сигарету дай.

Умело размяла протянутую сигарету, жадно затянулась и с усмешкой жёстко закончила неприятный для обеих разговор:

– Забудет, говоришь? Ну, это вряд ли... Он меня всю жизнь помнить будет!

И это была правда: Васька отслужил, закончил институт, завёл семью, детей... С женой жил душа в душу, ни разу не изменив ей... Но иногда вдруг накатывало – вспоминалось: совхоз, столярка с её запахами, продавленный шишковатый диван и горячий смешливый шёпот:

– Хочешь, я тебе мальчика рожу?

ОЧЕНЬ ЖАЛЬ

Сначала пришла открытка, в которой она писала, что едет в свой первый отпуск и хотела бы по пути заглянуть к нему... «Если ты, конечно, не возражаешь...», – было приписано в конце её аккуратным округлым почерком отличницы.

Год назад они окончили университет, он теперь преподавал историю и обществоведение в техникуме, а она ту же историю в средней школе. Он жил в промышленном городе областного подчинения, где был даже аэропорт, а она в райцентре, в соседней области.

Открытка выбила его из колеи... Он пытался звонить ей, но безуспешно, и места себе не находил... Что-то в его душе хоть и отболело, но ещё не ушло. Он верил и не верил в то, что она приедет, и побаивался её приезда: у него жена и дочь, она, по слухам, собиралась замуж... «Зачем едет, что я ей скажу, как

мне себя вести, где её поселить?». Жильём своим он пока не обзавёлся, поэтому квартировал по-холостячки в студенческой общаге своего техникума, а жена с грудной дочерью жили у её родителей в деревне. Жёну он любил и ценил – ради него она пошла на многие жертвы, оставив учёбу в институте и всю прежнюю ровную, беззаботную жизнь... Из-за неё он тоже переживал: сказать ей или не сказать, предупредить заранее или потом сообщить? А что сказать, что сообщить, жена ведь не знает, что у него было до неё...

«А что было-то? – усмехнулся он своим мыслям. – Ну да – влюбился без памяти, и та об этом знала и вертела им – как хотела. Держала при себе – как на верёвочке... Ну, целовались, хмельные, на общежитском балконе после её дня рождения, и шептала она ему бессвязно, что он самый лучший, что таких больше не бывает... Но никаких признаний в любви с её стороны не было... Может быть, она ждала его признаний... А сама, между прочим, крутила то с бородатым филфаковским поэтом, то с разбитным старшекурсником-ловеласом едва ли не на глазах у всех, хорошо зная, как он при этом страдает... Когда он женился, она однажды сказала соседкам по общежитию: «Да если бы я захотела, он бы и теперь на коленях ко мне приполз!».

Неожиданно пришла провожать его на вокзал, когда они, закончив институт и уже получив направление на работу, разъезжались... Ничего не было сказано в тот вечер, кроме обычных дежурных слов. Он стоял в тамбуре, а она внизу на перроне, с глазами полными слёз, и столько всего читалось в её прощальном взгляде – горечи и отчаяния, невысказанной любви и нежности... А, может, и не было ничего этого, может, это ему только казалось...

С тех пор они не виделись, обменявшись лишь новогодними открытками. И вот она едет... Вслед за открыткой пришла телеграмма: «Буду пятнадцатого, рейс 1513».

В практически пустой аэропорт он приехал минут за сорок до прибытия самолёта и сразу пошёл к справочной, где стояло несколько человек. Когда подошла его очередь, кто-то тронул его сзади за плечо. Он недовольно обернулся и увидел её:

– Вот прилетели раньше, одну посадку пропустили, – сказала она, – я уж думала – ты не приедешь...

Он, столько готовившийся к встрече с ней и никак не ожидавший именно такой встречи, растерянно молчал.

– Ты не рад мне, что ли? – она как будто была вполне довольна произведённым на него эффектом. – Здравствуй! – и поцеловала его в щёку.

– Куда повезёшь меня? – спросила она, когда они вышли на привокзальную площадь.

– Да есть тут одно место, – уклончиво ответил он, – на автобусе поедем или на такси?

– На автобусе, на автобусе, ты ведь человек семейный, деньги считать должен, – напомнила она о том, что их разделяет.

Меньше, чем через час, они уже входили в холостяцкую, слегка запущенную квартиру.

– Твоя? – удивлённо спросила она, и, чуть осмотревшись, сама засомневалась: – Вообще-то непохоже, семейного уютя не наблюдается...

– Это моего сослуживца квартира, – сказал он, – уехал в отпуск, а ключи оставил мне. Сам живу в общежитии, а семейство – у тёщи в деревне... Ну, давай обедать будем или, вернее, ужинать...

Он достал из холодильника заранее припасённые огурцы, помидоры, сыр и колбасу, сливочное масло, и они вдвоём, по-студенчески быстро, соорудили закуску.

– Ещё есть картошка, хочешь сварим? – спросил он.

– Молодая? – оживилась она. – Я молодую люблю, давай сварим...

Поставили на плиту картошку. Он вытащил из холодильника бутылку шампанского, сказал, что ещё коньяк есть...

– Я тебе тоже коньяк везла, – развела руками она, – но мои провожатые и его, гады, выпили. Подожди... Я сейчас. – Открыла свой чемодан и достала из него толстый том:

– Это «Наполеон» академика Тарле. Ты ведь когда-то очень интересовался Наполеоном...

– И теперь ещё, – пробормотал он, растроганный и подарком, и памятью...

Они выпили шампанского, и она стала с аппетитом есть, а он с удовольствием смотрел, как она это делает.

– Ты извини, я такая голодная, с утра ничего не ела, – виновато сказала она, видя, что он к еде почти не притронулся. – Как там, кстати, наша картошка?

Потом пили чай с домашним клубничным вареньем, вспоминали институт, общежитское житьё-бытьё, однокурсников. Говорили о работе... Он своей был, скорее, доволен, не расстался с мыслью о диссертации; а она своей была недовольна, говорила, что школа, похоже, не для неё... О главном же не было сказано ни слова...

Шампанское было выпито. За кухонным окном давно сгустились сумерки. Ночь была сухая, душная, он открыл окно. Она быстро вымыла посуду, помогла ему убрать со стола, и они пошли из кухни в комнату, где стоял раскладывающийся диван, телевизор и небольшой столик с единственным креслом возле него...

– Где я буду спать? – спросила она.

– Здесь, на диване...

– А ты?

– И я, – после некоторой паузы ответил он.

– Приставать ведь будешь, – больше утвердительно, чем вопросительно, сказала она.

– Буду... Наверное...

Она ничего не ответила – словно ещё ничего не решила и, попросив у него полотенце, ушла в ванную.

– О, у вас и горячая вода есть, – услышал он из-за двери её голос, – хорошо живёте!

Обратно вышла умытая, свежая, в одном лёгком халатике, сама взялась застилать уже разложенный диван чистыми простынями. Она делала это неторопливо и деловито – как будто готовить для них двоих постель было для неё вполне привычным делом.

Он, холодея, с бьющимся сердцем, следил за этими неспешными приготовлениями – растерянный, ни в чём не уверенный, ни к чему не готовый...

– Чего ты затих? – закончив, сказала она. – И не гляди на меня так... Отвернись... И свет выключи...

Он услышал, как что-то зашуршало, как скрипнул, отозвавшись на её тело, диван. И потом её голос:

– Иди ко мне...

Глаза его чуть-чуть привыкли к темноте, и ещё лился в окно сквозь прозрачные шторы бледный свет полной луны, наполняя комнату таинственным мерцанием. Он увидел её, укрывшуюся до подбородочка простынёй, только загорелые руки лежали поверх, и на негнущихся ногах пошёл к ней, сняв рубашку и брюки. Она подвинулась, освобождая ему место на краю, и он неуверенно лёг, не смея придвинуться к ней. Она это сделала сама, укрыв и его своей простынёй, и он сразу почувствовал её всю. Кожа у неё была сухая и горячая, а грудь, на которую она сама положила его руку, совсем маленькая для её тела – была прохладная. На ней оставались только шёлковые трусики с тугй резинкой. И когда он сделал неловкое движение, чтобы освободить её от них, она мягко, но решительно отвела его руку.

– Нет-нет, нельзя нам с тобой, – прошептала она, словно отвечая на его немой вопрос, – не хочу грязи между нами... Просто обними меня...

У них ничего не было той ночью... Он так любил её (любил, любил!), что не смог пойти дальше того, о чём она попросила. И после очень жалел об этом – о том, что не пошёл дальше... Может, потому ещё, что она, собиравшаяся побыть у него несколько дней, уехала уже на следующий, не попрощавшись. Он на пару часов отлучился, а когда пришёл, её уже не было. Осталась записка под чашкой недопитого остывшего кофе:

«Родной мой! Спасибо тебе за великодушие. Я уезжаю, потому что не могу брать чужого, потому что испытываю чувства, какие, наверное, испытывают нищие, побирушки и воры. Да, я могла быть тебе женой и матерью наших детей... Могла, но не стала... И я не знаю, кто из нас двоих в этом больше виноват. И что теперь говорить об этом? Прости меня и прощай!».

Он стоял отупевший, убитый, и, может быть, впервые в жизни жалел, что не может заплакать...

Встреча

Телефонный звонок раздался утром в воскресенье. Трубку взяла жена и крикнула ему, пьющему на кухне в одиночестве чай:

– Это тебя!

Звонила женщина, незнакомая, но говорила как-то уж очень по-свойски. Он, слегка раздражаясь, ждал, что она, наконец, назовёт себя, и когда услышал: «Что, так и не узнаёшь? – суховато ответил: «Нет». Звонки и посетители порядком надоели ему на работе, и он не любил, когда малознакомые, а подчас и вовсе незнакомые люди «доставали» его дома в выходные.

– Татьяна Семёновна Шувалова, – послышалось в трубке, – хотя теперь у меня другая фамилия... – Она говорила теперь не столь уверенно, с остановками. – Помнишь такую? Или забыл давно, ты ведь, говорят, большим человеком стал...

– Танька! – ахнул он. – А ты где?

– На вокзале...

– Так приезжай!

– Я не могу, у меня поезд скоро... Да ещё сумки...

– Ну жди тогда – я быстро!

Ещё бы ему не помнить Таньку, по которой он тайно страдал ещё с седьмого класса. Хотя кто только не страдал по ней... Девчонки в ту послецелинную пору выросли раньше парней. Вот и с их одноклассницами стали вдруг происходить какие-то превращения, особенно с некоторыми. Они были вроде те же самые и уже не те – у них появлялись формы, которых прежде не замечалось; все эти бьющие в глаза выпуклости – там, где их прежде не было; появлялось лёгкое важничанье – как осознание пробуждающейся в них новизны... Чёрт знает что ещё в них проявлялось, не вполне понимаемое мальчишечьей половиной, но уже волнующее её...

А Танька выделялась и среди «самых-самых», к тому же парней-одноклассников не жаловала – на неё, восьмиклассницу, заглядывались ребята постарше, девятиклассники и даже десятиклассники. Была ли она красавицей? Наверное, нет... Но было в её облике что-то такое, что, как магнитом, тянуло к ней взрослеющих представителей противоположного пола.

Она и теперь стояла у него перед глазами: крупнотелая, девически округлая, светлоглазая, с копной пышных, слегка вьющихся непокорных стриженных волос цвета спелой соломы...

«Это же сколько лет прошло, как мы последний раз виделись? – соображал он, выходя к ожидающему у подъезда так-

си. – Лет пятнадцать? Нет, больше – двадцать два или двадцать три года... Да, двадцать три... Я ещё тогда в первый раз напился...».

Тогда, много лет назад, ему казалось, что Танька всё же выделяла его из всех, кто обращал на неё внимание. Вряд ли это было так на самом деле... Но какие это были счастливые минуты: они вдвоём – у него дома. Она сидит за круглым столом, покрытым красной плюшевой скатертью с кистями... Перед ней тетрадка и ручка. Он стоит сзади и диктует:

– Пушкин спрашивает у своего героя:

*Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете юных лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?*

Она записывает, он наклоняется к ней, заглядывая через плечо и едва касаясь щекой её волос, и у него сладко ноет сердце...

– Так, записала? Юный пишется через одно «эн»... Пиши дальше...

И Пушкин сам отвечает:

*Нет, рано чувства в нём остыли –
Ему наскучил света шум...*

Она перестаёт писать, мечтательно закидывает назад свою голову в обрамлении волос, которые ему так нравятся и пахнут чем-то неземным, и говорит:

– И чего это ему так рано наскучило? Мне бы, наверное, не наскучило...

– Ты не отвлекайся, пиши, мы ещё только на середине.

Ему нравится роль её наставника и устроителя будущей четвёрки за сочинение по «Евгению Онегину»... И он, конечно, не понимает (а, может, догадывается, но не хочет себе в том признаваться), что интересуется её лишь в этом качестве... Впрочем, всё это не имеет для него никакого значения... Они вдвоём, вместе, одни, и это самое главное...

Восьмой класс они заканчивали уже без неё. Её родители перебрались в сибирский городок. Недалеко, чуть больше сотни километров, но другая область и другая, у неё, во всяком случае, жизнь...

Она писала ему – обычные, товарищеские письма, где бегло рассказывала о себе: учусь, класс – так себе, записалась в аэроклуб, будем прыгать с парашютом... В этих письмах не было ни малейшего намёка на их особые отношения, на какие-то чувства, но он так ждал её писем, надеясь неизвестно на что...

А однажды она приехала на день рождения к подруге, их однокласснице. И он тоже был приглашён... И увидел, что она ещё больше расцвела... И снова на что-то надеялся... Но выпил – впервые в жизни – водки, решив доказать – прежде всего ей – что уже взрослый... Делал всё вроде правильно: выпивал, задерживал дыхание, занюхивал... Он не помнил точно, сколько всего выпил, как вдруг почувствовал, что перед глазами у него всё плывёт и медленно кружится... Вышел на свежий морозный воздух (была уже поздняя осень), и ему стало ещё хуже... Кое-как дошёл домой, лёг – и опять всё кружилось перед глазами, куда-то плыло...

На следующий день они уже не увиделись – она уехала. Они вообще больше не виделись. Сначала письма от неё ещё приходили, а потом их семья снова переехала, он поступил в университет, и они потеряли друг друга... Но светлое чувство первой влюблённости продолжало жить в нём многие годы. И вот...

В почти пустом зале ожидания железнодорожного вокзала он сразу увидел её, вставшую ему навстречу... И не узнал... Перед ним была располневшая женщина лет сорока. Он искал в ней хоть что-то от той, чей образ так долго хранил в памяти, и не находил. Даже её волосы, которые ему так нравились, поблекли, утратили пышность и уже не вились... Рука, которую она ему протянула, была пухлой, пальцы – с коротко стриженными, небрежно покрашенными ногтями...

– Как ты нашла меня? Как поживаешь, чем занимаешься? – спросил он, чтобы как-то начать разговор.

– Еду от родни из... – она назвала городок, где когда-то жила. – Узнала, что недавно и ты там был с делегацией – в газете написали... Живу в Джамбуле... Работаю, – чуть запнулась, предвидя вопрос, – в торговле...

Он кивал в ответ, рассеянно слушая и не зная, о чём ещё спрашивать. И вдруг увидел в затемнённом окне, у которого они

стояли, своё отражение – мужчины, которому за сорок, с наметившимся животиком и явно обозначившейся лысиной... «Что, интересно, она подумала, увидев меня такого?» – спросил он себя мысленно, а вслух спросил другое – полуутвердительно:

- Замужем? Дети есть?
- Двое – сын и дочь... А у тебя?
- Трое, сыновья...

Мало-помалу завязался разговор: о бывшем целинном совхозе, где они когда-то жили, об одноклассниках, разбросанных по городам и весям, о которых он ещё что-то знал, а она почти ничего... И ещё о том-о сём, ему, в общем, совсем неинтересном. Кроме, может быть, одного – кто её муж. Он спросил, она ответила, что давно с ним в разводе...

Потом они ещё выпили кофе в буфете, он проводил её на поезд и пешком пошёл домой. Разгулялся ясный морозный день, на улице так хорошо дышалось... Идти было не очень далеко, и на подходе к дому он уже почти не помнил о недавней встрече...

ПЕСНЯ

Эта большая картонная коробка уже много лет кочевала из комнаты в комнату, наполняясь бумагами разного свойства. Он складывал в неё всё то, что не находило сиюминутного применения, но, казалось ему, может пригодиться в будущем... Старые, не полностью «отработанные» журналистские блокноты, наброски материалов, не ставшие полноценными статьями и очерками, газетные вырезки, диктофонные кассеты с использованными и неиспользованными записями и прочий хлам, который для работы так и не понадобился.

Он сам не знал – зачем хранил всё это, отжившее и по сути ненужное... Чем-то это старьё было ему дорого...

Было время – он тешил себя надеждой, что вернётся к этому своему архиву и, может быть, даже напишет книгу о времени, в котором ему довелось жить, и о себе... Но год проходил за годом, он рос по службе, всё больше отходил от собственно журналистских дел и писал всё меньше и меньше, постепенно привыкая к мысли, что редактору солидной городской газеты самому писать вовсе не обязательно.

Последним пристанищем коробки стал угол их супружеской спальни, за просторной кроватью. Теперь же, когда они с женой затевали ремонт квартиры, «хранилищу древности» и здесь было не место.

– Или ты разберёшься со своим хозяйством, или я сама всё выброшу! – сказала ему субботним утром жена, отправляясь в магазин за новыми обоями для спальни. Он перетащил коробку из спальни в комнату, где стоял его рабочий стол, сел возле неё на маленький стульчик, оставшийся от выросшей и живущей теперь в другом городе дочери, надел очки и принялся перебирать своё запечатлённое в разных видах прошлое...

Он вытаскивал пожелтевшие листы, исписанные его мелким и тогда ещё разборчивым почерком, бегло просматривал и без сожаления бросал их рядом с коробкой. Так же поступал со старым блокнотами, оставшимися после командировок, и газетными вырезками... Ничто из того, чем он жил когда-то, не трогало теперь его душу.

Лишь один листок, исписанный меньше, чем на треть, остановил его внимание... Это было начало рассказа с названием «Нежеланный»...

«Я не должен был родиться... У отца с матерью уже было двое детей и появление третьего никак не входило в их планы. К тому же родители не очень ладили и подумывали о том, чтобы развестись. А тут – я в ближайшей перспективе и совсем некстати. Мать пошла делать аборт, но, оказалось, уже поздно – срок большой. Она была в шоке и долго не могла примириться с мыслью о третьем... Но пришло время, и родился я – нежеланный...».

«А что, неплохо, кажется, я писал тогда-то», – довольно хмыкнул редактор, уже не помнивший о том, что в этом рассказе должно было быть дальше, и отложил листок в сторону от бумажной горки, предназначенной на выброс.

В коробке, опустошённой почти наполовину, дальше лежали поверх бумаг диктофонные кассеты. Какие-то, с надписями былых бесед с былыми героями его журналистских материалов, он без сожаления приобщил к ненужному. Туда же бросил сначала ту, на которой было написано «Песня»... Выбросив оставшиеся кассеты, взялся было опять за бумаги... Но что-то заста-

вило его остановиться, найти кассету с надписью «Песня». «Что за песня?» – подумал он. – Послушать, что ли?».

Он не сразу вспомнил, где диктофон, которым давно не пользовался, но всё же нашёл его, подивившись тому, что батарейки ещё работают. Вставил кассету, включил на прослушивание и сразу узнал этот грудной, ни на чей непохожий голос, с лёгкой милой хрипотцой:

Над лесом малинным и тёмным,
Над ветками мокрых берёз,
Огромным малиновым полем
Рассвет поднимался и рос...

Пела она... И он тут же вспомнил, как долго уговаривал её спеть, убеждая, что это будет и лучшим подарком ему, и лучшей памятью о ней... И весь этот длинный день, как-то очень быстро перешедший в ночь, вспомнился ему так ясно, будто это было вчера...

На ту встречу с коллегами-редакторами, устроенную по поводу юбилея одного из них, он лететь не собирался и позвонил ей – она работала в дальнем районе этой области, спросил с некоторым вызовом:

– Хочешь меня увидеть?

– У тебя, несмотря на большую загруженность, появилась возможность уделить мне немного времени? – засмеялась она, напомнив ему его же шутку из студенческих времён.

Это была байка из журнала «Крокодил», пользующаяся в его устах неизменным успехом.

Два студента, прожившие пять лет в одной общаге, расставаясь, клянутся, что никогда не забудут друг друга и своего студенческого братства. И – так складывается их жизнь, что один оказывается в провинции, а другой в Москве, причём, быстро идёт в гору. Друг-провинциал, собираясь через несколько лет в Москву, спрашивает в письме у однокашника – может ли у него остановиться? «И ты ещё смеешь спрашивать, змей!» – отвечает тот. История повторяется ещё через несколько лет, и ответ примерно тот же: «Конечно, старина!». Ещё через несколько: «Приезжай». А ещё через пять лет пришёл ответ на фирменном бланке: «Тов. такой-то! В связи с большой загруженностью приложу все усилия для выделения вам времени».

– Хорошая у тебя память, – засмеялся он, – хотя на этот раз всё, скорее, наоборот: это я прошу тебя, невзирая ни на какие обстоятельства, уделить мне хоть сколько-нибудь времени...

И, чтобы сократить возникшую в разговоре паузу, добавил:

– Меня в аэропорту встретят... А увидеться можем в гостинице...

– Я сама тебя встречу, – услышал он наконец, и вопрос – лететь-не лететь – отпал сам собой...

...Самолёт был старый, АН-24, пассажиров немного, и он, устроившись у иллюминатора, стал смотреть вниз, где в сизой дымке проплывали светлые заплата убранных пшеничных полей с неровными строчками копёшек, оставленных комбайнами; темнели разбросанные островки уже голых берёзовых колков; картинно смотрелось большое, розовеющее на солнце солёное озеро с белыми, как только что выпавший снег, берегами...

И эта умиротворяющая красота внизу, и мерный, с переливами, шум самолёта, и будущая встреча навевали воспоминания...

Университет... Сельхозработы... Общага... Они и познакомились в колхозе, на табаке. Работа была не очень трудная, но малоприятная: горчайший липкий сок, остававшийся на руках после сбора табачных листьев, нельзя было отмыть никаким мылом... И девчонкам пришлось на месяц с лишним забыть про ухоженные ногти... Работали обычно в поле, весь день, а тут их группу послали на сушку – нанизывать на нитки большие табачные листья и подвязывать под большим навесом...

Сидели большим кругом, в центре которого был навален ворох листьев, и почему-то больше молчали. И вдруг она, не самая бойкая (её голос вообще слышали редко), запела – ту самую песню, с простоватыми, незатейливыми словами, которые почему-то тронули его душу:

Малиновки тенькали звонко,
Девчонка пошла по грибы.
Она улыбнулась и только,
Ничуть не замедлив ходьбы...

И он, будто прозрев, увидел – какие большие и тёмные у неё глаза, какое милое лицо, как она загадочно, словно сама себе, улыбается...

Оказалось, она тоже деревенская, и они земляки, из одной сибирской области, и она тоже успела до университета поработать в районной газете.

– Выходит, мы с тобой больше, чем родня, – шутливо заключил он, узнав всё это.

– Не возражаю, – засмеялась она.

Отношения их развивались не быстро... Хотя какие там были отношения... Он сох по ней, и она это знала, но сама никаких шагов к сближению не делала. Может, ждала их от него, может, ждала своего принца, на роль которого он не слишком подходил. Он тоже ждал – неизвестно чего, надеясь, вот-вот и что-то произойдёт... При этом она выделяла его из всех и как будто дарила надежду, но не более того...

Однажды они небольшой компанией отправились на выходные в горы, с ночёвкой. День был чудный – почти по-летнему тёплый, места – изумительно красивые: по обеим сторонам дороги тянулись цветущие яблоневые сады, склоны гор розовели – то зацветал на них дикий урюк. Всё вокруг радовало глаз, после дымного шумного города легко, вольно дышалось. Все были беспечные и веселы. Он шёл рядом с ней, говорил о каких-то пустяках или просто молчал; иногда их плечи и руки соприкасались; случалось, он подавал ей руку, помогая перешагнуть горный ручей, перепрыгнуть с камня на камень, перебраться через упавшее дерево. И от всего этого, от того, что вокруг было столь удивительно, неправдоподобно красиво, душа его наполнилась тихой беспечной радостью.

К вечеру стали устраиваться на ночлег. Разбили палатку – одну на всех, разложили большой костёр, вытащили из рюкзаков нехитрую магазинную снедь, купленные вскладчину бутылки портвейна...

И опять они оказались рядом, и он чувствовал своим плечом её упругое плечо, и не столько сам ел, сколько следил за тем, чтобы её не обделили чем-нибудь за этим стремительно пустеющим столом. И ему было радостно, когда она брала всё, что он ей подавал, – ела азартно, с удовольствием.

На горы быстро спускалась тёмная южная ночь, светились неправдоподобно яркие и крупные звёзды. Снизу, из ущелья, тянуло прохладой и сыростью. Пора было устраиваться на ночлег.

Она ушла вместе с другими в палатку, а он остался у костра, желая хоть немного продлить очарование этого удивительного дня, так много подарившего ему. «Смотри, останешься без места», – стали кричать из палатки. Он сгрёб в кучу догоревшие угли и пошёл к остальным.

Место ему досталось посредине – как раз напротив входа. И снова – о чудо! – она оказалась бок о бок. И опять он испытывал ни с чем не сравнимое блаженство – боясь пошевелиться, лежал не дыша.

Все долго не спали, говорили, смеялись, но усталость, наконец, сморила и самых неутомимых. Он не засыпал дольше других, потом всё же стал забываться, как вдруг ему почудился шёпот и странный задыхающийся звук. Сперва он никак не мог понять, что это такое. Но звук повторился, и его уж ни с чем нельзя было спутать – это был звук долгого поцелуя. Целовались рядом с ним – с той стороны, где была она. Он с холодной отчётливостью понял, что происходит, и ему стало трудно дышать. Он пытался вдохнуть и не мог: ему было больно и стыдно. Рядом продолжали целоваться, и он был не в силах больше это переносить. Он разом, резко сел, и сразу рядом повисла испуганная тишина.

Он вышел из палатки к едва тлеющему костру... Скорее автоматически, чем осознанно, стал подкладывать в него тонкие прутики и легонько дуть. Когда костёр снова занялся, ему стало легче. Он понял, что надо делать. У него был костёр, и самое главное – дров хватит до утра. А ещё есть чай, оставшийся после ужина в закопчённом ведре.

Потом он стал сам себе читать стихи и петь песни – все, какие знал, но утро всё не наступало, и тогда он стал рассказывать сам себе содержание книг, которые читал... А когда на ещё тёмном небе начали проявляться очертания далёких горных вершин, он тронулся в обратный путь. В оставленной им записке было всего три слова: «Я должен уйти». Он шёл быстро, не оборачиваясь, и рассвет застал его почти на половине пути.

Утро наступило серое, туманное, горы были угрюмы и сумрачны. Ночью кое-где прошёл дождь, тропа местами раскисла, идти было неудобно... Потом он долго ждал автобус на конечной остановке, а когда тот наконец пришёл, он всю обратную дорогу не мог унять противную мелкую дрожь в теле.

Уже в городе, по пути в общежитие, он зашёл в гастроном и купил на оставшуюся до стипендии пятёрку бутылку вина, полбуханки хлеба, банку дешёвых консервов.

Когда он открыл своим ключом дверь, у него немного отлегло от сердца – в комнате общежития никого не оказалось. Сбросив отсыревшие грязные рифлёнки, он наскоро умылся и присел к столу. Нарезал хлеб, открыл консервы, а когда взялся за бутылку, дверь распахнулась. На пороге стоял его сосед по комнате. Это было совсем некстати – он не хотел сейчас видеть никого, но сосед уже заметил бутылку, радостно оживился и, потирая руки, быстро направился к столу.

– По какому поводу гуляем? Что за праздник?

– Праздник... – усмехнулся он. – Да нет, скорее похороны, – помолчал и добавил: – вернее сказать – поминки.

Сосед изобразил скорбную физиономию.

– А умер кто?

– Один человек – ты всё равно не знаешь, – сказал он и взялся за бутылку, – давай второй стакан...

...Он пытался вычеркнуть её из сердца и не мог. Попытался не замечать её, но как тут не заметишь, если каждый день встречаешь в аудитории, а их комнаты в студенческой общаге напротив...

Он с ней не заговаривал, и она не делала попыток объясниться... Сталкиваясь, просто здоровались...

А потом была свадьба у однокурсника, на которой их, наверное, специально посадили рядом. А ему ещё неожиданно досталась роль тамады. Он говорил положенные слова сам, предоставлял тосты, выпивал, показывая пример и не успевая закусывать, и к концу свадьбы набрался так, что не помнил – как оказался в общаге... За окном уже серел рассвет, и он не увидел даже, а почувствовал, что в комнате есть ещё кто-то.

– Кто тут? – хрипло спросил он, не узнавая своего голоса.

Тихо прозвучало в ответ:

– Я.

– Зачем? – спросил он, поражаясь собственной глупости.

– Тебя привезла, – просто сказала она и, помолчав, добавила: – Ждала, пока в себя придёшь... Сейчас я тебе компресс сменю, – она протянула руку за влажным полотенцем, лежащим у него на лбу. Он перехватил её руку, прижал к щеке и подумал: «Хорошо, что ещё темно, а то она увидела бы, как я плачу...».

Отношения их после той ночи стали налаживаться. И всё же что-то очень важное, может быть, самое главное, в них уже нарушилось. Он сам себе, наверное, не мог объяснить, что сломалось...

Как бы там ни было, его признаний она так и не дождалась. После университета он женился, а она вышла замуж... И с годами забылись, больём поросли старые обиды, нанесённые ею... Они даже какое-то время переписывались, а потом перестали...

И вот он летел к ней, сам не зная зачем, с удивлением ощущая бывшее волнение...

Её он увидел, едва сошёл с трапа, – она стояла у входа в здание аэровокзала, в стороне от стайки встречающих. Он подошёл и подивился тому, как она похожа на артистку Людмилу Чурсину её лучшей поры.

– Какой ты... стал, – сказала она, внимательно оглядывая его.

– Какой?

– Основательный... Редактор...

– Не преувеличивай, – ответил он и шагнул ей навстречу. – Давай обнимемся, что ли...

Она чмокнула его в щёку, а он ткнулся губами ей куда-то в ухо...

У неё была машина с шофёром, на которой они приехали в гостиницу. Здесь его уже ждали, но он сказал встречающим, что сегодняшний вечер проведёт сам.

– Вижу, какой это будет «сам», – негромко сказал ему организатор встречи, отдавая ключи от номера.

Они вдвоём немного побродили по центру городка, уютному, какому-то очень домашнему, и вернулись в гостиницу. В ресторан не пошли, поднялись в номер. Он достал из дипломата

прихваченную из дома бутылку коньяка, шоколадку, яблоки, металлические рюмочки в кожаном чехольчике...

– А я хотела тебе курицу зажарить, с яблоками, – сказала она, – и не успела...

– Да я не голодный, – отмахнулся было он, но тут же поправился: – хотя интересно было бы попробовать... Должна будешь...

Он открыл бутылку, плеснул в крохотные рюмочки коньяка:

– Ну, за нашу встречу!

– За встречу! – эхом ответила она...

...Уже о многом было переговорено – о прошлом и настоящем, об однокурсниках и семьях – и, казалось, не о чем больше говорить, когда он попросил её спеть.

– Как спеть? – растерялась она. – Что спеть?

– Песню, которую ты нам пела на табаке...

– А что я пела? Не помню...

Он речитативом, чуть нараспев, прочитал ей несколько строк...

– Ну, ты и вспомнил! – удивилась она. – Я её, наверное, с тех самых пор не пела...

– Спой, – ещё раз попросил он, – а я на диктофон запишу и буду дома слушать, тебя вспоминать...

Она отнекивалась, но он был настойчив, налил ей ещё одну рюмку коньяка, и она, собравшись с духом, сначала неуверенно, а потом, смелея, выводила:

Малина, малина, малина...

А ветры гудели трубя,

И таял рассвет, как малина,

На тёплых губах у тебя...

Ты помнишь, ты помнишь?

Малина манила меня...

Потом она порывисто встала со стула, подошла и села к нему на колени, прижалась грудью к его груди, обняла за шею.

– Поцелуй меня! – прошептала. – Только по-настоящему...

И сама потянулась лицом к его лицу, ища губами его губы... И они целовались так, как никогда ещё не целовались друг с другом. Как будто истомившись жаждой, пили родниковую воду и никак не могли напиться.

А потом она плакала, уронив голову ему на плечо, и причитала – чуть не по-бабьи:

– Ну почему у нас с тобой всё не как у людей было? Почему мы не вместе? Почему ты тогда ещё, в университете, не взял меня за руку и не сказал: «Моей будешь!». Я же готова была. Я всё ждала... Я любила тебя... И теперь ещё... – она не договорила и опять заплакала.

Он вытирал ей слёзы своим платком, говорил какие-то слова, пытался шутить:

– Ну, ну... Платок уже мокрый... Я его теперь и стирать не дам – буду хранить твои слёзы...

Она успокаивалась понемногу, и он стал думать о том, как бы поделикатнее предложить ей остаться и не обидеть при этом...

Зазвонил телефон, спрашивали её, мужской голос.

– Да-да, – сказала она в трубку, – скоро поедем. Жди. –А ему пояснила: – Это водитель, мне ехать надо...

– А я думал останешься, – разочарованно протянул он.

– Очень хочу остаться, – спокойно и даже чуть отрешённо ответила она. – Но не могу: муж в командировке, а дочь дома одна... Я ей обещала...

Помолчали и она добавила – не столько оправдываясь, сколько объясняя:

– Ты не думай, мы с мужем хорошо живём и человек он хороший... Но вот увидела тебя... – Запнулась и будто себе самой приказала: – Ну, всё-всё, а то опять разревусь...

Они обнялись – уже по-дружески, он вышел её проводить до машины. Давно наступила ночь – осенняя, прохладная... Пахло прелыми листьями...

Она уехала... Он стоял один, в чужом городе, и с отчаянием думал, что в такой ситуации лучше уезжать, чем оставаться. И ещё думал о том, что ему как-то надо дожить до утра...

* * *

Вернувшись домой с ворохом обоев, жена застала его сидящим с магнитофонной кассетой в руках у раскрытой и наполовину опустошённой картонной коробки.

– Взятся, наконец, – удовлетворённо заметила она, – а я образцы обоев принесла, иди, посмотри...

Прощальный привет

Виктора Фёдоровича Гребенюка трудно было вывести из себя. К своим пятидесяти трём годам он, пройдя по всем ступеням чиновничьей лестницы, приобрёл такую выучку, что давно не принимал ничего близко к сердцу, научился смотреть на происходящее отстранённо, как бы со стороны. Он давно был на чальником областного масштаба, умел подчинять себе других, ладить с начальством, выстраивать отношения с подчинёнными.

Но в то утро он никого не хотел видеть: неожиданно получил нагоняй от руководства, сорвался на некстати позвонившую жену... Предстоял ещё неприятный разговор с одним из замов, которого Виктор Фёдорович хотел уволить, а тот, имеющий поддержку наверху, уходить не хотел... Гребенюк сидел и прикидывал: прямо сейчас поговорить или взять паузу, а то ведь сам «на взводе»...

Зашла секретарша:

– К вам молодой человек...

– Кто такой?

– Не говорит... Говорит, что по личному...

– А нельзя ли его как-то спровадить? – Гребенюк никак не был настроен для разговора «по личному», да ещё с чужим человеком...

– Да я хотела, но он говорит, что ему очень надо, что будет ждать...

– Ладно, зови!

Вошёл парень лет 30, подтянутый, темноволосый, в джинсах и рубашке с открытым воротом... Поздоровался... Сел.

Гребенюк попросил его представиться...

– Это не важно, – сказал парень, – я к вам по поручению... – Запнулся, подбирая нужные слова, и твёрдо закончил: – по поручению мамы...

Гребенюк ничего не понимал...

– Вы знали? – парень назвал фамилию, имя, отчество и, видя, что хозяину кабинета это ничего не говорит, подсказал: – Вы познакомились в райцентре, в начале семидесятых...

Теперь Гребенюк вспомнил...

– Мама умерла, – сказал парень, – недавно, несколько недель назад...

– Примите мои соболезнования...

– Я не за этим, – останавливая Гребенюка, сказал он, – мама просила передать вам...

И протянул фотографию. На ней был Витька Гребенюк – совсем юный, только что окончивший школу. Он сделал их тогда в райбыткомбинате сразу несколько, уже сам не помнил зачем...

– Это, собственно, всё, – сказал, поднимаясь, парень и пошёл к двери.

Гребенюк сделал попытку остановить его, но парень уже открыл дверь:

– Это всё, – повторил он и добавил фразу, которая потом долго будет звучать у хозяина кабинета в ушах: – На другое я не уполномочен...

– Сколько вам лет? – вопрос был уже в спину странному посетителю.

– Тридцать три, – ответил тот, не оборачиваясь, и вышел...

А Гребенюк сидел и вспоминал, вспоминал, вспоминал...

В детстве он считал себя неудачником. Ему не нравилась его внешность. Он робел в отношениях с ровесницами и не верил, что на него может обратить внимание стоящая девчонка. Нет, он не был ни букой, ни неучем – хорошо учился, много читал, занимался спортом... Но рос с комплексом неполноценности... Может, потому ещё, что не ладили между собой отец с матерью, часто его шпыняли, выделяя из них двоих младшую сестру, которая брата тоже не жаловала... Он был чужим в собственном доме, никогда не звал к себе одноклассников и сам почти ни к кому из них не ходил...

После окончания школы дома его ничто не держало и, не отгуляв и месяца, он уехал из своего села в райцентр, где устроился инструктором в райспорткомитете. Зарплата была совсем маленькая – 80 рублей, но работа его устраивала, тем более, что весной предстояло идти в армию.

Домой он первый раз приехал месяца через три, за тёплыми вещами – осень в тех краях наступает рано... Уже успел соскучиться – и по дому, и по улицам родного совхоза, и по односельчанам... Расчувствовался и пошёл вечером в клуб, на осенний бал, где встретил одноклассницу и даже потанцевал с ней...

Она попросила проводить её после танцев. Настроение у обоих было хорошее. Сентябрьская ночь дышала прохладой – хорошо, всё же, оказывается, дома... И вдруг она спросила: «У тебя есть там кто-то?». Витька даже не понял – о чём она... «Ну, девчонка, подруга? – запинаясь, уточнила она. «Да нет у меня никого, – отвечал он, – кому я вообще нужен?». «А что если я тебе скажу – что ты мне нравишься?». Витька взялся её разубеждать, да ещё с таким жаром: и ошибается она, не за того принимает, и не нужен он ей... Говорил это, говорил и увидел, что она плачет. А он тогда ещё не знал – что делать, когда люди плачут...

Стал её успокаивать... А она остановилась, ткнулась в него своей мягкой пушистой головкой, едва достав до подбородка...

И больше они не говорили... И не виделись... Через день он уехал... Думал, конечно, о её словах, но ей не верил. Не верил – и всё. Дурак, конечно...

В спорткомитете одной из Витькиных обязанностей были вечерние занятия по спортивным играм с молодёжью. Занятий, собственно, никаких не было – «зарубались» в волейбол, баскетбол, настольный теннис... Играли, пока не надоест, часов до восьми-девяти... Потом Витька собирал спортивный инвентарь и закрывал спортзал. Ему нравились эти субботние и воскресные вечера – сам играл с ребятами и девчатами... Особенно теннис любил, в котором у него было лишь два-три настоящих соперника.

С одним из таких он в тот вечер и схлестнулся. Соперник был старше и опытнее, может, даже техничнее, но в тот раз проиграл. А к Витьке подошла девушка, незнакомая, и, слегка смущаясь, попросила – не может ли он и её научить? У Витьки уже был кое-какой опыт по этой части – в школе готовил девочек к соревнованиям... Он сказал, что готов, только вряд ли это возможно в субботу и воскресенье, когда спортзал почти всегда занят, но можно в другие дни, по вечерам...

И они стали играть – почти каждый вечер. Её звали Наташа. Она оказалась хорошей ученицей. У неё была хорошая реакция, она вообще была спортивной: длинные стройные ноги, сильные руки – это и по удару чувствовалось... Потом он разглядел и её глаза – светло-зелёные, со странной поволокой... Словом, она

была хороша собой, и Витька скоро почувствовал, что его тянет к ней: он ждал этих вечеров, маялся, если тренировок у них не было... Не нравилось ему и если, кроме них двоих, в зале был ещё кто-то...

Они стали встречаться не только в спортзале... Бродили по тёмным, занесённым песком улицам, выходили на высокий берег реки, частенько оказывались в старом заброшенном парке... Даже целовались...

Позже он понял, что она играла с ним – как кошка с мышкой. Она была старше и много опытнее... Как он потом узнал – и в любовных делах тоже.

А тогда... Тогда она то позволяла обнять себя так, что он чувствовал своей грудью её маленькую упругую грудь, то вдруг строжилась, когда он касался своей рукой её груди, к которой его, как магнитом, тянуло... То сама целовала его прохладными влажными – вкусными – губами, то вдруг отталкивала...

В ней удивительным образом уживались и дерзость, и нежность, и даже бесстыдство...

Конечно, она давно ждала от него более решительных шагов, а он всё робел – даже тогда, когда впервые увидел её полубожажённой... Хозяйка квартиры, у которой она снимала комнату, куда-то уезжала, и у них появилась возможность побыть вместе у неё дома. Она напоила его чаем и предложила сыграть в карты – но не просто так, а на интерес... И опять же он только позже понял – какой у неё был интерес... К которому он в тот вечер оказался явно не готов.

Играли сначала на желание, и оно всегда оказывалось, независимо от того, кто проиграл, одинаковым – поцелуй; а потом – на раздевание. Проиграл – одну вещь снимаешь, ещё раз – другую. В результате она, подыгрывая ему, скоро оказалась в одном халатике, из-под которого, опять проиграв, как-то очень ловко вытащила и лифчик... Проиграла ещё раз и распахнула передо ним верхнюю часть халатика, показав два мраморно белых холмика с розовыми вершинками, парящих на бронзовом фоне загара.

Витька остолбенел, а Наташа засмеялась, обнажив ровные мелкие зубы, запрокинула голову и прошептала: «Это всё цветочки, мой мальчик, а будучи ещё и ягодки!».

Но в тот вечер у них ничего не было – он был не готов – просто не знал, что делать. Она же наверняка была разочарована...

А случилось это через день, у неё же дома, и получилось у Витьки не сразу...

У него сохло во рту и сердце билось как у пойманного воробья... Зимой они обычно ночевали под шиферной крышей их деревенского дома; осветил фонариком – и делай с ним, что хочешь. Возьмёшь такого воробья в руку, а сердце у него стучит так, что вот-вот выпрыгнет... Вот и он был – как тот воробей... Делай с ним, что хочешь...

Потом, правда, Витька и сам разошёлся, а, когда уже уходил, Наташа сказала: «Ну и заездил ты меня сегодня – аж покачивает...». Он шёл домой и перед глазами у него была она вся: её смуглое тело спортсменки, с неширокой белой полосой на груди, не тронутой загаром, упругий живот с открывшейся ему тайной в его низу, сильные, твёрдые ноги, ласковые умелые руки. Вся она была какая-то ладная, будто бы созданная для любви...

Они уже давно забросили свои занятия теннисом, а все вечера проводили вместе, ходили в кино, на танцы...

«Добрые люди» уже не раз давали Витьке понять, что он у неё далеко не первый и что вообще зря с ней связался... Но что ему было до этих советов и пересудов – он упивался новой, вдруг открывшейся ему стороной жизни. Он даже про дом забыл, а про одноклассницу если и вспоминал, то как-то вскользь, отстранённо: ну сказала она какие-то слова, но он ведь ей всё объяснил, разубедил, кажется...

Была ли это любовь? Да нет, конечно... Гормоны, как теперь модно говорить, играли... Но тогда... Тогда он ни одной ночи не мог прожить без неё... Она была неплохо образована (работала в больнице медсестрой) и много чего порассказала ему о мужчинах и женщинах... Витька этих разговоров стыдился, робел, а она таким уже знакомым ему движением запрокидывала голову, смеялась и становилась ещё желаннее...

Хулиганила иногда... Раз исцеловала ему шею так, что на ней даже следы остались. Она-то знала, что они будут, а он нет... Это ему утром хозяйка сказала, баба Поля, у которой он

жил: ты, мол, в зеркало на себя посмотри – как она тебя разукрасила! Он увидел, покраснел... А баба Поля, поджав губы, добавила, что не нравится ей его девица: «Окрутила тебя, а ты и радуешься как дурак!». И Витька даже пожалел, что приводил Наташу к себе и знакомил с хозяйкой, которая очень хорошо к нему относилась, но сразу предупредила, чтобы в её отсутствие тут никаких баб...

Всё ему было нипочём! Она же ему новый мир открыла... Говорит как-то: «Что-то меня подташнивает сегодня...». «Заболела?» – спросил он. «Глупый ты, глупый, – как всегда засмеялась в ответ, – это же потому, что мне хорошо с тобой было...».

А однажды она, как бы между прочим, сказала ему, что «залетела»... «Что значит «залетела»? – глуповато спросил я. «А то и значит – беременная я... Или ты не знал, что от того, чем мы с тобой занимаемся, дети бывают?».

К такому повороту событий Витька, конечно, не был готов. Думал, может, пугает его или вовсе ошибается... Не на шутку испугался и стал под разными предлогами её избегать... Но разве можно спрятаться друг от друга в небольшом райцентре... Она опять стала приходить в спортзал, даже играла иногда, а он всё высматривал – заметно по ней или незаметно? Ничего заметно не было, и он себя успокаивал: наверное, нет ничего, наверное, она всё придумала...

А однажды она перехватила его после вечернего киносеанса, с которого Витька, увидев в зале её, чуть не бежал к дому, где жил, и где, опередив его, ждала на улице она... Хотела поговорить, но он ушёл, хотя правильнее будет сказать – сбежал...

Потом Витьку призвали в армию, и ему написали месяца два спустя, что Наташа уволилась с работы и уехала... Думал ли он о ней там? Думал... Но не часто – армия не то место, где много думают, а это ещё учебка была, когда новобранцев гоняли, как сидоровых коз... Испытывал ли угрызения совести? Не без этого... Но не так, чтобы очень... А потом всё куда-то отодвинулось, стало забываться...

Хотя (это Витька уже много позже понял) без неё он, наверное, не стал бы тем, кем стал, потому что именно она помогла ему поверить в себя, в то, что никакой он не неудачник...

Было ли что у него с одноклассницей? Нет, не было... Ей про его райцентровскую любовь, конечно, доложили, и она о своих чувствах к нему никогда больше не говорила... Не пришла и в армию провожать... Наверное, даже хорошо, что не пришла... Что бы он ей сказал?

И свою первую он тоже никогда больше не видел...

* * *

...Парень давно ушёл... Зачем-то заходила секретарша, которую хозяин кабинета не слышал и только жестом давал понять, чтобы ушла... Звонили телефоны на столе... Селектор включался... А Виктор Фёдорович Гребенюк сидел и высчитывал: «Ему тридцать три, значит, родился он в... А мы с ней когда? Что же я не спросил, в каком месяце он родился? Кто он вообще? Чем занимается? Он что, мой?..».

НЕШТАТНИЦА

Контора располагалась в старом бревенчатом доме, уже почти век стоявшем на глинистом фундаменте и заметно осевшем на один угол. Между продубленных сибирскими ветрами, морозами и летним зноем брёвен кое-где ещё торчали сохранившиеся невесть с каких времён серые клочки моха или пакли, которыми затыкали щели.

С одного бока к дому лет десять назад была пристроена холодная, глухая пристройка – что-то вроде веранды, только без окон. Зимой пристройка пустовала, а летом немногочисленные сотрудники районной газеты без устали гоняли здесь железные шарики на покрытом чёрным пыльным сукном маленьком бильярдном столе.

Другой достопримечательностью веранды был деревянный топчан, чем-то похожий на верстак, на котором покоилось сиденье от дивана, без боковин и задней стенки.

На этом самом диване и сошлись пути водителя редакционной конторы Серёги Хвостова и одной его знакомой. Случилось это «невзапно», как она, нештатница газеты и местного радио, потом уверяла... Серёга иногда возил её по заданию редактора на старом редакционном ГАЗ-69, в простонародии именуемом «бобиком»; они разговаривали, но «ничего такого» между ними не намечалось. Пока однажды, после редакционной вечеринки

по случаю то ли неожиданной премии, то ли чьего-то дня рождения, им двоим выпало заметить следы несанкционированной гульбы (редактор газеты не пил сам и не поощрял выпивок в конторе, потому и угощались на веранде). В награду за труды Серёге и нештатнице оставалась опустошённая наполовину бутылка дешёвого портвейна.

Навели порядок, выпили остатки портвейна, и Серёга засобирился домой... Наступала ночь...

– Постой, – сказала нештатница и откровенно оценивающе посмотрела на Серёгу, – надеюсь, ты мужчина?

– Не понял... – растерялся Серёга. – Ты в каком смысле спрашиваешь?

– В том самом, – усмехнулась она, – в прямом...

– Ну... Так... Естественно, – с расстановкой, нарочито небрежно отвечал Серёга, ощущая противную слабость в ногах. Опыт общения с женщинами по этой части у него был невелик. Точнее, практически не было никакого, за исключением одного, не слишком успешного случая, тоже по пьянке, о котором он не любил вспоминать...

Плохо помнил он, как всё случилось в первый раз и тут. Топчан скрипел, лежать им двоим на сиденье от дивана было неудобно, Серёга всё время думал о том, как бы не свалиться на пол...

– И это всё? – спросила нештатница, когда обессиленный Серёга сполз с неё и пытался хоть как-то пристроиться рядом.

Серёга пристыжено молчал...

Потом всё у них наладилось... Ночные встречи на веранде она называла «час быка», а его – «мужчина мой сладкий». В любви она была настойчивой, цепкой и всегда добивалась своего. Она была главной во время их близости, сосредоточенной на себе и своих ощущениях. Как наездница лошадь, вела и пришпоривала его... Серёге это даже нравилось, он и сам становился увереннее. Однажды, на пике их отношений, она, как неживая, лежала рядом и шептала:

– Я мокрая... как мышь... Тебе неприятно, да?

Как непохожа она была в ту минуту на страстную, едва не до безумия, женщину, какой была только что...

Их встречи длились недолго... Но Серёга всю жизнь помнил и эти безумные ночи, и стремительную – летящую – походку нештатницы, когда чёрная длинная юбка змеей вилась вокруг её ног..

КУДА УХОДИТ ЛЮБОВЬ

Ей восемнадцать лет... Она говорит:

– Мне всё в нём нравится – его волосы, руки, голос... Всё-всё... Как он небрежно одет – этим он отличается от других, в этом я вижу его независимость...

Мне нравится, что он курит недорогие крепкие сигареты – это выбор настоящего мужчины.

Я люблю его грубоватую речь и насмешливый тон... Слушая его, я им люблюсь...

Вчера мы вместе были на субботнике – сажали деревья. Мне нравилось смотреть, как ловко и умело он обращается с лопатой – умеет работать! Я была рядом и от него так хорошо, так вкусно пахло – здоровым потом, табаком и чуть-чуть портвейном...

Мне нравится даже то, что, оказывается, он не умеет целоваться... У нас ещё не было ничего, но я так счастлива находиться рядом с ним!

Она же, двадцать лет спустя, его жена и мать двоих детей:

– Недавно я поймала себя на мысли, что меня всё в нём раздражает... Мне не нравится, что он так следит за своей внешностью, что он изысканно, со вкусом одевается... Мне даже запах дорогого французского одеколona, которым он пользуется, неприятен.

Мне не нравится его новая служебная иномарка, его вышколенная длинноногая секретарша, которая знает три языка...

Меня раздражает его патологическая организованность, его безукоризненные манеры, правильная, чёткая речь. Иногда даже думаю: ты такой правильный, хороший, безупречный, что аж противно... Хоть бы раз сорвался, загулял, запил!

Есть ли у него другие бабы? Не знаю... Не думаю... Хотя мне это как-то всё равно...

И как же он мне надоел со своей «любовью по расписанию» по вторникам и субботам!

Подруги мне говорят: «Дура ты! Такой мужик рядом: дом – полная чаша, одевает тебя как куклу, не пьёт, не гуляет... Что тебе ещё надо? С жиру бесишься...».

А я и сама не знаю – что мне надо... Знаю лишь, что его – не надо...

ГЛУХИЕ

Когда-то им нравились даже недостатки друг друга, а теперь и достоинства раздражают. Между когда-то и теперь – их жизнь... Попробуем её представить с двух сторон.

Он:

– Можно сказать, она сама меня выбрала, пошла при этом против воли родителей, не побоялась пересудов... Я был виноват перед нею – не сразу ответил на её чувства, но зато потом делал всё, чтобы ей со мной было хорошо.

Уже через год после института квартиру получил, когда другие ждали годами...

Всегда хорошо к ней относился, не обижал, на престижную работу устроил...

Ни она, ни дети наши ни в чём не нуждаются...

А она... Она мне как будто мстит за свой давний выбор, за то своё благородство, за то, что предпочла меня другим, когда я был ещё никто,... Но я-то ведь и достиг многого, во всяком случае, больше, чем кто-либо из наших сокурсников...

Унижает меня как мужчину – я имею в виду супружеские обязанности. Пока добьёшься от неё взаимности – уже не хочется ничего... Говорю ей: «Ты что, хочешь, чтобы я кого-то на стороне завёл?». «На здоровье, – отвечает, – мне спокойнее будет... Только семейные деньги на неё не трать...». Вот и говори с такой...

Я не говорю, что мы – чужие люди, это не так. В остальном – у нас нормальные отношения. Я пытался говорить с ней «про это». Отвечает: «Мне «это» не надо». А мне как быть, если мне – надо? Ведь мне и пятидесяти ещё нет... «На сторону» никогда не ходил и не хочу идти. Что делать?

Она:

– Была ли любовь? Наверное, была... Хотя и я была молодая, глупая... Мне ещё только восемнадцать исполнилось... А он

казался взрослым, умным, надёжным... И ещё – неприкаянным, что ли... Может быть, это тот самый случай, когда «она его за муки полюбила...». Я первая призналась ему в своих чувствах, а он всё выжидал чего-то и уже потом стал добиваться меня, когда я прервала наши отношения...

Потом, само собой, постель... Занёс мне какую-то инфекцию... До сих пор помню – с каким презрением смотрела на меня врачаха в поликлинике...

Потом – беременность, аборт, ещё одна беременность... Решили: буду рожать, хотя всё это было так некстати: ни работы у обоих, ни жилья, я ещё учёбу в институте не закончила... Жила то у своих родителей, то у его родни: одиноко, неудобно, тоскливо...

Слава Богу – родила дочь... Ох и намучилась с ней – чем только не болела... Потом сын родился... Я между детьми мечусь день и ночь, да ещё дом – варка, стирка, вечный недосып... А у него один ответ: «Я же работаю!».

Врезались в память два случая, которые не то что отвратили меня от него, но сильно обидели и как-то уж очень притупили чувства... Были с ним в гостях у друзей, с маленьким сыном. Жена его друга хлопочет на кухне, а я с ребёнком... А муж вдруг говорит, причём бесцеремонно как-то, похозяйски:

– Ты не сиди – тоже делай что-нибудь!

Я чуть не расплакалась тогда: так это было сказано грубо и бестактно. И теперь ещё вспоминаю: «Не сиди – делай что-нибудь!».

Второй раз я сильно обиделась и долго простить не могла, когда к нам однажды пришли его земляки... Он, как всегда, на работе, позвонил: прими, мол, угости, а я попозже приду... У нас уже двое детей, а гости эти – как снег на голову, в холодильнике – шаром покати (времена-то были дефицитные)... Ну, я картошки начистила, нажарила, маринады какие-то достала, накрыла, как могла, стол... Они сидят, угощаются, какие-то неотёсанные, неопрятные, я с детьми зашиваюсь, и тут, наконец, приходит он и тоже с претензиями: что-то неласково мужа встречаешь... Мне так обидно стало, что я заплакала, и с земляками он уже без меня угощался...

Он обижается на меня, что неохотно исполняю «супружеские обязанности». А у меня к этой стороне жизни неприязнь с детства: я однажды случайно своих родителей увидела за этим занятием – оно мне показалось просто отвратительным... Я давно поняла, что вполне могу обойтись без этого. А ему всё надо... Вот и «иду навстречу» время от времени, сцелив зубы...

Думаю теперь, что он навязал мне чужую – не мою – жизнь... И жить так тяжело, и изменить что-то трудно... У нас ведь дети... Когда-то хотела развестись, но не решилась... Так и маюсь...

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Мне вдруг захотелось написать тебе. Впрочем, вру, – не вру... Все последние дни я только делаю вид, что живу: хожу на работу, где кручусь, как юла, даже устаю к вечеру... Но всё это по инерции, на автомате, будто это и не я вовсе, а кто-то другой. А сам я не знаю где: и не у вас, там, и не здесь, дома, а где-то между...

Что, в сущности, случилось, говоря трезво? Да ничего... Встретились два человека, которые двадцать с чем-то лет назад познакомились и почти двадцать – не виделись... Были дружны когда-то и, может быть, даже чуть более того, но ведь даже ни разу, как следует, не целовались...

Потом жизнь почему-то (почему?) их отдалила, а после института и вовсе развела. О чём, собственно, помнить?

Почему же тогда такой удар молнии, такой ток, такая маята? Ведь всё было в эти два дня так хорошо, так светло, так радостно, и не было опять ничего такого, о чём, может быть, потом пришлось бы жалеть... И мы снова в своих таких разных жизнях...

Как много, оказывается, способна хранить память! Я почему-то совсем не помню, как мы познакомились. Зато так ярко – эпизоды, жесты, фразы и что-то такое ещё, что нельзя ни описать, ни выразить словами. И то, как мы, ещё в абитуриентах, бегали ночью воровать яблоки в домашних садах алмаатинцев, и как ходили зимой на Кокжайляу и ночевали там в палатке... Твою фотографию с надписью: «Покорителю гор и одного сердца!».

И это твоё неподражаемое «Иванов...» – так ты меня называла – со столь разными оттенками, интонациями, смыслами... И эти тёмные, бездонные, как ночное небо глаза, в которые я побаивался смотреть...

Да мало ли ещё что хранит память... Этот неподражаемый жест, когда ты запрокидываешь голову перед тем, как засмеяться... А как трепыхалось моё сердце, когда ты сидела на моей кровати в нашей комнате без света и держала меня за руку...

И холодок отчуждённости между нами... Откуда пошёл он и кто тому виной? Наверное, я сам был виноват в этом, потому что вовремя не отозвался на твою, чаще всего ироничную, а порой и грубоватую нежность...

Знаешь, мне грех жаловаться на судьбу. Я состоялся в профессии и, как говорил один из моих институтских друзей, не последний слон в этом стаде. У меня хорошая семья – прекрасная жена и, слава Богу, хорошие дети. У меня много друзей (ты ведь знаешь, что я умею дружить), и я повидал мир...

Почему же меня так взволновала, взбудоражила, выбила из колеи наша с тобой недавняя встреча? Нам ведь даже не удалось поговорить толком – всё какие-то случайные люди кругом, пустые разговоры, политес... Хотя какое это имеет значение... Мне было так хорошо в эти несколько часов, проведённых рядом (увы, не вместе!) с тобой, как, наверное, не было никогда в жизни... Твоя рука, схваченная у запястья белой сорочкой... Никогда не думал, что это может быть так непередаваемо красиво... Это безупречное чувство стиля и чувство меры, эти сдержанность и достоинство, этот неповторимый мягкий и такой родной юмор... Наверное, таким и должно быть истинное совершенство...

Зачем я пишу тебе всё это? Я сам не знаю... Мне ничего от тебя не нужно и я ничего не жду. Может быть, потому, что самое лучшее в моей жизни уже случилось.

Спасибо!

ОЛЯ

Она появилась у нас в четвёртом классе, сидела за партой передо мной, и я всегда мог сколько угодно любоваться этим чудом...

Она была так хороша, просто прелесть, что казалась пришелицей из неведомого мира. Нежное, чуть бледное личико с большими голубыми глазами, светлые волосы, разделённые на пробор и заплетённые в крохотные косички с двумя пышными белыми бантами. Белый же, всегда отутюженный фартучек поверх коричневой школьной формы... Изящные лакированные башмачки...

И портфель для тетрадок и книжек у неё был такой, какого не было ни у кого: красивый, изящный, с привязанной к его ручке чернильницей-непроливайкой в специальном матерчатом чехольчике.

Она была не просто, а божественно красива, в её облике было что-то неземное, ангельское.

Любил ли я её? Какая любовь может быть в четвёртом классе! Но, может, именно тогда я впервые, сам того не понимая, ощутил: какое это чудо-женщина, даже если она – маленькая девочка. И этот дивный образ до сих пор живёт во мне. Наверное, потому ещё, что она проучилась с нами недолго, уехав с родителями в другое место.

БЛЁСТКИ

Характеристика

– У неё ещё только груди проклюнулись, а она была уже женщиной!

Увертюра

Он был начальником колонии строгого режима, а она следователем прокуратуры.

Он у неё спрашивал:

– Ты меня любишь?

– А по какой статье? – невинно интересовалась она. – По сто первой?

Такая у них была увертюра...

Обида

– Она не жила со мной, а будто паслась – как корова на лугу. Даже во время «этого дела»: ты её имашь-имашь, а она пасётся и пасётся, будто её это не касается...

Правильный выбор

– Родня не хотела, чтобы я шла за него. Мать, тётки, старшие сёстры говорили: «Дура ты, Дашка, дура!». А я отвечала: «Ну и пусть!».

И никогда потом не пожалела...

Тайна искусства

Странная вещь: в старых советских фильмах нет не только постельных сцен, но и вообще ничего «такого», кроме, может быть, поцелуев и то лишь обозначенных... А чувства есть... В нынешних же всё «про это» показывают – во всех видах и позах, а чаще всего не трогает – скорее, неудобно становится, особенно если смотришь не один...

Недосказанность, может быть, главное в искусстве...

Прозрение

Одноклассница рассказывала:

– В восьмом и девятом классах я была буквально без ума от Васьки М. Он казался мне таким значительным, мужественным... Я с ума сходила, а он меня не жаловал...

И вот мы школу закончили, я поехала поступать в институт, сдала экзамены, ещё не зная, буду ли зачислена... И вдруг он приезжает ко мне, мы всю ночь вдвоём бродим по городу, говорим... И у меня будто пелена с глаз падает: «Какая же я дура! Как могла влюбиться в этого недалёкого, неотёсанного, самолюблённого индюка...».

Он стал мне не только безразличен – я его презирала. И он навсегда ушёл из моей жизни. А я стала иначе к себе самой относиться – как будто, наконец, цену себе узнала... Хотя у меня в то время ещё не было никого.

В очереди...

С.П. Шевченко рассказывал мне, как влюбился в девочку, стоя в бесконечной очереди за хлебом (случилось это в военные годы). Заговорить, познакомиться с ней было просто невымыслимо... Счастьем было стоять рядом с ней в этой очереди, в которой, казалось ему тогда, он был готов простоять всю жизнь...

Кино и записка

Близкий человек рассказывал: «Я влюбился в неё в седьмом классе. И самыми счастливыми – благодатными минутами – в моей жизни были полуторачасовые сеансы кино в нашем совхозном клубе. Я бы, конечно, никогда не позволил себе сесть с ней рядом... Я занимал место позади неё в следующем ряду и всё время, пока шло кино, смотрел не на экран, а на её «под мальчика» стриженную голову, тонкую шею с пушком золотистых волос. Хорошо, что в зале был полумрак, и никто не видел, как я люблю её».

Однажды я осмелился и написал ей письмо с предложением дружить – писал в тайне от всех, на чердаке нашего дома. Я написал его красными чернилами, долго-долго думал – как же мне его передать – и, наконец, на перемене, последним выходя из класса, сунул записку в один из её учебников, оставленный на парте.

Она мне не ответила... Я так страдал!

Школу, так вышло, я заканчивал уже в городе, и увиделись мы через десять лет, на вечере встречи выпускников. Передо мной была зрелая, красивая, уверенная в себе женщина... Но ничто в ней не напоминало ту девочку, по которой я страдал... И я не стал ей ничего говорить ни о тогдашних своих чувствах, ни о записке с призывом дружить...».

Страшная месть

– Когда она отвергла меня на втором курсе, я невероятно страдал... И мечтал... Пройдут годы, и я стану не просто известным, а знаменитым... И приеду в их посёлок на огромной чёрной лакированной машине. Мы встретимся, конечно, и будем идти по улице... Я скажу ей, что у меня мало времени, и машина, на которой я приеду, будет медленно и почти бесшумно ехать за нами. И тогда она, наконец, поймёт – кого потеряла...

Наивность и глупость несусветная – скажете вы. Почему она будет жить именно там? С чего я решил, что буду успешным и знаменитым, а она – наоборот. При чём здесь машина – у кого их и каких только сегодня нет?

Пусть так, пусть глупость и наивность... Но тогда я именно так представлял себе эту страшную месть...

Тайное признание

Летний вечер у неяркого костра. Они двое – чуть-чуть поодаль от всех: она сидела, а он полулежал, опершись на ствол сваленного недавней бурей тополя.

Девчонки пели:

Ты у меня одна – словно в ночи луна,
Словно в степи сосна, словно в году весна.
Нету другой такой ни за какой рекой,
Ни за туманами, дальними странами...

И вдруг он почувствовал на своей голове её маленькую, лёгкую, совсем ещё девчоночью руку, которая стала медленно перебирать пальцами его волосы... Он сразу даже не понял, что это – она...

В инее провода, в сумерках города,
Вот и взошла звезда, чтобы светить всегда...
– пели девчонки...

А она всё не убирала руку, и ему стало трудно дышать от нахлынувшего и прежде ни разу ещё не испытанного чувства. И ему так хотелось взять её за руку, прижать к губам...

Но девчонки уже почти допели песню...

Комплекс

Он так любил её, что становился бессильным как мужчина в те редкие моменты телесной близости, которые им выпадали...

Рецепт счастья

Друг, у которого были затянувшиеся семейные нелады, однажды с отчаянием сказал:

– Знаешь, сколько супружеских пар стало бы счастливыми, если бы муж и жена боролись не друг с другом, а друг за друга!

Какая это была пара!

Они учились на одном курсе и стояли друг друга. Он был орёл – донской казак, уже избалованный женским вниманием. Она – статная, белотелая красавица, знающая себе цену. Но он был женат и уже родилась дочь, а она была замужем...

Их отношения развивались на наших глазах: он обхаживал её, используя весь арсенал донжуанских средств – от обходных манёвров до любовых атак. Изъяснялись они временами примерно так:

– У вас что, совсем нет сердца, Светлана Ивановна? – страдальчески вопрошал он.

– Ах, оставьте эти ваш шутки, Алексей Павлович! – нарочито обижаясь, отвечала она...

И случилось то, чему суждено было случиться... Им так хорошо было вдвоём, что они даже не считали нужным скрывать это... И ни у кого язык не поворачивался осуждать их за это судьбой подаренное счастье... Они были такой прекрасной парой...

Он уже готов был развестись; наверное, и она шла к этому, хотя всё ещё раздумывала. Надо было что-то решать – они оба заканчивали институт, предстояло распределение... Он уже подбирал варианты – для них обоих... А после выпускного вечера переспал с другой однокурсницей – просто так... Она на него глаз давно положила, а тут к тому же выпили, потанцевали... А потом это и случилось в общежитии, чего, конечно же, ни от кого не скроешь.

Парни отнеслись к грехопадению философски: дело, мол, житейское, с кем не бывает... Однокурсницы дружно подвергли его обструкции. Само собой – и ей донесли. Говорят, он чуть не плакал. Стоял перед ней на коленях... Но она не простила...

После института они виделись всего раз, через несколько лет. Он давно развёлся с женой, она ушла от мужа. Но примирения так и не состоялось...

А какая это была пара!

Учительница английского

– Она была учительницей английского, пришла к нам в школу после института... А я учился в десятом, мне было почти семнадцать. И мы в ту пору уже не только на одноклассниц, но и на молодых учительниц заглядывались... А она была такая, что мужская половина класса смотрела на неё, разинув рты, и о чем только не мечтала... И я исключением не был, хотя на что я мог рассчитывать... Но как-то на школьном вечере она сама

пригласила меня танцевать, поинтересовалась, правда ли, что я хорошо рисую, и попросила нарисовать розу на белом свитере, который мне передаст..

Я помню тот белоснежный тонкий свитер, от которого чуть-чуть пахло духами... Дело предстояло вроде нехитрое, но я весь испереживался, пока нарисовал – только контуры цветка, как она просила... А она сделала по ним вышивку, и когда я её увидел в этом свитере, – обалдел, так она была хороша. И всякая чушь лезла в голову: это же я, своими руками, прикасался к тому, что теперь находится прямо на её груди...

На очередном школьном вечере она опять пригласила меня на танго и спросила: нравится ли мне наша совместная с ней работа? Что-то ещё говорила, шутила, и я, сам не веря себе, подумал: может, у неё ко мне что-нибудь есть? Хотя на уроках она меня никак не выделяла, она вообще всех нас держала в ежовых рукавицах...

А «это» случилось у нас весной. После школьного вечера она спросила: «Проводишь меня, мне кое-что ещё домой отнести надо...». Дала пакет с книгами, и мы пошли, через сад. Была весна, зацветала черёмуха, от запаха которой у меня кружилась голова... Она вдруг остановилась и снова спросила: «А как тебе, кстати, твоя роза в моём исполнении?». Я промывчал в ответ что-то нечленораздельное и услышал: «Хочешь меня обнять?». И тут у меня в голове что-то перемкнуло... Я подхватил её на руки, хоть мне мешал пакет с книгами... Удивился: какая она, с виду как будто хрупкая, оказывается, тяжёлая...

В ту ночь всё у нас с ней было. И ушёл я от неё почти на рассвете. «Никогда ко мне сам не приходи, – предупредила она, – только если позову...».

Утром увидел её в классе – как всегда безукоризненно одетую, собранную, статную... Смотрел на неё и не верил: был ли я вчера с ней или мне это приснилось?

В одну из следующих ночей она мне, смеясь, сказала: «Ты всё же веди себя прилично...». «Что вы имеете в виду?» – смутился я, так и не перешедший в отношениях с ней на ты. «Не пожирай ты меня глазами на уроке, ведь не смотришь, а прямо лапаешь!». «Неужели заметно?» – смутился я. «А то! – отвечала она. – Девчонки ваши уже посмеиваются...».

Встречались мы нечасто и, конечно, втайне от всех... Мне так хорошо было с ней! Я и стеснялся её, и так желал всегда... Наверное, и ей трудно было переступить через грань, разделяющую нас – ученика и учительницу. Помню, когда это происходило у нас впервые, она то прижималась ко мне, то отталкивала... Чуть ли не одновременно это делала... Переживала, конечно: времена были партийно-советские, строгие... Страшно подумать, что было бы, если бы узнали про нас.

А закончилась наша любовь сразу и вдруг. Хотя не вдруг: выпили как-то с ребятами вина, и я сразу пошёл к ней... Но у нас ведь был уговор... А тут я ещё «датый»...

Зашёл... Она так на меня посмотрела... «Ну, вот и всё, – говорит, – ты сам мне помог... Уходи и никогда больше не приходи...». И никогда с того вечера меня к себе не звала и не подпускала. Относилась ровно, спокойно – как ко всем... На устроенную нами вечеринку после выпускного вечера не пришла, хоть мы её, как и нескольких других учительниц, звали...

Мы виделись ещё пару раз, но лишь мельком: «Здрасьте-здрасьте». Я хотел с ней поговорить, извиниться, но видел, что она этого не хочет...

Я потом в институт поступил, а она, отработав положенные по распределению два года, куда-то переехала...

И вот думаю: то, что было у нас с ней, – хорошо это или плохо? Если подойти с точки морали да и общих житейских правил – скорее, нехорошо. Я и сам это понимаю. Но нам-то тогда хорошо было. Мне – точно... Да и ей... Это я к тому, что не всё в жизни можно разложить по полочкам...

Жили-нежили

Она первой призналась ему в своих чувствах и дождалась из армии, хотя вокруг неё – красивой, обаятельной, умной – всегда столько парней вилось... Вышла за него замуж, закончила институт, родила двух дочерей, состоялась в профессии, даже небольшой собственный бизнес создала... Она всегда тянулась вверх...

Он же привык довольствоваться малым: делал ту работу, которая ему подворачивалась, любил посидеть с приятелями, друзьями так и не завёл... По пятницам – пиво, по выходным – ры-

балка... Он плыл в жизни по течению, и это его вполне устраивало...

В начале их супружества она пыталась тянуть его за собой, вперёд – готовила к поступлению в институт, искала для него работу поинтересней... Со временем поняла – ничего этого ему не надо и его уже не изменишь...

Их супружеские отношения начали охладевать, но его это не трогало: тебе не надо и мне не надо...

К концу жизни она его почти возненавидела, но жить они продолжали вместе – уже из-за детей и внуков... Хотя давно были по сути чужими людьми...

Разошлись, не встретившись

Все считали их семью не только благополучной, но даже образцовой... А что было на самом деле?

Он её любил всегда: смолоду и потом, когда появились дети, и в зрелом, и, смешно сказать, в предпенсионном возрасте...

Она же не любила его никогда: в молодости лишь уступила его притязаниям, поняв, что возраст уходит, что пора рожать, а лучших вариантов не предвидится... «Главное – чтобы муж любил», – наставляла её более опытная в житейских делах подруга... И она благосклонно позволяла любить себя, сама оставаясь едва ли не равнодушной к нему и его высокому чувству. На супружескую близость шла чаще всего по обязанности, иногда «получая при этом своё», а иногда – нет, но никогда сама не предпринимала никаких усилий для достижения «пика» в такие моменты.

Он чувствовал это, обижался, пытался говорить с ней, а она лишь поводила плечами: «Что я могу поделывать, если у меня натура такая?».

Стала бы она иной, встретив другого мужчину? Кто знает, может быть... Но, к чести её, приключений «на стороне» она не искала...

Они вырастили двоих детей, которые рано ушли из дома – сначала учиться, а потом работать. Дети тоже всегда считали отношения отца с матерью нормальными, почти образцовыми...

Теперь он и она – на пороге старости. Он её по-прежнему любит и даже желает... А она сказала однажды: «Всё! Хватит с меня твоей любви!» – и отправила его навсегда из супружеской спальни спать в другую комнату...

Вика и лейтенант

Мы жили в одной общежитии, и я видел, как развивались их отношения...

Вика была студентка-перестарок. Лет ей было 25 или 26, по нашим понятиям – едва ли не старуха. Лейтенанту, который был чуть постарше нас, шёл двадцать второй год.

Вика была белокура, пышнотела, чуть-чуть манерна, курила модные в ту пору длинные белые ароматизированные сигареты с фильтром – «Нифертити»... Лейтенант – в новенькой форме и скрипучих ремнях – рядом с ней смотрелся если не мальчиком, то уж точно младшим братом... Это не мешало им самозабвенно целоваться в скрывавших их больших кустах сирени – прямо под балконом нашей комнаты.

Зачем лейтенанту понадобилась Вика – женщина не первой свежести, уже успевшая обзавестись дочерью и оставить её у бабушки, своей матери? Мне об этом трудно судить... Молодые часто влюбляются в зрелых, опытных и доступных женщин... Вика, надо отдать ей должное, себя блюла и решительно отшивала всех желающих переспать с ней. А было их больше, чем достаточно.

Зачем Вике нужен был желторотый лейтенант? Этого я тоже не знаю – может, её самолюбие грел тот факт, что и у неё всё, «как у людей» – является каждый вечер, как на службу, лейтенант. Дарит цветы, в театр и на концерты водит... Даже в ресторан... При этом незаметно было, чтобы Вика собиралась связывать с ним свою дальнейшую жизнь.

А дальше, как иногда в подобных романах бывает, случилось страшное: лейтенант уехал на недельные полевые учения, а Вика – на преддипломную двухмесячную практику, причём, куда-то далеко... Адрес же лейтенанту не оставила и, скорее всего, далеко не по забывчивости...

Лейтенант отыскал меня вскоре после учений. Ему нужна была Вика. «Что за спешность?» – спросил я, сказав, что она на

практике. «Ты понимаешь, есть возможность моего перевода в ГСВГ – Группу советских войск в Германии...». «И что?». «Подхожу по всем параметрам, но надо быть семейным... Помоги мне найти Вику...».

Как я ему мог помочь? Пошли с ним в деканат, но там почему-то не оказалось адреса её практики, как, впрочем, и домашнего. Долго и безуспешно искали оставшихся в городе её однокурсников... Кого-то нашли, но и они лишь разводили руками... Казалось, Вика специально замечает следы... Может быть, она хотела естественным образом прервать их отношения... Может, просто так вышло... Лейтенант был безутешен. Я его успокаивал, обещал сообщить о Вике всё, как только сам узнаю...

Вышла бы она за лейтенанта или нет? Ведь перспектива и впрямь открывалась заманчивая – пожить в настоящей Европе. Но мне почему-то кажется, что Вика бы отказала ему...

Они, насколько я знаю, так больше и не встретились.

Романтики

Они выросли и формировались на излёте хрущёвской оттепели – романтиками до мозга костей. Закончив школу, поехали в Сибирь, на одну из ударныхстроек коммунизма, сагитировав ещё нескольких одноклассников. «Помотали соплей на кулак» – как и предупреждали их родители, но не сбежали, даже строительным профессиям выучились.

И он, и она были по характеру лидерами, это их тянуло друг к другу и отталкивало. И в школе, и там, на стройке, они всё время были вместе – врозь. Она знала, что он к ней более чем равнодушен, да и сама питала чувства к нему, но, воспитанная в строгих правилах (когда до свадьбы – «ни-ни»), дальше положенного, по ее понятиям, не шла... Ни тогда, ни после, когда он, отслужив в армии, приехал домой, где она, студентка института, проводила каникулы у родителей.

Кто знает, может быть, их жизнь сложилась бы иначе; может быть, они остались бы вместе, если бы пошли дальше в своих отношениях... Но она всегда была против...

И жизнь их развела... Он опять уехал в Сибирь, где женился на женщине с ребёнком и завёл к ней ещё одного... Стал пить...

Жена от него ушла... Он женился потом ещё раз, но и эта ушла... Была ещё третья, но умерла первая жена, он вернулся к детям, отношения с которыми выстроить так и не сумел.

На старости лет остался один – за тридевять земель от родни, больной и никому не нужный...

Её жизнь складывалась, как будто, благополучно... Институт закончила, в нём же преподавала. Но замуж так и не вышла. Похоронив родителей, живёт одна, в их доме, на родине.

Они очень давно не виделись и почти позабыли друг друга... Кто из них и кому испортил жизнь? Ведь они могли быть счастливы вместе...

Прозрение

Они – студенты. Он пытается за ней ухаживать, но не слишком успешно... Ей он кажется простоватым...

Летом, после первого курса, она отдыхала дома у родителей, а он работал в стройотряде. Встретились осенью, он пригласил её в театр.

Она надела своё лучшее платье, а он пришёл в стройотрядовской робе. Ей это не понравилось. В перерывах бродили по коридорам театра и оказались в небольшом зале, где висели фотографии старых спектаклей и лучших артистов театра. Она их рассматривала и почти жалела, что пошла с ним... И вдруг услышала музыку – свой любимый вальс Шопена. Она даже не поняла сразу – кто играет и почему? А это он набрёл на старое пианино, стоявшее в тёмном углу зала, вспомнил свою музыкальную школу и заиграл...

Она стояла и слушала. И вдруг подумала: «А ведь в нём что-то есть... В нём определённно что-то есть...».

Они – мои друзья, близкие мне люди. И когда я у них допытывался, как и почему они, разные, в общем, люди, оказались на всю жизнь вместе, она рассказала про тот поход в театр...

Тайна сия велика есть...

Эльдар Рязанов представил в телевизионном цикле «Парижские тайны» историю жизни французского режиссёра Роже Вадима. Историю совершенно замечательную – по части его взаимоотношений с любимыми женщинами. Отец – россий-

ский дипломат по фамилии Племянников, эмигрировав в 1917 году, принял французское гражданство, поступил на дипломатическую службу и рано умер. Его жена, мать Вадима, была против дипломатической карьеры сына, и он стал режиссёром. Его послужной режиссёрский список завязан на именах актрис, которые у него снимались и становились его жёнами. Или наоборот: становились его жёнами или любовницами, а потом у него снимались. И становились звёздами кино.

Первой была Бриджит Бордо, которую судьба свела с Вадимом, когда ей исполнилось всего 17 лет. Позже она стала символом Франции: бюсты с её изображением выставлялись в мэриях французских городов.

Второй стала Катрин Денёв, которой в ту пору также было 17, а ему 32. Он её тоже снимал, и она тоже стала символом Франции.

В отличие от двух первых, француженок, третьей была датчанка (фамилию я, к сожалению, не успел записать). Её он снимал тоже. Но кинозвездой она, правда, не стала.

Потом на его жизненном горизонте появилась американка Джейн Фонда, которая тоже стала кинозвездой – в том числе благодаря ему...

Потом была ещё одна француженка, кто-то ещё, а в последнее время, повествовал Рязанов, Вадим, которому давно за шестьдесят, живёт с молодой соотечественницей, и у них полная гармония в области как духовных, так и сексуальных отношений...

Четыре упомянутых спутницы режиссёра родили от него детей (кто-то при этом добавив их к уже имевшимся своим или пополнив семейство, расставшись с ним), и у всех бывших его жён нормальные, можно сказать, хорошие отношения друг с другом. «Это потому, что я всегда был цивилизованным человеком», – поясняет их бывший супруг. И многочисленные дети (всего их у этих женщин – около десятка) также между собой ладят, считая друг друга братьями и сёстрами.

Был случай, очень ярко характеризующий взаимоотношения бывших жён с режиссёром и между собой... Как-то Роже Вадим повредил на съёмках плечо. В том его фильме снималась (если я ничего не перепутал) Джейн Фонда; в соседнем

павильоне, у другого режиссёра, в другом фильме – Бриджит Бордо; а Катрин Денёв приехала на киностудию, чтобы с кем-то встретиться, то есть, оказалась рядом случайно... Законной женой Вадима в то время считалась датчанка... И они – все четверо – повезли его на «скорой» в больницу...

«Высокие, высокие отношения», – как говаривала героиня замечательного советского фильма «Покровские ворота». Но там был всего лишь пресловутый треугольник, а здесь!..

Легкомысленный ли человек Роже Вадим? Однажды он, уже расставшись с Катрин Денёв и будучи в очередной раз женат (или живя, как принято говорить, гражданским браком) с другой, которая некстати оказалась в отъезде, «хорошо посидел» в баре и ночевать отправился на старую квартиру, где жила Денёв (а у него оставался ключ). Пришёл и по привычке стал укладываться на бывшее супружеское ложе. Бывшая супруга напомнила ему, что он тут не живёт, но из квартиры не выставила, а предложила переночевать на диванчике...

Из российских знаменитостей былой поры (нынешние не в счёт – они могут спать с кем угодно и беззастенчиво выставлять напоказ все свои «любви») с Роже Вадимом может потягаться разве что поэт Евгений Евтушенко, описавший в одном из своих романов четырёх своих жён. Описавший, кстати сказать, не только откровенно (и, хочется верить, искренне), но и с уважением к каждой из них и благодарностью...

Ещё Андрон Михалков-Кончаловский поведал миру в мемуарах о своих жёнах и многочисленных романах. Но, к сожалению, явно утратил при этом чувство меры да ещё и приврал, о чём куда более деликатно, в отличие от него, но вполне определённо высказались публично некоторые «героини»...

И вот я думаю: какие замечательные истории любви мог бы с присущим ему талантом рассказать, с одной стороны, Роже Вадим, а с другой, те, кто когда-то любили его, и сохранили к нему уважение.

«МОСКВА, КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ...»

...Концерт в Москве, на Красной площади: молодые исполнители поют песни прежних, большей частью советских, лет, который транслируют по телевидению на канале «Россия».

В заключение хор в две тысячи голосов поёт «Дорогая моя столица, золотая моя Москва...». Смотрю, слушаю и временами к горлу подкатывает ком... И сразу столько всего вспоминается...

* * *

Я рос в глуши – в затерянном на целинных просторах новом совхозе, на самом краю Казахстана, там, где он граничит с Россией. Хотя никакой границы в ту пору не существовало: был, скорее, общий юг Западной Сибири: с одной стороны наша Павлодарская область, с другой – Новосибирская, а по бокам Омская и Алтайский край.

До райцентра от нашего «Михайловского» было сто километров, до Павлодара – без малого двести. Казалось, куда ещё глуше... Но и совхоз наш был для меня – пуп земли, когда, казалось, она вращается не вокруг своей невидимой оси, а вокруг «Михайловского»; и места эти – скромная, застенчивая лесостепь – были лучшими в мире... Наверное, ещё и поэтому моё детство было светлое и радостное – счастливое.

Я рос с твёрдым ощущением, что живу в самой лучшей и справедливой стране и к тому же самой сильной – мой отец был фронтовик, победитель, я наизусть мог назвать все его боевые награды. А ещё они с матерью были первоцелинники – основатели нашего «Михайловского». Как же мне было не любить его!

И, конечно, я уже в начальных классах знал, что есть Москва – столица нашей родины, не просто большой и красивый город, но и то место, где про всех нас, жителей этой огромной страны, называемой СССР, знают, помнят о нас и заботятся. Хотя Москву я видел лишь на новогодних открытках, в книжных картинках и на фотографиях в журнале «Огонёк», который из года в год выписывал отец. Мои тогдашние чувства можно сравнить с чувствами героев повести Аркадия Гайдара «Дальние страны» – мальчишек с затерянного в тайге маленького железнодорожного разъезда, ощущавших неразрывную связь со всей страной.

В большинстве своём мы, рождённые в середине пятидесятых годов прошлого века, были романтиками и патриотами, потому что росли в удивительное время – не слишком, правда, сытое, но уже и не голодное, мирное, время великих строек и великих достижений. Ведь именно тогда полетел в космос Гагарин, и все мы были горды этим, ощущали свою причастность к его полёту. Гремела Целина, поднятая нашими отцами, а мы были её детьми... В классе, кажется, шестом я совершил вместе с бабушкой первое в жизни большое путешествие в Красноярск и Дивногорск. Что из того, что в первом городе я был лишь проездом? Зато во втором я видел величественную плотину Красноярской ГЭС и настоящую сибирскую тайгу!

В девятом классе я впервые побывал в областном центре. И не просто так: я защищал на областных соревнованиях честь родного Железинского района – по настольному теннису (по правде сказать – не очень успешно, хотя и не провально).

И вот, наконец, Москва... Мы едем туда вместе с отцом, по делу – исправлять мою внешность. Кто-то сказал мне, что в Москве таким, как я, уже помогают и даже назвал адрес – улица Горького, дом номер такой-то.

К тому времени я год отработал корреспондентом в железинской районной газете «Ленинское знамя», сам заработал денег на эту поездку и даже более того... У нас в редакции действовала «чёрная касса», своего рода сбербанк, только беспроцентный: человек десять сдавали ежемесячно, в день зарплаты, по червонцу, а вся сумма доставалась одному из участников кассы, по установленной очереди. Я в ней был последним и как раз к отпуску получил вместе с отпускными ещё сто рублей из «чёрной кассы» – всего рублей двести, чего вполне хватало для нашей с отцом поездки.

Мне было восемнадцать лет, я впервые ехал так далеко, побивался и втайне радовался, что делаю это не один...

Правда, ещё не начавшееся наше путешествие было омрачено неожиданным и неприятным происшествием: младший брат Петька уронил на ногу отцу двадцатипятикилограммовый противовес – металлический «блин», добытый из списанного комбайна... Из них ребята постарше делали штанги – по 50 ки-

логаммов, а «молодняк» упражнялся, выжимая противовесы по одному.

Отец лишь свирепо взглянул на братана, и того будто ветром сдуло... Ходить нормально отец уже не мог, но поездку решил не отменять – в надежде, что, может, в дороге заживёт ушибленный и распухший палец... И мы поехали, сев на поезд на ближайшем от совхоза крошечном разъезде «Осенний», который, как я позднее узнал, даже не числился в билетных кассах дальше Омска. На станции «Иртышская», километров, наверное, через 100-150, отец вышел, чтобы закомпостировать наши билеты, и я, отчасти стыдясь своей слабости, испытал лёгкое потрясение: боялся – вдруг он не успеет, и я уеду без него... Но всё обошлось...

Уже не помню, как мы ехали и сколько (думаю, не меньше двух с половиной и не больше трёх суток), помню лишь, что постельное бельё, стоившее всего рубль, отец взял лишь для меня, посчитав второй комплект, для себя, лишней тратой, и обходился в дороге «голым» матрасом и подушкой без наволочки. Он был ещё тот экономист, но об этом я, кажется, уже писал в своих воспоминаниях о нём.

На подъезде к Москве включилось поездное радио, и мы услышали хорошо поставленный мужской голос (может, даже это был знакомый каждому в стране голос диктора Всесоюзного радио Юрия Левитана): «Уважаемые товарищи пассажиры! Наш поезд прибывает в столицу нашей родины – город-герой Москву!». Может быть, слова были и чуть-чуть иными, но смысл их был именно таков. И все вокруг сразу притихли, подобрались, стали смотреть в окна...

Впечатления о Москве той поры сохранились у меня неясные, смутные – всё же с лета того 1971 года больше сорока лет прошло... Но обрывки остались... Например, то, как мы добирались до семьи Тарасенко – Сергея Сидоровича и его жены – для меня тёти Шуры. Это были совхозные друзья отца с матерью, перебравшиеся в Москву... Да, возможно было, оказывается, и такое, притом, без всяких знакомств и взяток: Сергей Сидорович, заведовавший у нас самым крупным – первым отделением совхоза, съездил туда на разведку, присмотрел работу и перевёз семью с двумя детьми. Правда, жили они не в Москве, а в

ближайшем Подмосковье, где-то за Химками, в деревенском доме, в селе, на которое уже наступали многоэтажки.

Ехали мы сначала на метро, потом на автобусе, потом шли – по просёлку, через поле густой и высокой, уже поспевшей и местами полёгшей, ржи. Я всё думал – как же её теперь убирать будут?

Встретили нас радушно. Меня сразу перепоручили старшему сыну – Сашке, работавшему на заводе и, понимаю теперь, ничуть не обрадовавшемуся такой обузе. Мало того, что он работал, у него ещё был бурный роман с местной девицей – Сашка с ней женихался каждый вечер до полуночи... А тут совсем некстати я, непременно хотевший и в город, и обязательно на футбол, и куда-нибудь ещё, сам не зная куда...

И Сашка, надо отдать ему должное, мужественно таскался со мной, предупредив, что в Москве надо двигаться быстро, что я не должен от него отставать, что, если всё же потеряюсь, то должен стоять на месте и ждать, пока он сам меня не отыщет... Но до этого, к счастью, дело не дошло...

Мы сходили с ним на два футбольных матча – на стадионы «Динамо» и в Лужники. Меня поразило относительное безлюдье на стадионах (такая возможность, думал я, почему же не ходят?)... Игры, впрочем, были рядовые и ничем особенным не запомнились...

Однажды мы вместе пошли в кино: Сашка, его подружка и я. Меня ему опять навязали родители, а у меня не хватило ума и такта отказаться, да и не хотелось дома весь вечер сидеть одному. Сашке же этот наш культурный поход втроём был – как нож в сердце... И он, едва закончилось кино (кажется, это был «Мост Ватерлоо», совсем не оставшийся в моей памяти), постарался меня отшить. Я бы и сам ушёл, но боялся заблудиться и не найти дорогу домой. Хорошо ещё подружка его, пышная, белотелая, веснушчатая, по-московски «акающая», и, видно, проникнувшаяся состраданием к несчастной деревенщине, не позволила этого сделать – во всяком случае, до той поры, пока они не вывели меня к дому... Я ей до сих пор благодарен... Как, впрочем, и ему – всё же он нёс меня эти несколько московских дней – как крест... Хорошо было бы выпить сейчас с ним водки, кое-что напомнить ему, ещё раз ска-

зать спасибо... Но мы не виделись с той поры и о его судьбе я ничего не знаю...

В свой первый поход на Красную площадь, которая оказалась вовсе не такой большой и величественной, как я её себе представлял, мне, уж простите за откровенность, надо было сходить «по малому». Где это можно сделать, я не знал, спрашивать (ну, не идиот ли?) стеснялся. Решил терпеть, а станет невтерпёж, поеду до метро «Речной вокзал», где у меня был на примете «знакомый» туалет – единственный в Москве.

Мне всё же повезло: туалет я, притом совершенно неожиданно, обнаружил слева от входа в Спасскую башню, под землёй... Хотя мог бы догадаться, что есть они и в Историческом музее, и в ГУМе, что на той же Красной площади, и ещё в десятке мест неподалёку.

Но что было – то было...

Я, впрочем, отвлёкся: надо же рассказать, как мы искали с отцом место, где могут подправить мою внешность. Сначала пошли по адресу, что у меня был. Хотя пошли – это громко сказано. Ушибленный дома палец не только не заживал, но и досаждал отцу всё больше, и он с трудом ковылял в специально купленных плетёнках – с дыркой для больного пальца, уже не помню, на правой или на левой ноге...

Тем не менее, мы на следующий после приезда день нашли этот дом на улице Горького... Зашли в просторный вестибюль, из которого вела наверх широкая парадная лестница, покрытая красной ковровой дорожкой. А прямо навстречу нам шёл представительный военный с золочёнными погонами – генерал-лейтенант:

– Здравия желаю, товарищ генерал, – сразу подтянулся отец.

Тот поздоровался и прошёл мимо, а к нам уже спешил дежурный от столика, стоявшего у начала лестницы. Отец объяснил ему суть нашего визита, тот сказал, что здесь совсем другое заведение (я так и не понял, что это было за ведомство) и что помочь он нам ничем не может.

Нужную же нам клинику помогла найти врач из Химкинской поликлиники, к которой отец пошёл показать больную ногу. И она не только помогла ему, но и наказала привести меня, куда-

то позвонила, дала нам нужный адрес. Не помню, где это было, помню лишь, что мне там сказали: помочь тебе ничем не можем. Я не очень расстроился, потому что не слишком на это рассчитывал...

И мы с отцом поехали обратно. В Омске, на железнодорожном вокзале, встретили старшего брата Шурку, ехавшего из Шушенского, где он тогда жил и работал, домой, в отпуск. У него уже был билет на нужный нам поезд «Омск-Рубцовка». А нам их не досталось. Решили – сядем в вагон под видом провожатых брата, а там видно будет...

В тот раз нам невероятно повезло: мы сидели в плацкартном вагоне, в отсеке на четверых, втроём, вокруг столика. Когда поезд тронулся, и проводница пошла проверять билеты, брат жестом фокусника выложил на столик единственный билет на троих: договорились, что это будет отцовский, а мы поплачемся, объясним всё – заплатим ей или купим билеты на первой же станции, где можно успеть... Но ничего этого не потребовалось: проверив билеты у двух пассажиров, что сидели справа от прохода, в узкой части вагона, проводница почему-то пошла дальше, не заглянув к нам... И дальше мы спокойно доехали до нужного нам «Осеннего»...

А спустя две или три недели пришло письмо из Москвы с фотографиями, на которых я, собственной персоной, был напечатан на Красной площади... Они, эти фотографии, сохранились и до сей поры.

* * *

Год, кажется, 1980-й... Редактор «Звезды Прииртышья» С.П. Шевченко, как бы между прочим, сообщает мне о том, что есть шанс поехать в Москву, на Всесоюзный слёт молодых журналистов. И добавляет: «Если, конечно, у нас командировочные остались – конец года...». Мне повезло: деньги были, последние, которых мне как раз хватило... А родная контора из-за меня осталась в декабре без командировочных.

Повезло мне и в том, что накануне моего вылета в Москву в Павлодаре оказался бывший «казгушник-журфаковец» Володя Володченко, к тому времени уже инструктор ЦК ВЛКСМ, приехавший на областную комсомольскую отчётно-выборную конференцию. Меня с ним познакомил его однокашник Толя Усти-

ненко, с которым мы работали в «Звезде Прииртышья». Володя же подробно просветил меня насчёт будущего слёта, заметив, что ехать, если такая возможность есть, надо непременно, и подробно объяснил – как добраться до гостиницы «Орлёнок» на Ленинских горах, в которой мы должны были жить. Иначе мне пришлось бы плутать по Москве долго-долго... Я и теперь помню маршрут: аэропорт «Домодедово» – автобус-экспресс – станция метро «Парк Культуры» – станция метро «Ленинские горы» – путь наверх, по открытому эскалатору (я подобное видел впервые в жизни), вдоль величественного, прогнувшегося внутрь трампина, дальше чуть-чуть пешком... И вот он, «Орлёнок», высотная гостиница, числившаяся за бюро молодёжного туризма «Спутник» – структурой ЦК ВЛКСМ.

Те несколько дней были наполнены разного рода событиями до отказа. Стремительные знакомства и тут же завязывавшиеся компании, поездки и встречи, ночные посиделки и клятвы в дружбе навек...

Из Алма-Аты на слёт приехали мои однокурсники Игорь Денисов – от республиканского радио и Нурлан Идрисов – от информационного агентства КазТАГ. К нам как-то очень быстро прибился журналист из Красноярска Володя – поклонник поэзии Андрея Вознесенского, бесчисленное число раз читавший «на бис» его «Озу». Надо было видеть при этом лицо украинской журналистки, готовой на всё – лишь бы ещё раз услышать это и вправду великолепное чтение. Неудивительно, что между ними сразу возник роман.

Ещё в нашей компании была маленькая, хрупкая, но уж очень разбитная таджичка Сурайё, рассказывавшая откровенные анекдоты. Потом объявилась ещё одна землячка-«казгушница» Марина Мулина, прослезившаяся из-за того, что никак не хотела уезжать из Москвы. И со временем она добьётся своего – будет работать в «Собеседнике», молодёжном приложении к «Комсомольской правде».

Перед нами выступали тогдашние генералы советской журналистики, или, как сказали бы теперь, знаковые фигуры: главный редактор «Правды», академик, председатель Союза журналистов СССР В.Г. Афанасьев – немногословный, элегантный, одетый в костюм-тройку; сумрачно-строгий председатель

Гостелерадио – человек-легенда С.Г. Лапин, заметивший на чей-то вопрос – почему на Центральном телевидении маловато современной зарубежной популярной молодёжной музыки? – даём же, мол, её на Новый год после полуночи, почти до утра – и довольно с вас будет...

Нас принимал в «Известиях» новый редактор Алексеев, пришедший в эту, бесспорно, одну из лучших советских центральных газет, из «Советской России». Он решительно поломал привычную всем (и нам в том числе) плотную вёрстку «Известий», заменив её просторной, «воздушной», применявшейся в «Советской России». Нам новая вёрстка не нравилась, «известинцам» – тоже, но Алексеева это не останавливало... Кажется, впрочем, он в этой газете задержался ненадолго, и прежняя вёрстка вернулась...

«Известия» запомнились ещё встречей со знаменитой очеркисткой той поры, пишущей на моральные темы, – Татьяной Тэсс, знакомством с очеркистом-сельхозником Анатолием Захаровичем Иващенко, который позже вёл у нас семинары (сейчас бы сказали – мастер-классы) в Центральном Доме журналистов. Человек от земли, хорошо знающий жизнь, он вёл себя с нами как равный с равными, читал отрывки своей великолепной документальной прозы из недавно вышедшей в «огоньковской» серии небольшой, с ладошку, тоненькой книжки... И не отказался выпить с нами пива – в знаменитом подвальчике-пивбаре «Домжура».

На память от «Известий» я долго-долго хранил их фирменную, с логотипом, ручку, а «известинский» значок после долгих колебаний подарил одному из коллег, коллекционирующему их «газетную» серию...

Что ещё помнится из той теперь уже такой далёкой поездки? Густой-густой снег на Красной площади, куда мы приехали, чтобы возложить венок к Мавзолею В.И. Ленина, и песня по радио в автобусе, что привёз нас: «Снегопад, снегопад, не мети мне на косы, не стучись в мою дверь, у ворот не кружи...», – пела, будто специально в тон погоде и нашему настроению, Нани Бреговдзе...

И ещё я привёз домой со слёта величайшую ценность той поры – двухтомник стихов Евгения Евтушенко – кумира нашего

поколения. Мне просто посчастливилось оказаться на устроенной для нас, участников слёта, книжной распродаже, в первых рядах страждущих...

Было бы преувеличением сказать, что тот слёт кардинально изменил мою журналистскую судьбу. Но то, что он помог ей состояться, несомненно...

* * *

Было время – я ездил в Москву каждый год, а иногда и по два раза в год. Тут своя история...

Павлодарская область в пору моей журналистской молодости была одной из самых быстро развивающихся не только в Казахстане, но и в СССР. В этом утверждении нет квасного патриотизма: по воле партии и правительства у нас стремительными темпами создавался Павлодар-Экибастузский территориально-производственный комплекс. А Экибастузский топливно-энергетический комплекс – ЭТЭК, о котором знала вся страна, был городом двух Всесоюзных ударных комсомольских строек. И для его ещё большей популяризации Центральный комитет союзного комсомола – ЦК ВЛКСМ – решил провести в Павлодаре и Экибастузе дни «Комсомольской правды» – в те времена невероятно популярной, и не только у молодёжи, ежедневной газеты, тираж которой превышал десять миллионов экземпляров.

Наверное, никогда ещё за всю свою более чем двухсотлетнюю свою историю Павлодар не видел такого созвездия легендарных личностей. Ежедневно, целую неделю, к нам прилетали призванные «Комсомолкой» известные всей стране люди: учёные, спортсмены, журналисты, писатели, артисты... Залы, в которых они встречались с горожанами, были всегда набиты до отказа... Знаменитые гости ездили по предприятиям и изумлялись увиденному – гигантам нашей промышленности (на тракторном заводе, например, выпускавшем более 50 тысяч гусеничных «Казахстанов» в год, работало более 20 тысяч человек), Экибастузской ГРЭС-1 – одной из крупнейших тепловых станций в СССР, угольному разрезу «Богатырь» – самому мощному в мире, с годовым объёмом добычи в 50 миллионов тонн...

У нас в редакции состоялась великолепная встреча с легендарным журналистом «Комсомолки» – ведущим рубрики «Окно

в природу» и телевизионной передачи «В мире животных» – Василием Михайловичем Песковым. Мне было поручено взять интервью у популярного журналиста-международника Генриха Боровика, встречавшегося на Кубе с Эрнестом Хемингуэем, чьими рассказами и романами («Старик и море», «Снега Калиманджаро», «По ком звонит колокол») мы в ту пору зачитывались... И как же я был благодарен Генриху Авиезеровичу за то, что он помогал мне вырывать в нужном направлении, когда мы с ним говорили...

А однажды мне поручили сопровождать на одну из встреч Инну Ивановну Кальгуненко – главврача Московского института красоты. Конечно, это не было случайностью – меня намеренно с ней сводили, в расчёте на то, что она мне поможет...

Инна Ивановна была уже, скажем так, в возрасте, но женского шарма и обаяния не утратила. Протянув мне для знакомства руку, сразу спросила: «А что же ты к нам не приехал?» – именно так, сразу на ты... Я, не готовый к такому вопросу, ответил нечто невразумительное... Она всё поняла и заключила: «Ладно, потом поговорим...». Закончилась же наше недолгое знакомство тем, что Инна Ивановна дала мне свою визитку с телефонами и сказала, что я могу приехать, зайти к ней, и она сама решит, что со мной делать.

– А вы считаете, мне можно помочь? – робко спросил я.

– Иначе бы не предлагала, – сказала она.

Не знаю – верила ли она в то, что говорила... После того, что со мной в её институте в течение нескольких лет делали, я по прошествии лет думаю: вместо этого надо было просто по-человечески поговорить, объяснить, что кардинально мою внешность уже не изменить, а навредить можно... И я бы не обиделся – понял, тем более, что давно притерпелся – и к тому, что чужие дети показывают на меня пальцем, и к испуганным, недоумевающим взглядам в людных местах (что же это, мол, такое, как с этим жить можно?)... У меня уже была семья: жена, связавшая со мной судьбу, – женщина – каких поискать, единомышленница и друг; двое детей – нормальных красивых мальчишек...

Но не нашлось вовремя такого мудрого человека, который бы очень просто и доступно объяснил мне: не надо

суетиться и дёргаться, а надо просто жить – таким, каким уродился, тем более, что жизнь складывается вполне нормально...

...Несколько месяцев спустя я позвонил Инне Ивановне, она сразу вспомнила – кто я такой – и сказала, чтобы приезжал и зашёл сперва к ней... Долго думал, что бы привезти ей в подарок? Знающие люди надоумили: «Вези стерлядку». И я даже в родную Железинку съездил, где мы с друзьями-приятелями организовали грандиозную рыбалку (с неводом!), но ни одной стерлядки не поймали (местные рыбаки объяснили, что уже не сезон). И я отвёз Инне Ивановне свой материал о ней и её институте под заголовком «Красота – достояние общественное», опубликованный в «Звезде Прииртышья» по следам дней «Комсомольской правды»...

Институт красоты, располагавшийся в одном из новых высотных зданий из стекла и бетона на бывшем Калининском проспекте (ныне Новый Арбат), я нашёл быстро – рядом новоарбатский гастроном, через проспект – самый большой книжный магазин и кинотеатр «Октябрь» и маленькая старинная церквушка, чудом сохранившаяся среди новостроек.

Встретила меня Инна Ивановна радушно, передала с рук на руки своей замше – высокой, статной, молодой женщине, жгучей шатенке – с наказом: «Ему надо помочь!».

Потом я сдавал анализы, ходил по врачам... Времена были позднесоветские, а институт – уже хозрасчётным, рыночным – и за анализы, и за консультации надо было платить. Так, например, пяти-десятиминутная встреча с врачом – кандидатом наук стоила два рубля, в то время как с обычным, «неостепенённым», копеек, если не ошибаюсь, 50-60.

В конце концов выяснилось: моя гемангиома (большое родимое пятно) может быть осветлена некими буки-лучами, с помощью специального аппарата, для чего потребуются несколько сеансов (три или пять-шесть, это время покажет), с перерывами между ними примерно в полгода... Но прежде облучения своё слово должны сказать хирурги – будут ли они что-нибудь делать с моими губами, уродующими рот...

Был назначен консилиум... Передо мной разыгрался настоящий спектакль... Моё лицо ощупывали мяли, тыкали пальцами

в губы. При этом шёл такой примерно разговор – будто меня не было...

– Думаю, начать нужно с иссечения нижней губы, – первый голос.

– А вдруг там крупный кровеносный сосуд, и мы его заденем, – второй голос.

– Надо сделать ангиографию для подстраховки... – третий голос.

– А где её у нас делают? – четвёртый голос.

– В Склифосовского, кажется, – уже не помню какой это был голос: они у меня стали сливаться в один...

– Да нет, там этого не делают..

– А где гарантия, что потом не будет кровотечения?

Сначала я ещё пытался следить за разговором, улавливать его логику, но чем дальше он продолжался, тем меньше я понимал, всё более ощущая себя подопытным кроликом. И вдруг услышал:

– Коллеги, я думаю, что это не наш больной!

– Нет-нет, – включилась в разговор замглавврача, молчавшая до сих пор, – мы должны ему помочь.

– Инна Ивановна тоже говорила, – робко напомнил о себе я. Что тут началось!

– При чём тут Инна Ивановна? – возмутился один.

– Он, кажется, не понимает, что тут происходит! – добавил другой.

– Видимо, нам надо расстаться, – нанёс удар третий.

– Извините, – пискнул я, – я, конечно же, вам полностью доверяю: как решите – так и будет.

– Ещё бы не так, – сурово, но уже отчасти и миролюбиво добавил кто-то.

Операция мне была назначена через несколько дней, в небольшом стационаре клиники, расположенном на её задворках, ближе к старому Арбату, неподалёку от театра имени Вахтангова. И не столько я операции боялся, сколько расстраивался из-за того, что не укладываюсь в намеченные сроки. В Москве я рассчитывал провести неделю, и у меня был обратный билет на самолёт. Теперь надо было его сдавать, а ведь это была ниточка, связывавшая меня с домом. И хотя самолёт из Павлодара в

Москву и обратно летал каждый день, билеты приходилось приобретать заранее, мест всегда не хватало... И я не знал – как буду добираться обратно...

Вторая проблема – заканчивался срок проживания в гостинице. Поселился я в неё без проблем – по путёвке на ВДНХ – Выставку Достижений Народного Хозяйства, взятую в нашем облсельхозуправлении (их присылали из Москвы для передовиков и специалистов сельского хозяйства; я же, корреспондент сельхозотдела «ЗП», с сельхозниками дружил). Поскольку я уже прожил в гостинице положенные пять дней и мне продлили срок ещё на сутки, предупредив, что это всё, я оставался без крыши над головой... Правда, после консилиума я поплакался в жилетку опекавшей меня замглавврача, и она, заметив, что нарушает установленный порядок, выписала мне справку – о том, что я прохожу обследование и лечение в их клинике... Но я не знал – примут ли её в гостинице – как веский документ на право моего дальнейшего в ней проживания.

Я брёл по Калининскому проспекту в расстроенных чувствах, не зная, что дальше делать. Решил позвонить домой, посоветоваться с женой. Она по голосу поняла – в каком я состоянии, сказала: «Билет сдавай, операцию делай, денег я тебе pošлю сегодня же, телеграфом, на Главпочтамт. О нас не беспокойся – мы с детьми в порядке». Не помню, что я ей ещё говорил, наверное, плакался, потому что дальше произошло и вовсе нечто невообразимое.

Я сдал билет, почувствовав себя при этом совершенно несчастным и обездоленным, приехал в гостиницу, где, к моему удивлению, справку приняли и сказали, что я могу здесь жить хоть целый месяц...

Поскольку до операции было ещё несколько дней, я решил на следующий день поехать в Старую Купавну, где жили родственники жены. И сама она об этом просила, и познакомиться с ними было нелишне. Люди оказались совершенно замечательными: Ольгаина тётка Софья Яковлевна (сестра матери), её муж Владимир Алексеевич – учёные-химики, доктора наук, их дети Лена и Михаил, бабушка, мать Софьи Яковлевны... Приняли меня как родного, оставили ночевать, наказали привести вещи, когда буду ложиться на операцию.

Утром я вернулся в Москву и, сам не зная почему, поехал не в гостиницу, а на Главпочтамт. Деньги у меня ещё оставались, перевод я мог получить и завтра, и послезавтра...

На Главпочтамте меня, кроме денег, ждала открытка от Ольги, на которой её стремительным летящим почерком было написано: «Вот так заканчиваются все авантюры. Больше суток летела к тебе, ждала здесь, думала – придёшь за переводом... Где ты живёшь – не знаю. Поехала к родственникам в Купавну. Самолёт в Омск (в Павлодар билетов нет) завтра утром. Рейс...».

Потом, когда мы уже встретились вечером в Купавне, откуда я уехал утром, она рассказала мне историю своего путешествия. Почувствовал по голосу во время моего звонка – как мне плохо, решила лететь. Детей пристроила на выходные у моей тётки и поехала в аэропорт. В Москву билетов, само собой, не было... Полетела до Свердловска, где провела в аэропорту первую ночь. Оттуда – в Москву, где в Домодедово провела вторую ночь... Билетов из Москвы в Павлодар также не было – взяла до Омска... И мы бы не увиделись, если бы я не попёрся на Главпочтамт.

Переночевали в Купавне, и рано утром я проводил её на самолёт. А из Омска, уже на другом самолёте, она долетела домой...

Мы с Ольгой прожили долгую жизнь вместе, в которой всякое бывало, в том числе, конечно, и размолвки, и обиды друг на друга... Но я всегда помню тот её неожиданный приезд ко мне в Москву, и в трудные периоды наших взаимоотношений говорю себе: было ведь и такое проявление чувств... И это главнее, дороже чего бы то ни было, включая большие и мелкие недо-разумения между нами...

* * *

...До назначенной мне операции оставалось ещё несколько дней, и я решил провести их с пользой: купил путеводитель по Москве, определил точки, в которых непременно должен побывать. И начал с ВДНХ, благо находилась эта выставка, а по сути действительно витрина достижений советской страны – буквально под боком. Я выходил из своей сверхскромной гостиницы «Золотой колос», шёл мимо современной высотной

гостиницы «Космос», изогнувшейся краями мне навстречу, – её построили французы, специально к прошедшим недавно Олимпийским играм в Москве, переходил проспект Мира у памятника покорителям космоса – ракеты, устремлённой в небо, – и уже виден был парадный вход на ВДНХ.

Чуть поодаль, справа, был другой вход, у которого возвышался грандиозный монумент скульптора Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», знакомый всем по заставке к художественным фильмам, снятым на киностудии имени Горького в Москве.

Я не знаю – был ли ещё в мире подобный опыт – постоянно действующих выставок подобного масштаба. Были, конечно, международные промышленные выставки достижений, но подобной ВДНХ, кажется, всё же никогда не существовало. Это был город в городе – более сотни павильонов, в которых демонстрировались лучшие достижения советской науки, промышленности, строительства и других отраслей, включая и социальную сферу. И каждый, кто приезжал в Москву – неважно, по путёвке ВДНХ, или нет – мог здесь найти всё, что его интересовало в нужной ему отрасли.

У меня глаза сразу разбежались, и я не знал, что смотреть. Начал было идти по порядковому номеру павильонов, но понял, что мне и недели не хватит, чтобы их осмотреть... Поэтому, зайдя в павильон «Космос» – один из самых внушительных и посещаемых, и заглянув в выставленный на открытой площадке реактивный самолёт ЯК-42, запущенный недавно в серийное производство, посидев у величественного созвездия скульптур, обрамляющих фонтан «Дружба народов», дальше стал совмещать приятное с полезным – искать следы нашей Павлодарской области на ВДНХ, которых, кстати, оказалось не так уж мало. Так, например, в самом первом – Главном павильоне, в его центральной части – в числе важнейших Всесоюзных проектов значился на специальном стенде бурно развивающийся Павлодар-Экибастузский территориально-производственный комплекс, а также была представлена схема сверхдальней линии электропередач Экибастуз – Центр, по которой электроэнергию, произведённую на уже действующей Экибастузской ГРЭС-1 (а строилась и ГРЭС-2), планировалось перебрасывать в центральные области РСФСР. Я стоял у стенда, и меня напол-

няло чувство гордости – страна, оказывается, не только знает о нас, но и рассказывает о наших великих стройках всему миру...

...Пройдёт примерно 25 лет, и я вновь окажусь здесь, в составе Павлодарской области, демонстрирующей вместе с другими регионами достижения уже суверенного Казахстана. Нашей республике был предоставлен один из самых просторных выставочных павильонов, рядом с павильоном «Космос», и те несколько дней, что проходила выставка, здесь с утра до вечера клубился народ: москвичи, бывшие казахстанцы, теперь живущие в Москве, наши студенты, разного рода деловые люди. Были, само собой, официальные делегации – Российского правительства и мэрии Москвы и просто любопытствующие...

ВДНХ, переименованная, кажется, в Выставочный центр, теперь больше напоминала большой базар – с бесчисленными торговыми киосками, магазинами, ресторанами и «забегаловками», напоминавшими шалманы... В большинстве павильонов либо торговали, либо развлекали – ничто больше не напоминало в них о величии дел некогда великой страны... Но не это потрясло меня больше всего, а то, что я увидел в Первом – Главном – павильоне, с которого по сути и начинается выставка. Центральным его «экспонатом», или, выражаясь современным языком, брендом, был музей подарков «Поля чудес». Да-да, той самой шоу-передачи Первого канала российского телевидения, на которой вот уже много лет без устали «дурит нашего брата» неумоимо-обаятельный Леонид Якубович, которому везут со всей России (впрочем, из-за её пределов тоже) всякую всячину – от солений и маринадов до казахских чапанов и вятских лаптей... Их, этих подношений, так много, что оказалось возможным создать целый музей и разместить на бывшей главной выставке страны, в бывшем главном павильоне. По-моему, более чем блестящая демонстрация положения дел в России «нулевых» годов, её тогдашних приоритетов и состояния умов...

Но я сильно забежал вперёд... А тогда, в свой первый поход на ВДНХ, я обнаружил в павильоне «Цветная металлургия» описание уникальной технологии обогащения низкосортных казахстанских бокситов на Павлодарской алюминиевом заводе... В павильоне «Чёрная металлургия» узнал, что ферросплавы Ер-

маковского завода теснят на мировом рынке ферросплавы, производимые в США, и считаются одними из лучших в мире...

Отыскал «земляков» в милых моему сердцу сельскохозяйственных павильонах: в «Молочном животноводстве» – коров-рекордисток из колхоза имени Тельмана Павлодарского района, дающих в год до семи-восьми тысяч килограммов молока. Этих коров везли через всю страну в товарных вагонах, в сопровождении доярки и скотника, которые оставались при них и на ВДНХ – в течение нескольких месяцев, пока те здесь экспонировались. А выведенные в нашем краю тонкорунные овцы породы североказахстанский меринос – бараны-производители весом более центнера из племзавода «Бескарагайский» – были представлены в павильоне «Овцеводство»...

На задворках ВДНХ, на открытой площадке, обнаружил фрагмент новейшей дождевальная машины «Кубань» с шириной захвата в 800 метров, которая проходила испытания на полях знаменитого на всю страну нашего колхоза имени 30-летия Казахской ССР и павлодарского производственного объединения «Черноярское». Для того, чтобы выставить «Кубань» во всю ширь, на площадке не хватило места, поэтому и был представлен лишь фрагмент...

В павильоне «Зерно» нашёл упоминание о лауреате Ленинской премии, нашем земляке Г.Г. Берестовском, основателе Павлодарской опытной станции по защите почв от эрозии – одном из соавторов почвозащитной системы земледелия. А также – о совхозе «Бобровка» – крупнейшем в СССР производителе гречихи. Директор этого хозяйства Н.Ф. Мальцев и главный агроном В.С. Петрушин были (как в разные годы и многие другие павлодарцы) отмечены медалями ВДНХ разного достоинства – золотыми, серебряными и бронзовыми...

В павильоне «Угольная промышленность» были представлены макеты крупнейшего в мире угольного разреза «Богатырь» мощностью добычи 50 миллионов тонн угля в год и сверхмощных роторных экскаваторов производительностью две и пять тысяч тонн в час...

Не уверен, что назвал всё – за давностью лет, может, что-то и выветрилось из памяти... А тогда я был настолько впечатлён увиденным, что сразу взялся за материал под заголовком

«ВДНХ СССР – о Павлодарской области». Он был опубликован в «Звезде Прииртышья» и даже взят на хранение в областной историко-краеведческий музей.

В те дни я побывал в Доме-музее Льва Толстого, бывшей его московской усадьбе, где меня более всего поразило полное собрание сочинений, если не ошибаюсь, ещё сытинское, девяностотомное... Нашёл небольшую улицу Сивцев Вражек, на которой, как я уже тогда знал, стоит дом, в котором есть квартира Михаила Шолохова, жившего большей частью в станице Вёшенской на Дону. Тогда это был редкий случай – человек имел сразу два жилья... Но ведь это был Шолохов!

Бродил по старому Арбату, невзрачному, серому, ещё не «офонаревшему», как окрестят его после гламурной реконструкции юмористы, и совершенно случайно наткнулся на скромный дом, в котором квартировал с юной Натали Пушкин – после их венчания...

Побывал в квартире-музее А.П. Чехова на Садово-Кудринской улице...

Сходил в Третьяковку, где испытал настоящее потрясение, войдя в один из залов и встретившись взглядом с огромной, во всю торцевую стену, картиной художника Иванова «Явление Христа народу». Позже узнал, что он работал над ней двадцать лет и что она весьма прохладно была встречена его тогдашними собратьями по живописи.

В музеи я ходил целенаправленно, но, случалось, просто бродил – по улицам и переулкам – Тверской (тогда ещё Горького), глаза на дома с мемориальными досками; узкой, кривой и какой-то очень уютной Сретенке; запрятанной в самом центре Москвы улице Грановского, где увидел дом, сплошь увешанный мемориальными досками – здесь жили легендарные Жуков и Будённый и с десятков других деятелей страны Советов, знакомых мне с детства...

Однажды сел на троллейбус «Б» и проехал на нём по Садовому кольцу.

Был, конечно, на территории Кремля, вход куда был бесплатным, а в его соборы стоил копейки...

Однажды часа полтора, если не больше, простоял в «Новоарбатском» гастрономе за палкой дефицитной твёрдокопчёной

колбасы (кажется, это был сервелат), но есть её не стал, а переправил домой...

В гостинице ко мне подселили азербайджанца Алика, инженера по эксплуатации метро из Баку, с которым мы сразу сошлись и даже подружились. Он угощал меня крепчайшей азербайджанской самогонкой-тутовником, которую мы закусывали маринованным чесноком, какого я ещё никогда не пробовал, и вкуснейшими рубиновыми зёрнами из гранатов размером в голову ребёнка... Какое-то время спустя он напомнит мне о себе – в Павлодар приедет его брат, отыщет в редакции меня, вручив бутылку азербайджанского коньяка и с десятков гранатов (таких же вкусных, какие мы ели когда-то в Москве) и попросит помощи... У завода или фабрики, где он работал, был наряд – на вагон рубероида, который выпускали на нашем картонно-рубероидном. Но очередь ещё не подошла... Я позвонил директору завода Н.П. Шабрату, с которым был знаком, и вопрос решился... Алик потом звонил, благодарил, звал в Баку, обещая встретить как дорогого гостя... Не сомневаюсь, что так бы и было, но уже задули ветра перестройки, и скоро вся наша большая страна пошла вразнос...

Но я опять забежал вперёд... В те несколько дней я старался загружать себя с утра до ночи... И трусливо помышлял о побеге – втайне сожалел о том, зачем приехал в Москву... Но деваться было некуда, и в назначенный день я – будь что будет – пошёл в стационар Института красоты. Оформили меня в палату, где уже лежали двое: парень чуть постарше меня и мальчишка-восьмиклассник. Первому исправляли нос, сломанный в драке, и на него после операции без слёз смотреть было нельзя: распухшая физиономия, под глазами – багово-фиолетовые круги, в ноздрях – вата... Он даже говорить сначала не мог... Мальчишке, как и мне, операция ещё только предстояла: его мать решила, что он чересчур лопоухий, что это может помешать ему в жизни, и уложила в клинику затем, чтобы их чуть-чуть прижали к голове... И если в желании первого – подправить искривлённый нос – наличествовала логика, мальчишку мне было откровенно жаль...

Себя, впрочем, тоже... Около суток меня к операции готовили, назначив для моральной поддержки психотерапев-

та (я тогда даже не знал, что такие врачи бывают). Он вёл со мной беседы, успокаивал, уверял, что всё будет нормально... В общих чертах обрисовывал предстоящую операцию: мне прошьют часть ткани за губой, чтобы не допустить сильного кровотечения, потом иссекут губу, и это, собственно, всё... «Прошивку» со временем уберут, и главное дальше, чтобы губа поскорее зажила... По его прикидкам выходило: я пробуду в стационаре дней пять...

Операцию помню не очень хорошо. Мне сделали укол в вену – и я «поплыл» (видимо, это был наркотик). Я был в сознании – меня не усыпляли, мне было не больно, тревога отчасти улетучилась, и я даже мурлыкал всю операцию песни, не шевеля при этом губами...

Ночью, кажется, спал – наверное, мне ещё снотворное вкололи... Проснулся с головной болью, которая не проходила дня два, и сильнейшей жаждой. Но пить нормально не мог – изрезанная губа мешала, пришлось цедить воду из стакана через трубочку для коктейлей...

Потом мне ещё что-то делали: убирали прошивку – очень ловко, будто узелки распустили, подсушивали ранку кварцем... Словом, всё оказалось не так уж страшно, как я себе представлял. Но никаких изменений в своей внешности я не заметил и поделился своими наблюдениями с психотерапевтом, к которому успел проникнуть доверием.

– Ну, а ты как думал? – отвечал он. – Нужны ещё несколько операций, чтобы хоть что-то изменить. Но и они не гарантируют результата. Может, даже наоборот – возникнут побочные нежелательные эффекты...

– Что вы имеете в виду? – насторожился я.

– Как тебе сказать... Например, не исключено онемение губы или отвисание – из-за того, что мышцы будут задеты... Или ухудшение кровотока – тоже ничего хорошего...

Может, он это просто так говорил, а, может, умело подводил к принятию решения, к которому я и без этого был почти готов?

– Слушайте, а может мне не надо ничего этого? – уже прямо в лоб спросил я.

– Чего этого?

– Всех этих будущих операций?.

Он молчал...

– У меня ведь и семья есть, и нормальные дети... Хорошая работа... Жена меня понимает... Да и люди нормально, в общем, относятся, – те, кто меня знает...

– Вижу, и голова у тебя хорошая, – сказал он, – решать, конечно, тебе, но ты, мне кажется, правильно думаешь...

Так был положен конец моим сомнениям... Если бы кто-нибудь сразу со мной вот так, по-человечески, поговорил, объяснил... Хотя, с другой стороны, может, и самому надо было пройти эту часть пути, чтобы принять решение...

Из стационара я уходил с коростой-корочкой на губе, которая ещё не зажила, зато с авиабилетом до Павлодара. В Москве уже тогда была служба телефонных заявок на них и доставки по адресам. У «доставщиков» наверняка были связи в авиакассах, именно поэтому я и стал счастливым обладателем билета за какую-то «трёшку» (три рубля) сверху...

Я твёрдо решил – больше никаких операций. Но с мыслью высветлить родимое пятно (мне это тоже обещали) не расстался. И продолжал летать в Москву раз-два в год – на облучение... Всего я прошёл за несколько лет сеансов пять или шесть. И только потом понял – всё бесполезно: исправить эту «ошибку природы» полностью не удастся, причём, это было недешёвое удовольствие; летал я за свой счёт, что ощутимо сказывалось на нашем и без того тощем семейном бюджете...

Но я ни о чём не жалею, потому что с каждым приездом я всё лучше узнавал Москву – ходил в театры: Вахтанговский, МХАТ, имени Ермоловой и имени Пушкина, Театр сатиры... Открывал для себя новые музеи: Московского Кремля, имени Пушкина, космонавтики... И когда годы спустя мы вместе с женой, детьми оказывались в Москве, я им её уже показывал им на правах человека знающего...

* * *

Воспоминания о других поездках той поры сохранились отрывочные, фрагментарные... Обычно я прилетал за день до облучения, устраивался по путёвке ВДНХ в гостиницу, куда-нибудь выбирался, покупал что-то вкусненького домой – это мог быть сыр «Янтарь», какие-нибудь шоколадные конфеты, апельсины –

если сезон и если повезёт – за ними всегда была очередь... А однажды мне посчастливилось купить сразу пять банок сгущённого молока. Я зашёл в магазин на проспекте Мира, а сгущёнку как раз «выбросили» (так говорили, когда вдруг ниоткуда возникал какой-нибудь сверхдефицит). Давали по пять банок «в одни руки», и я попал в число счастливиц, кому молоко досталось. Пока раздумывал – не стать ли в очередь ещё раз – сгущёнка закончилась...

Наткнулся на небольшой продуктовый магазинчик, в районе старого Главпочтамта, где иногда «выбрасывали» недорогую копчёную колбасу – колечками. Пару раз мне повезло купить – для дома, для семьи...

Рядом был фирменный чайный магазин, где каких только сортов его и видов не было, за исключением любимого в Казахстане индийского... Приходилось довольствоваться чаем № 36 – смешанным, если верить надписи на пачке, из лучших сортов индийского и грузинского. У нас в Павлодаре он одно время продавался свободно, а потом также исчез из продажи...

И, чтобы закончить гастрономическую тему, скажу ещё про торт «Наполеон», продававшийся в специальной фирменной упаковке. Его в Москве часто откуда-то несли, я уточнял – откуда, бросался туда, но мне его ни разу не досталось... Зато всегда было вдоволь вкуснейшего мороженого: «Пломбир» – в больших картонных упаковках (их резали надвое), «Ленинградское» – в шоколадной глазури, «Забава» – с наполнителями. И стоила вся эта вкуснятина копейки...

Я привозил из Москвы диафильмы, которые покупал всюду, где они мне попадались. А потом добрые люди надоумили – показали специализированный магазинчик в переулке за памятником Юрию Долгорукому; там этих плёнок с цветными рисованными сказками и детскими рассказами продавалось великое множество. У нас дома был диапроектор, по которому мы вместе с детьми их потом смотрели. Часть диафильмов дожила до наших дней. И внучка Алиса, бывая у нас, любит их смотреть, хотя у неё припасено мультфильмов и прочих современных талантливых компьютерных поделок столько, что смотреть – не пересмотреть.

* * *

В один из первых приездов в Москву решил побывать в Мавзолее В.И. Ленина. Отыскал хвост очереди, длиной больше километра, в Александровском саду, и стал вместе с ней потихоньку двигаться. Рядом со мной стояли и шли люди разных возрастов, многие были с детьми... Звучала также иностранная речь...

В этой очереди из многих сотен человек никто не следил за порядком, никто в ней не хитрил, не перебегал вперёд. Эта очередь не была скорбной, но в ней ощущалась некая почтительность, торжественность...

К слову сказать, никакого особенного впечатления на меня тело вождя мирового пролетариата не произвело – скорее, оно показалось искусственным. Но делиться ни с кем этими своими ощущениями я, конечно, не стал...

Ещё мне очень хотелось пройти вдоль Кремлёвской стены с табличками, удостоверяющими – чей прах под ними покоится. Но свободный доступ сюда, как и к захоронениям И.В. Сталина, Л.И. Брежнева и других деятелей Советского государства, был закрыт; пришлось довольствоваться лишь фрагментом стены, вдоль которого мы продвигались, выйдя из Мавзолея.

Тогда же побывал в Историческом музее и музее имени Ленина, впоследствии убранном из этого здания ретивыми московскими реформаторами... Думаю, всё же двух таких музеев для одного дня было многовато – все их залы я так и не смог обойти. В Историческом с удовольствием побывал бы ещё раз, но как-то не довелось.

Заходил в храм Василия Блаженного, ещё не отреставрированный, поднимался по витой каменной лестнице наверх, откуда открывался впечатляющий вид на Москву.

А у входа на Красную площадь со стороны Охотного ряда долго стоял у мемориальной доски, удостоверяющей, что в этом здании какое-то время находился под стражей намного опередивший своё время автор «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищев. О чём он тогда думал, сидя здесь, сожалел ли о содеянном, отрекался ли от написанного?

Заходил, конечно, и в ГУМ... Но обилие магазинов на всех его этажах не столько даже изумляло, сколько подавляло, и я

быстро ретировался... До сих пор, впрочем, плохо ориентируюсь в больших торговых центрах и предпочитаю в них не бывать...

* * *

Приехавшему из провинции часто бывает одиноко в Москве, и он начинает искать земляков. Я тоже не был исключением... И в один из приездов заглянул в редакцию Центральной ведомственной газеты, к которой прибилсь бывший павлодарец. У нас он был в авторитете, имел хорошую двухкомнатную квартиру в доме для избранных... Её и обменял на комнату в «хрущёвке» на окраине Москвы. Прописаться же сумел, оформив фиктивный брак с москвичкой – тоже за деньги...

В редакции, как я понял, его не сильно жаловали, в штат не брали, публикуя время от времени написанные им заметки. Меня, тогда ещё корреспондента, он отчасти стеснялся и предупредил, что представлять будет – как заместителя ответственного секретаря (кстати, у нас в редакции эта должность считалась, скорее, технической, нежели творческой, и в мои времена не очень котировалась).

Больше я «на огонёк» к бывшему земляку не заглядывал – понял, что неинтересен ему и что нас ничего не связывает... Но та первая и последняя встреча запомнилась – может, потому ещё, что продолжилась она в третьеразрядном ресторане на Колхозной площади и доставила мне на первых порах немало беспокойства – у меня было маловато денег.

Мы сидели втроём, с женщиной бальзаковского возраста, пили водку, закусывая её лагманом, и ждали четвёртого – заместителя ответственного секретаря той самой ведомственной газеты, у которого были близкие, но не оформленные отношения с этой женщиной и к которому благоволил главной редактор газеты.

Мы уже почти допили бутылку водки, когда четвёртый всё же пришёл. Это был плотный, чуть-чуть округлый крепыш, с большой головой, стриженной «ёжиком».

– Во мне кило, – сообщил он, не без труда уместившись на стуле, и добавил: – Два с половиной часа квасили с главным. Он мне такое порассказал...

Что ему рассказал главный, нам узнать не довелось... Мой земляк, уважительно именуя пришедшего по имени-отчеству,

плеснул ему в рюмку... Тот выпил, и его сразу «повело». Женщина переполошилась и ласково зачестила:

– Крот, ты поешь... Поешь, Кротик!

Я сразу даже не понял – к кому она обращается...

А крепыш начал клонить голову к столу, устраивая её поудобнее.

Женщина пыталась тормошить его:

– Крот, Кротяшка, ну что ты?

Тот не реагировал, и мой земляк философски заметил:

– Да, ладно, не трогай его – пусть подремлет...

В сиреновом гомонящем чаду ресторана никто не обращал на нас никакого внимания.

Водка у нас закончилась, «Кротяшка» всё не просыпался. И мы, расплатившись (вернее, заплатил рублей десять или одиннадцать мой земляк), под руки поволокли его к выходу. Но повезли не домой, к семье, а к женщине, что была с нами, в квартире которой он, пошарахавшись какое-то время в одних трусах, похожих на женские, наконец, уснул... А мы пили кофе на кухне.

Я решил оставить хозяйке визитку – по тем временам большую редкость в Павлодаре. Она, лишь взглянув на неё, пристроила в вазочку, среди нескольких десятков других, стоящих веером, наподобие букета. Я эту вазочку на подоконнике просто не заметил, иначе бы ни стал лезть со своей визиткой...

Женщина что-то говорила моему земляку про то, что «Крот» любит её, а не жену, но из семьи, в которой у него ещё и дочь, всё никак не уйдёт; что она вся измучилась... А мне хотелось как можно быстрее уйти...

...В гостинице я был далеко за полночь, не сразу уснул, а проснувшись часов в пять утра, с какой-то необыкновенной ясностью, очень отчётливо понял: мой самолёт улетел...

Всё дело было в том, что чуть-чуть изменилось расписание: раньше вылет был около полуночи, а теперь – в начале первого ночи. Разница во времени – минут двадцать-тридцать, но я, вообще-то человек предусмотрительный, совершенно не учёл того, что это уже другие сутки и ехать в аэропорт надо было вчера...

...В шесть часов утра сгрёбся, разбудил дремавшую администраторшу и (метро уже работало) отправился на аэровокзал, теща себя надеждой, что рейс, может, задержали... Но за раздолбайство, увы, приходится платить, и скоро я понял, что проблемы мои только начинаются...

Самолёт, само собой, улетел. Билет я сдал, потеряв часть его стоимость, а новый взять не мог – на ближайшие пять дней их не было. Повезло ещё, что были билеты в Омск, на следующий день... Но мне надо было как-то провести в Москве ещё около 15 часов.

Я поехал в центр, где набрёл на зоологический музей, часа полтора провёл там... Больше идти никуда не хотелось, гулять по Москве, что я всегда любил делать, тоже. Да и погода испортилась: шёл то мокрый снег, то дождь, и моя шуба с искусственным мехом наружу превратилась в нечто совсем малопривлекательное. К тому же на ней оторвалась верхняя пуговица, и мне приходилось придерживать ворот, иначе вся грудь была нараспашку...

Если бы я чуть-чуть пошевелил мозгами и утром заплатил за гостиницу, можно было бы поехать туда и поваляться до вечера там... Но я из гостиницы выписался и ехать туда снова, что-то объяснять было выше моих сил...

Опять отправился на аэровокзал, где на выходе из «маршрутки» зацепился за подножку и порвал ботинок, из которого теперь свешивался лоскут...

До самолёта оставалась уйма времени. Я бродил по аэровокзалу, пытался читать газеты, но ничто не лезло в голову...

Потом, сидя на жёстком, обшитом дерматином диванчике, рядом с подполковником, задремал. Очнулся, почувствовав, что меня кто-то трогает за плечо. Это был милиционер.

– Ваш? – спросил он, указывая на стоящий между мной и дремлющим подполковником чемодан.

– Нет, его, – ответил я.

Милиционер ещё раз пристально посмотрел на меня (я вскоре понял, что он хотел проверить у меня документы) и тронул за плечо подполковника.

– За вещами своими смотрите, – сказал ему и отошёл.

Во мне вскипела обида: «Да как он мог! Какое имел право!».

Я встал и пошёл за милиционером, намереваясь «выяснить отношения»... И вдруг увидел себя в зеркале напротив – расхристанного, в колом стоящей на мне шубе с засохшими висюльками, с грудью нараспашку... В грязных ботинках, один из которых был разорван так, что из него свисал лоскут... Зрелище было столь малопривлекательное, что мне тут же расхотелось объясняться с милиционером...

В конце этого дня, когда уже объявили регистрацию, меня ждала ещё одна зуботычина: две очереди стояли рядом – одна, где и я был, регистрировалась на Омск, а другая, где я тоже мог быть, если бы не был раздолбаем, на Павлодар... Я мог быть дома через несколько часов, а летел в чужой город, из которого мне ещё надо было как-то добираться до Павлодара.

И всё же мне повезло: наш самолёт сел в густом-густом тумане, а не был отправлен на запасной аэродром в Новосибирск... И очень быстро, на первом же самолёте из Омска, летевшем по маршруту Павлодар – Семипалатинск – Усть-Каменогорск (и билеты продавали сначала «дальним» пассажирам), я добрался домой.

Это была моя последняя поездка в Институт красоты, которому я, несмотря ни на что, благодарен – и за то, что лучше узнал Москву в её разных ипостасях, и за то, что лучше узнал себя самого...

* * *

1987 год, разгар перестройки... Смятение в умах и большие надежды... Призывы генсека Горбачёва, время от времени выходящего в народ: «Я буду сверху трясти партийную бюрократию, а вы мне снизу помогайте – поддавливайте...». Ведал ли, что творил, человек, волею судеб оказавшийся во главе великой страны? Мне кажется, всё-таки не ведал, хотя спустя десятилетие с небольшим он будет уверять в одной из своих зарубежных лекций, что покончить с компартией и тоталитарным советским прошлым было их с Раисой Максимовной заветной мечтой... Мечта, если она действительно была, сбылась, но заодно покончили с самим генсеком – первым и последним президентом СССР, который жалко лепетал с экрана ТВ: ухожу с

поста президента СССР по принципиальным соображениям. Но не уходил он, а бежал, поджав хвост, дезертировал, бросая на произвол взрастившую его великую страну...

Всё случится так быстро, что очень многие, не исключая и меня, даже не поймут сразу, что происходившее в 1990 и 1991 годах – никакая не оперетка, что и Беловежская пуца, и последующий за ней «парад суверенитетов» – это уже навсегда.

Но всё это будет потом... А пока идёт 1987 год, разгар перестройки, я сам – «горбачёвец», свято верующий в то, что «так жить нельзя», и собачусь из-за него со старшим братом и зятем – «ретроградами», совсем не разделявшими реформаторских усилий генсека, награждая их эпитетами – мудаки и старпёры.

И мне приходит неожиданная поддержка из самой Москвы. Не мне одному, конечно, а всей нашей газете (и не только нашей) – к нам приезжает в длительную командировку заместитель главного редактора журнала «Советский Союз» Александр Германович Колодный. Он делегирован Центральным Комитетом партии, командировку ему подписал один из главных идеологов перестройки А.И. Яковлев – тот самый, что надолго утвердится в высших эшелонах власти – сперва рядом с Горбачёвым, а потом около Ельцина и даже бывшим центральным ТВ поруководит при нём.

Колодный же приехал для того, чтобы помочь нашей газете решительно перестроиться на новый лад. Посланцы ЦК КПСС с подобными поручениями были разосланы Яковлевым по всей стране, в том числе и в несколько областей Казахстана.

Едва А.Г. появился на нашей утренней планёрке, как всем стало ясно: он – не нашего поля ягода, он – птица иного полёта... Высок, представительен, импозантен... Неброско, но со вкусом одет. Хорошо поставленная, неторопливая речь... В нём не было ни высокомерия, ни столичного снобизма, но сразу чувствовались значительность и вес.

Мне даже теперь трудно судить о том, насколько нужна была эта поездка самому Колодному (а он у нас пробыл целых три месяца). Думаю, всё же не очень нужна, вернее – не нужна совсем: он мне однажды сказал, что как раз в эту пору у него намечалась командировка в США. А тут – какой-то Павлодар,

о котором он до этого, может, и слышать не слыхивал... Но от партийных поручений, тем более такого уровня, отказываться было не принято... Так Александр Германович провёл у нас три весенних месяца 1987 года. И мы с ним довольно близко сошлись за это время. Я – в то время уже первый зам редактора «ЗП» – был нужен ему как союзник в его реформаторских усилиях. Он был мне интересен во всех смыслах – и как журналист, который в курсе всего, что меня интересовало, и как человек, повидавший мир (хоть он об этом и не шибко распространялся), и как собеседник, с которым можно было откровенно поговорить «за жизнь», даже о вещах сугубо личных...

Он много лет проработал бок о бок с Алексеем Ивановичем Аджубеем, легендарным редактором «Комсомольской правды» и «Известий» хрущёвских времён, про которого нам проговаривал присказку ветеран «ЗП» Владимир Митрофанович Воронов:

«Не имей сто рублей,
Не имей сто друзей,
А женись – как Аджубей».

Аджубей был зятем Хрущёва, мужем его дочери Рады, и очень быстро вознёсся из кресла редактор «Комсомолки» в кресло редактора «Известий», сделав эту газету лучшей в стране – интересной, динамичной, читаемой... Сразу после принудительной отставки Хрущёва был «отставлен» и подвергнут опале Аджубей, которому позволили работать лишь в этом глянцево-пропагандистском журнале, признанном популяризировать достижения советского строя. Журнал «Советский Союз» выходил на разных языках и распространялся в разных странах. А Колодный был первым заместителем главного редактора – поэта и общественного деятеля Николая Грибачёва.

Нельзя сказать, что после приезда московского куратора наша газета кардинально изменилась... Но то, что она изменилась к лучшему, – бесспорно. Можно вспомнить хотя бы акцию «Судьба завода» – о болячках многострадального Павлодарского тракторного завода – не только технических и технологических, но сугубо человеческих тоже. Серия публикаций на эти темы всколыхнула более чем 20-тысячный коллектив, многие тракторостроители, откликнувшись на наш призыв, присла-

ли свои письма в газету, в которых делились своими бедами и обидами, предлагали пути решения годами копившихся заводских проблем.

Была опубликована зубодробительная статья нашего ермаковского собкора Юры Сакина «Чванство в кресле» – о партийном чиновнике-грубияне... Были и другие сугубо перестроечные всплески на страницах «ЗП», предложенные Александром Германовичем или поддержанные им.

Помню наши прогулки по набережной, долгие беседы, отчаянные споры в редакции и у него в гостинице. Случалось, мы не на шутку схватывались, и я мог наговорить лишнего, он же, надо отдать ему должное, не обижался, а, может, делал вид, что не обижается... И даже рекомендовал первому секретарю обкома партии П.И. Ерпилову, которого окрестили «ветераном номенклатурного движения», присмотреться ко мне на предмет будущего редакторства (наш С.П. Шевченко, которому было уже 60 лет, готовился на пенсию). Рекомендовал меня, конечно, не один Колодный, но его голос, если хотите «мнение Москвы», в глазах тогдашнего первого секретаря значил очень много... Кстати, при окончательном собеседовании со мной Ерпилов, для которого я был, скорее, «не вполне нашим» – человеком другого поколения – не преминул, поджав губы и всё ещё сомневаясь, – тому ли вверяется пост – заметить: вот, мол, и Александр Германович мне вас рекомендовал...

Отъезд Колодного в Москву памятен мне ещё и тем, что в ночь перед его отлётом родился наш младший, третий сын, Пашка. Было это 29 мая 1987 года.

Когда состоялось моё назначение, в сентябре 1988 года, позвонили из Москвы – А.Г. Колодный и секретарь обкома по идеологии А.М. Ажибаева, также отечески опекавшая меня, и осведомились: «Это квартира редактора «ЗП» Ю.Д. Поминова?». И я понял, что весь минувший год меня так или иначе вела к редакторской должности «рука Москвы».

Мы с Колодным до этого уже встречались в Москве. Наша газета в тот год яростно боролась против строительства в Павлодаре экологически вредного (что, как теперь понимаю, было некоторым преувеличением) завода белково-витаминных

концентратов. И городские власти, вкуче с областными, дабы прочистить мозги противникам нового проекта, сформировали группу из специалистов, включив в неё представителя дирекции будущего завода Н.М. Хлыстуна, заместителя главврача областной санэпидемстанции Ю.Н. Калинина, главного инспектора службы охраны атмосферного воздуха Т.К. Искакова и меня, уже опубликовавшего несколько материалов против «завода-монстра».

Это была во всех смыслах замечательная поездка: Москва, Белоруссия, древний Полоцк и юный Новополоцк, Витебск, пусть только проездом; Ленинград и его морской вокзал, в гостинице которого мы ночевали; городок Кириши, уютный, утопающий в зелени, почти курортный. Мы встречались со специалистами министерства медицинской и микробиологической промышленности, представителями Новополоцкого и Киришского заводов, производящих белково-витаминный концентрат, санэпидемиологами...

Забегая вперёд, скажу, что мы (общественность города, разбуженная прессой) в тот раз, может, единственный на моей журналистской памяти, победили, и союзному министерству – Минмедбиопрому – было отказано в строительстве у нас нового завода. Хотя речь сейчас не об этом, а о нашей первой встрече с А.Г. Колодным в Москве.

Я позвонил ему сразу, как только мы прилетели, из Домодедова. Договорились, что перезвоню – сразу, как только мы определимся с дальнейшими планами. После обеда нашу группу ждали в министерстве, и я туда решил не идти (позиция ведомства была мне хорошо известна), а пообщаться с Колодным.

Пообедать мы решили в популярном в ту пору кафе «Арбат» на Арбатской площади – в том самом, у которого я несколько лет назад, слякотным осенним вечером наблюдал, как разъезжались с приёма послы иностранных государств. Звучал по громкоговорителю голос, вызывавший поочередно: «Машину посла Великобритании к подъезду...». Или Дании, Греции, Бразилии... И на небольшой пятачок у здания, где, кроме кафе, был ещё и престижный ресторан, подруливали разномастные лакированные лимузины с флажками на капоте... Мне хорошо их

было видно сверху, с Калининского проспекта, переходящего в Арбатскую площадь.

На этот раз сюда же подрулила посланная за мной Колодным чёрная «Волга» с двумя первыми нулями на номерном знаке – признаком известного номенклатурного шика (редактора «ЗП» в советские времена тоже возила «Волга» с двумя нулями, даже какое-то время и меня – 00-80 ПАА). Машина подошла чуть раньше условленного времени, и я едва не подавился, заглатывая остатки, между прочим, вкусного обеда. Попутчики же мои были весьма впечатлены оказанным мне столь высоким знаком внимания в самой Москве...

Журнал «Советский Союз» располагался в центре Москвы, в уютном особняке Камергерского переулка, напротив Старого МХАТа. Встретил меня Колодный радушно, напоил чаем, живо расспрашивал о редакционных делах, общих знакомых... Завёл меня в кабинет главного редактора, где на отдельном столике покоился под деревянным саркофагом, запертым на ключ, телефон специальной правительственной связи с гербом – так называемая «кремлёвка». Само собой, у Колодного был доступ к нему, и он им пользовался...

Несколько часов мы провели вместе, после чего А.Г. отвёз меня на вокзал и передал с рук на руки землякам... И они, уже в поезде, долго допытывались у меня, кто это такой и откуда я его знаю...

Став редактором, я уже частенько бывал в Москве, и не было случая, чтобы мы не повидались с Колодным. Он всегда заказывал мне гостиницу – обычно это был одноместный номер в «России» – по некоей загадочной «нулевой» брони. Надо лишь было в службе размещения восточного блока гостиницы сказать это волшебное слово, назвать фамилию, добавив иногда при этом «плюс один», если я приезжал с женой, или для встречи со мной в Москву приезжал младший брат Петька из Ленинграда, аспирант института имени Герцена. С братом однажды вышла такая история: он приехал из Питера утром, я же должен был прилететь только поздно вечером. Брат позвонил мне в Павлодар, я сказал ему, что номер нам заказан, в «России», «нулевая» бронь, «Поминов плюс один», но ему, скорее всего, номер не дадут... Поболтайся, мол, по Москве, встретишь меня в аэропорту – при-

едем и поселимся... Не прошло и часа – он опять звонит, уже из номера гостиницы, и говорит: «Это я Поминов, а ты теперь «плюс один», и я ещё подумаю – брать ли тебя к себе!». Говорит, что всё свершилось – будто по мановению волшебной палочки: подошёл, произнёс заветные слова, старшая смены достала откуда-то кусочек бумажки, на которой было начертано карандашом «Поминов плюс один» – и брата тут же поселили...

Нынешнему путешественнику или командированному смешно читать про всё это: какие-то звонки, брони, неуместные восторги... Сегодня поселят – куда захочешь, были бы деньги... Но тогда-то места в гостиницах были дефицитом из дефицитов...

Вот и у Колодного однажды что-то «не срослось» с «Россией», и он мне по телефону сказал, что жить буду в «Украине». Помните эту одну из семи знаменитых московских сталинских «высоток»? И всё бы ничего, мне даже интересно было там пожить, если бы не механизм поселения, нарисованный Колодным... Я должен был подойти к администратору, назвать фамилию и сказать: «Есть запись в книге».

«И всё?» – удивился я. «Всё, всё», – отвечал по телефону уже занятый чем-то другим Колодный... «Александр Германович! – взмолился я. – Будет час или два ночи, когда я приеду. Кто там разговаривать со мной станет? Нельзя ли по прежней схеме – бронь, фамилия?». «Приедешь – скажешь: «Есть запись в книге», – повторил он. – И всё сделают».

...В огромном вестибюле «Украины» я оказался около двух часов ночи... Пока летел и ехал – исстрадался: вдруг на этот раз неведомый мне механизм не сработает? У стойки дежурной администраторши бузил нетрезвый швейцар, которого она никак не могла успокоить... Я чувствовал себя явно чужим на этом «празднике жизни» – бедным родственником...

«Вам что?» – наконец дежурная соизволила и на меня обратить внимание. «Есть запись в книге», – произнёс я пароль, стараясь говорить как можно твёрже... Администратор куда-то заглянула, уточнила фамилию и... вдруг спросила: «Хотите чаю?» – у неё как раз чайник закипал... «Спасибо!» – вежливо отвечал я. «Спасибо – да или спасибо – нет?» – уточнила она. «Нет-нет», – поспешил заверить я...

«Вы извините нас», – сказал она, имея в виду перебранку со швейцаром, который теперь «разбирался» в вестибюле ещё с кем-то... «Да что вы, что вы, не за что», – отвечал я, мечтая побыстрее получить заветный номер... Но оказалось её ещё что-то интересовало... «В милиции работаете?» – как бы между делом, осведомилась она. «Да нет», – уклончиво отвечал я, почему-то решив не признаваться – кто я на самом деле... Может, просто не хотел её разочаровывать...

Номер мне достался хороший, одноместный, со старой массивной мебелью, большой кроватью и тёплым одеялом... В нём ощущался некий аромат старины и благодетельства...

* * *

С 1987 по 1991 год, до самого распада СССР, я встречался с Колодным в Москве много раз. Чаще всего – в редакции «Советского Союза», но бывал и у него дома, на Комсомольском проспекте, где впервые увидел видеомаягнитофон и где мы с ним пили кофе... С Колодным я впервые узнал, что такое шведский стол, когда он привёл меня в полукафе-полустоловую, располагавшуюся на задворках гостиницы «Москва»...

Нет, увы, теперь ни «России», ни «Москвы», навевающих мне сладкие воспоминания. Жива, правда, «Украина», ныне фешенебельный отель, в котором мне тоже не живать – из-за заоблачных цен...

Зачем я нужен был Колодному в ту очень непростую и для меня, и для него самого пору? Оказавшийся в редакторском кресле, когда огромная страна шла вразнос, между двух огней – с одной стороны партия, которая продолжала рулить всем, но уже теряла власть; с другой «общественность», разбуженная ветрами перестройки – с её амбициозными, подчас неменяемыми лидерами, – я часто попадал в ситуации, представлявшие мне безвыходными. И вешал свои проблемы на Александра Германовича – и по телефону, и приезжая в Москву. Он терпеливо выслушивал, иногда сердился: «Ты что, думаешь, можно долго усидеть на двух стульях – чтобы «и вашим, и нашим?». Ты уж определись чего хочешь – конституции или севрюжины с хреном!». «Знать бы только: кто – «наши», а кто «не наши!» – с досадой отвечал я, не желаящий по большому счёту быть ни с «теми» и ни с «этими», хорошо сам понимая, что так не бывает...

Почему он терпел меня, эти мои стенания, шатания-болтания? Почему не послал ни разу ко всем чертям? Я этого не знаю. Наверное, он был и есть из той породы людей, которые всегда в ответе за тех, кого приручили... Хотя разве он приручил меня?

После распада Союза мы довольно долго не виделись. Я иногда позванивал ему, он – всего раз или два... Вместе с Союзом ушёл в небытие и журнал, который он возглавлял в пору его заката. Потом он редактировал всероссийскую газету «Век», редакция которой располагалась в знаменитом здании издательства «Правда» на улице газеты «Правда». Я пару раз был у него в гостях, подарил ему свою книгу «Живу», на которую с его подачи «Век» отозвался доброжелательной рецензией... Позднее А.Г. редактировал ещё «Родную газету»... Перенёс операцию на сердце, но продолжает работать, правда, уже не редактором, и служить России, как много лет служил СССР.

Мы с ним много лет почти не общались, ведь время и жизнь разводят людей. Но я не забыл его и вспоминал всегда с благодарностью... Тем более, что с ним сошёлся мой средний сын Димка, имеющий некоторое отношение к журналистике, который бывал у него в Москве регулярно, советовался, сверял часы...

Интересно, помнил ли Александр Германович весенний вечер 1987 года. Мы с ним гуляем по набережной, неподалёку от его гостиницы и моего дома, где нас находит Димка... Говорит, что дал знакомому мальчишке показаться на новеньком велосипеде (он был подарен Димке только что, на день рождения), и тот уехал неизвестно куда...

Велосипед мы в конце концов нашли, а пока искали, А.Г. всё время повторял мне: «Ты только его не бей, ладно? Не бей его...».

Да не бил я его, не бил... Хотя иногда и надо было бы... Даже теперь, когда уже поздновато...

* * *

Я дарил свои книги Александру Германовичу. Надеялся, что он прочтает со временем и эти строки... Но предположить не мог, когда писал их, что его уже нет в живых. Он умер в июне 2013 года, на 76-м году жизни, но ни журналистская, ни другая

общественность не заметили его кончину, хотя он был не последним человеком в Москве и продолжал работать до последнего дня...

* * *

В конце восьмидесятых – самом начале девяностых годов теперь уже прошлого века я тоже бывал в Москве довольно часто: съезды Союза журналистов, разного рода курсы, поездки по собственной инициативе... Жаль, что продолжалось это недолго – редактором я стал в сентябре 1988 года, когда наша большая страна, благодаря усилиям московских реформаторов и их сподвижникам разного рода «на местах», уже начинала сотрясаться, а в конце 1991 года СССР прекратил своё существование. И это неправда, что развалился он сам – его усердно и целенаправленно разваливали. Но это, впрочем, тема для отдельного разговора.

Немногим больше года отработав редактором и получив первые редакторские отпускные вместе с зарплатой (что-то около 750 рублей), наконец-то, сдержал обещание, данное семейству... Вчетвером: мы с Ольгой и сыновьями Данькой и Димкой съездили в Москву.

Жили в гостинице «Байкал», в районе Ботанического сада, неподалеку от ВДНХ. Места нам были гарантированы как участникам... Выставки Достижений Народного Хозяйства. Я уже не раз пользовался таким способом поселения, а на этот раз смог добыть сразу три путевки, и нам достался отдельный трёхместный номер. Единственное неудобство – Ольге пришлось спать на одной кровати с Димкой...

Выполнять культурную программу в столице начали, как водится, с Красной площади и Кремля. Никакого особого впечатления на сыновей эти посещения не произвели. Разве что Царь-пушка и Царь-колокол... Димка, правда, был разочарован, узнав, что из Царь-пушки никто никогда не стрелял...

Побродили по «новому» старому Арбату. Я им рассказывал, что видел его совсем другим, непарадным, непраздничным, достаточно серым... Показал семейству Кривоарбатский переулок, где, если верить Алексею Толстому, жили Катя и Даша Булавины из «Хождения по мукам»; театр имени Вахтангова;

круглый дом Мельникова и дом, где жили сразу после женитьбы Пушкин с юной Натали...

Остановились у пары художников, за деньги рисующих шаржи на прохожих. Один – большой, рыхлый – все время канючил, что к нему никто не идет, попрекал компаньона... Тот – маленький, шустрый, к тому же пьяненький, в какой-то замызганной курточке и похожей на клоунский колпак шляпе, отвечал: «Помолчи, старый, ты меня напрягаешь», – и за 15-20 минут набрасывал очередной шарж. Мы уговорили Димку, и меньше чем за полчаса его шустрый и, как мне кажется, талантливый портрет (острый нос, рот до ушей с двумя зубами) был готов. «А где другое ухо?», – допытывался с интересом наблюдавший за творческим процессом прохожий. «А куда я его должен лепить – на лоб?» – невозмутимо отвечал художник, получая от нас честно заработанный червонец.

Один день мы провели наВДНХ. А поскольку всю выставку и за неделю не осмотришь, я, сам не зная почему, потащил всю нашу компанию в сельскохозяйственные павильоны, в которых неизгладимое впечатление на детей произвёл черный хряк по кличке «Барон». После этого посещения Димка неоднократно именовал старшего брата не иначе как черным хряком.

Были мы, конечно, в павильоне «Космос», покатались на гигантской карусели и на колесе обозрения. Посмотрели фильмы в стереокинотеатре, где нам выдали специальные очки для объёмного восприятия того, что происходит на экране. Ощущение, будто все не на экране, а вокруг тебя...

Еще мне хотелось, чтобы семейство увидело Москву со смотровой площадки Останкинской телебашни. Приехали туда – билетов уже нет. Рискнул зайти к какому-то чину; стал вешать ему «лапшу на уши», он что-то черкнул на бумажке, билеты нам выдали, и вскоре мы уже поднимались на скоростном лифте наверх. Жаль, что в тот день над городом была сильная дымка, и рассмотреть по-настоящему Москву с высоты птичьего полёта нам не удалось. Но все же мальчишки остались довольны.

Ездили по городу с экскурсией на автобусе, предусматривающей, помимо прочего, посещение Новодевичьего кладбища. Я там давно хотел побывать, но до тех пор не уда-

валось – оно почти всегда было закрыто для «неорганизованных» туристов. И на этот раз приехали не совсем удачно, уже к закрытию, поэтому посмотреть успели немного. Запомнились величественная Фурцева из белого мрамора, двухцветная мощная голова Хрущева, скромный камень на могиле Михаила Булгакова, крохотная скамеечка из камня у могилы Надежды Алилуевой – жены Сталина...

Ходили на вернисаж в Измайловском парке – нечто, напоминающее выставку и барахолку одновременно. Художники, продающие свои картины; торговцы антиквариатом, книгами и всевозможной рухлядью; какие-то менялы, шныряющие тут и там; празднующая публика – вроде нас – и прочая, прочая... И вся эта масса людей, как русло бурной реки, все время в движении – шумит, перетекает с места на место и сразу во всех направлениях.

На вернисаже Димка попросил купить ему большой круглый значок-самоделку с исчерпывающей надписью «Отвали!». Такой же значок с надписью «Генеральная секретарша» я купил в подарок нашему редакционному техсекретарю Любе Нагель.

В Измайлове сходили на цирковое представление с участием знаменитого Игоря Кио. Нам с Ольгой никак не удавалось убедить Даньку в том, что медведи, которые ездят на трехколесных велосипедах по арене цирка, – настоящие. Он был уверен: это – переодетые «под медведей» люди, и ушел с представления с твердым убеждением в том, что нас всех разыграли, а отец с матерью не хотят сказать ему правды.

Так пролетели все пять дней. Выматывались мы невероятно... Добираясь вечером до гостиницы, пропахшей тушеной квашеной капустой, с удовольствием пили на ночь густой и вкусный московский кефир в прямоугольных картонных пакетах. По магазинам не ходили принципиально, из приобретений – лишь два школьных «фирменных» костюма для Даньки и для Димки. У нас в Павлодаре и это был дефицит, а в школе требовали, чтобы ученики были в форме.

Хорошо провели время в Москве. Мне, правда, иногда изменяла выдержка – «выступал» то на Даньку, то на Димку, но, кажется, они не остались в обиде – было что рассказать друзьям, чем похвалиться. Да и относительно недорого обошлось

нам путешествие: хотя и летали туда и обратно на самолете (два взрослых и два детских билета), пять дней жили в гостинице, что-то пили-ели, на все про все хватило уже упомянутых отпускных...

Летим обратно домой, спрашиваю у Димки:

– Что тебе больше всего в Москве понравилось?

– Пончики с повидлом на Ленинских горах, – не задумываясь, отвечает он.

* * *

Ноябрь 1990 года...

Ездили в Москву с редактором газеты «Сарыаркасамалы» А.М. Мухамеджановым набираться ума-разума – на трехдневный семинар по правовым, политическим и экономическим аспектам работы прессы в условиях надвигающегося рынка. Недешевое, надо сказать, удовольствие: оно обошлось нашим редакциям по 300 рублей – тогда ещё почти полновесных. Семинар проходил под эгидой нового российского министерства – средств массовой информации; его представители задавали на нем тон, расставляли политические акценты...

Первое и главное впечатление: воочию убедился, как далеко зашла конфронтация между союзными и российскими верхами. Конечно, это не было для меня открытием, но одно дело – следить за подобными разборками по телевидению и центральным газетам, и совсем другое – лично наблюдать неистовство одной из сторон (в данном случае – российской), демонстрирующей полнейшую уверенность в своей правоте, бескомпромиссность, нестесненность в выражениях... Впрочем, тогда разве что ленивый не пинал союзный центр... Но я всегда с опаской относился к людям, не ведающим сомнений, слишком быстро прозревающим и суперрадикальным. А здесь всего этого в речах было хоть отбавляй. Чего стоит одна фраза из выступления перед нами только что назначенного министром российской прессы М.Н. Полторанина, брошенная им в полемическом запале:

– Мы загоним Горбачева в угол!

Представители российских «районок» на семинаре криком кричали о том, что судьба их газет из-за экономических неурядиц висит на волоске, а министерство информации было в

первую очередь озабочено созданием новых – советских (разумеется, в пику действующим партийным) – в тех же районах, городах, областях... Что будет с теми, которые уже есть и много лет работают, за которыми миллионы читателей, по большому счету никого не интересовало. Я понимал: политическая борьба, конкуренция... Но ведь опять безоглядно рушили созданное – пусть не идеальное, но вполне дееспособное – еще понятия не имея о том, что родится взамен.

Впрочем, известное впечатление о том, что создается, можно было составить, побывав на московском «острове демократии» – Пушкинской площади. Здешние переходы в метро были завалены новой прессой, взалхлеб демонстрировавшей политический и сексуальный плюрализм. Антикommунистические «Столица» и «Моссовет», «Свободное слово» (Демократического союза), газеты монархистов, кадетов, социал-демократов и даже сексуальных меньшинств... Стоимость – от рубля до пяти за экземпляр. И ведь брали!

...Несмотря на все его перекосы, семинар был все же полезным. Получил более полное представление о расстановке политических сил в стране, о сути противоречий российской и союзной политических элит (грызлись именно они, народ в это время был озабочен элементарным выживанием). Тогда же окончательно понял: согласие между «командами» Горбачева и Ельцина невозможно. Шла жесточайшая борьба за власть, в которой все средства были хороши, не исключая и принцип, по которому действовали российские парламентарии во главе с Ельциным: «Чем хуже для Горбачева, тем лучше для нас».

Сколько-нибудь систематизированных, внятных знаний по части организации рекламы и прочих коммерческих дел в газете на этом семинаре получить не удалось. Я для себя сделал вывод: спасение утопающих – дело рук самих утопающих; надо жить своим умом, учиться зарабатывать деньги и рассчитывать, главным образом, на собственные силы.

Любопытно было наблюдать представителей новой московской интеллектуальной элиты. Доктор юридических наук Михаил Федотов – один из авторов союзного закона о печати, человек с импозантно-экзотической внешностью – любое об-

ращение к нашей журналистской братии начинал с неизменной вкрадчиво-задушевной фразы «Уважаемые коллеги!». А далее, как правило, следовало: ничего мы в этой новой жизни не понимаем, закон о печати прочитать не удосужились, вопросы задаём дурацкие, и общаться с нами – сплошное мучение. А то, что говорилось это в самых изысканных выражениях, сути сказанного не меняло.

Перед нами выступал Григорий Явлинский – тот самый, один из авторов российской программы перехода к рынку «500 дней». Умён, обаятелен, блестящий полемист. Б.Н. Ельцин настоял на его назначении заместителем премьер-министра российского правительства – с тем, чтобы он сам внедрял в жизнь разработанную им программу. Но, проработав на этом посту всего несколько недель, Явлинский подал в отставку. Мотивы: правительство не смогло обеспечить всех условий, заложенных в его программе, а поэтому он не может нести ответственности за ее реализацию. Наверное, это была не только самая быстрая и головокружительная карьера, но и самая скорая отставка в новейшей истории России, причём о последнем Явлинский, похоже, нисколько не жалел.

Вальяжный редактор «Московского комсомольца» Павел Гусев делился опытом коммерциализации своей газеты и сказал, что уже в будущем году редакция избавится от одиозного названия. И уже придуман эффективный ход для этого: старое название будет с каждым номером сжиматься, как шагреновая кожа, а новое – соответственно – расти. Каким будет новое название, Гусев не сказал.

Как известно, название до сих пор остается прежним, не смотря на то, что «комсомольского» в газете давно ничего нет. Зато есть «раскрученный» бренд, которым до сих пор с успехом пользуется Гусев со товарищи, хотя вернее было бы сказать – «со господ».

Из других любопытных моментов той поездки – наш с А.М. Мухамеджановым поход в видеосалон на просмотр эротического фильма. Салон представлял собой тесный, замызганный полуподвал с раздолбанными жёсткими стульями, а фильм – череду сменяющих друг друга имитаций половых актов, без какого-то ни было внятного сюжета...

Сама Москва ноября 1990 года оставила ощущение серости и неопрятности, перманентного ремонта всего и вся, тотального дефицита и очередей – везде и всюду.

* * *

В редакторах побывал на курсах в Академии общественных наук (сокращённо – АОН) при ЦК КПСС. Раньше редакторов областных газет собирали на подобный партийный ликбез (и для прочистки мозгов тоже) раз в пять лет и на целый месяц, а в перестройку – чаще всего на неделю-десять дней. Я на подобных курсах был впервые, еще и поэтому впечатлений – хватало.

Ситуацию в стране с самых разных сторон нам обрисовывали секретари ЦК КПСС (в том числе члены Политбюро Е.К. Лигачев и В.А. Медведев), союзные министры и их заместители, главные редакторы «Правды», «Известий», «Советской России»... Старался записывать всё, исписал целый большой блокнот и эти записи сохранились.

Решил, хоть и не без сомнений, включить выдержки из них в эти «московские страницы», потому что они рисуют картины нашей тогдашней жизни – накануне крушения СССР.

Но сначала – о некоторых общих впечатлениях. Новый большой комплекс зданий АОН на юго-западе Москвы занимал внушительную охраняемую территорию, отгороженную от внешнего мира. Здесь все было устроено, чтобы жить автономно, учиться, ни на что не отвлекаясь, не выходя на шумные, суетливые улицы столицы.

Отличные жилые комнаты (на каждого отдельная) со всеми удобствами, разве что без телевизора (он был рядом в холле, но я не замечал, чтобы у него собирался народ, даже свой любимый «Взгляд» я частенько вечерами смотрел в гордом одиночестве). А в комнате, кстати, была не только посуда, но и небольшая электроплита. В столовой, даже с моим отменным аппетитом, на обед хватало рубля... Это было раза в три дешевле, чем в любой общедоступной столовой Москвы с их убогим ассортиментом блюд. В буфетах АОН, если повезет, можно было купить и хорошей копчёной колбасы, которая к тому времени давно исчезла из столичных магазинов. Я же приноровился ходить сюда за дефицитным индийским чаем: моя мать была до него большая охотница... Чтобы не выглядеть чересчур «де-

фицитоозабоченным», брал за раз по паре стограммовых пачек и натаскал его с килограмм. Мать была счастлива...

Был тут даже бар, который по вечерам превращался в ресторан, но мы туда ни разу не ходили. Большинство коллег предпочитало стратегические запасы «горячительного», прихваченного из дома. Я, впрочем, и тут просчитался, решив, зачем же повезу в Москву с собой водку... А она тут из свободной продажи тоже тогда исчезла...

Но, кажется, я увлёкся гастрономическо-бытовой стороной той нашей жизни... А в АОН были созданы и прекрасные условия для учебы: десятки аудиторий самой разной вместимости; прекрасная библиотека; киноконцертный зал, книжный и газетный киоск (по утрам именно здесь возникала самая большая очередь) и прочая, прочая, прочая... Плюс прекрасный стадион и даже теннисный корт. Скорее всего, я назвал далеко не все, но, думаю, и этого достаточно, чтобы сделать вывод: партия не жалела средств для воспитания своих кадров...

Теперь о некоторых общих впечатлениях, оставшихся после тогдашних недельных курсов (срок обучения нам на парутройку дней урезали). Самое главное – усилилось ощущение растущей нестабильности жизни, разброда в умонастроениях, какой-то всеобщей неопределённости... Усилилось чувство личной тревоги: что-то со всеми нами будет?

Настроение редакторского корпуса (сужу по выступлениям собратьев в дискуссиях, по отдельным их репликам и вопросам разного рода ораторам, по личным контактам) я бы определил как умеренно-консервативное. Я, конечно же, могу ошибаться, но радикальных речей не звучало. А вот стенаний по поводу того, что «ЦК не дает достойного отпора демагогам и чернителям всех мастей, а также не дает, как встарь, хороших рекомендаций, упускает власть...», прозвучало немало.

Любопытно, что наш брат-редактор, сетуя на зажим критики, амбициозную реакцию на нее со стороны партчиновников и начальников разного ранга, сам эту критику тоже часто принимал в штыки. Как-то к нам пришёл новый главный редактор журнала «Журналист» Д.С. Аврамов. На него тут же навалились редакторы «Тамбовской правды» и «Правды Украины». Первый был недоволен критическим письмом местного «неформала»

в адрес своего издания, а второй буквально «нёс» редактора «Журналиста» за аналитический материал, в котором критически осмысливалась позиция украинского коллеги. И все бы ничего, но уж больно знакомые нотки звучали в яростной речи седовласого редактора «Правды Украины»: «А ведь мы стояли и стоим на твёрдой партийной позиции!». Редактор «Журналиста» пытался возражать: «Да вы же не опровергаете по сути ни одного факта из нашей корреспонденции...». Но на него тут же ополчились редакторы областных газет с Украины: «Вы шельмуете не только редактора главной партийной газеты республики, но и председателя правления республиканского Союза журналистов, за которым стоят тысячи журналистов...».

Не думаю, что эти тысячи в данном конкретном случае за ним и вправду стояли, потому что я хорошо помнил эту корреспонденцию в «Журналисте» – спокойную аргументированную, с элементами критики, но не более того... Увы, в который раз убедился: мы, журналисты, тоже хороши и не всегда объективны и самокритичны... Глупо было обижаться на редакторов партийных газет за их консерватизм: все мы оставались людьми своего времени, большинство пришло на свои посты не сегодня и даже не вчера; сказывалась «идейная закалка» кадров; а в условиях нестабильности и всевозможных шараханий людей вели к умеренности, золотой середине трезвый расчет и инстинкт самосохранения.

Ещё мои собратья-редакторы требовали повышения зарплаты. За время курсов на этот счёт перед нами высказались многие высокопоставленные ораторы и все по-разному: одни заверяли, что «вопрос будет решен днями», а другие, наоборот решительно заявляли, что «никаких денег на повышение зарплаты журналистам не дадим». Что уже само по себе свидетельствовало о неразберихе и хаосе, царящих в высших эшелонах власти.

А наибольшую изворотливость проявил, выступая перед нами, управляющий делами ЦК КПСС Н.Е. Кручина – наш земляк, бывший первый секретарь Целиноградского обкома партии. Говорили, он пользовался особым доверием у Л.И. Брежнева, с которым был знаком еще с целинных времен; еще говорили, что именно благодаря поддержке Кручины смог пе-

ресидеть в нашей области первые перестроечные годы (и неплохо устроиться в Москве после отставки) его давний товарищ, первый секретарь обкома партии П.И. Ерпилов. В руках Н.Е. Кручины находилась многомиллионная партийная касса, и от его позиции во многом зависело решение столь интересующей нас проблемы. А он за час с лишним общения с нами по существу вопроса так ничего и не сказал, лишь заявив напоследок, что внимательнейшим образом все изучит, рассмотрит и т.д. Это было великое искусство аппаратной партийной бюрократии... Неудивительно, что он сохранял за собой этот пост – ключевой в партии (его некоторые считали повыше «рядового» секретарского) – при новом Генеральном секретаре ЦК КПСС.

Пройдёт не так много времени, и после провала ГКЧП Н.Е. Кручина покончит жизнь самоубийством, выбросившись из окна своей квартиры. Мне в подобную версию случившегося, учитывая личность Кручины и его характер, поверить трудно, но она, похоже, многих устраивала...

При переполненном большом актовом зале проходила встреча с секретарём ЦК КПСС Е.К. Лигачёвым, представляющим консервативное крыло партии. Держался он уверенно и просто, не раз срывал одобрительные аплодисменты, частично открещивался от приписываемой ему антиалкогольной кампании, но говорил также и о положительных её аспектах.

А вообще на тех курсах были встречи интересные, яркие и не очень, даже дежурные. У меня сложилось впечатление, что «приходящие» ораторы – зампреды Совмина, министры, ученые – были менее ортодоксальны, более современны, чем наши, «АОНовские». Наверное, это закономерно: первые стояли ближе к жизни, поскольку каждодневно сталкивались с ее реалиями.

Именно на этих курсах я как-то очень отчётливо понял, что всем нам (и газетам – в том числе) скоро придётся жить в совершенно новых условиях: деньги не получать, а зарабатывать; пройти через множество испытаний и бороться за выживание; что будут общественные возмущения и безработица... Что нас в самое ближайшее время ждет повышение цен на бумагу и на услуги почты... В общем, легкой жизни не предвидится.

* * *

Из записей, сделанных на курсах в АОН при ЦК КПСС в 1989-1990 годах...

«Круглый стол» «КПСС в современной политической ситуации»:

– Петух рассматривает любой предмет то с одной стороны, то – с другой: его глаз устроен так, что не в состоянии увидеть предмет целиком. Нечто подобное происходит сегодня и с нами, людьми: мы «схватываем» только часть явлений и событий, и поэтому наши представления о них бывают неполными, половинчатыми.

Это надо иметь в виду, оценивая дискуссии о состоянии и роли партии. Одни считают достаточным ее «косметический ремонт» – усовершенствовать технологию организации партийного дела; другие требуют существенного пересмотра функций партии, ее устава, членства; третьи готовы «по винтику, по кирпичику» растащить её, превратив в партию парламентского типа. Но ведь КПСС задумывалась как партия авангардного типа, она была и должна остаться руководящей, ведущей силой общества – ведь это правящая партия...

Суть проблемы состоит в том, что партия переживает самый глубокий кризис за всю свою историю, по сути, речь идет о ее политической судьбе.

* * *

«Круглый стол» «Национальная политика ЦК КПСС в современных условиях». Суть разговора:

Вспомним – что было: морально-политическое единство советского общества, новая исторически сложившаяся общность людей – советский народ... Убеждали себя и других – все так и есть.

Что стало? Необъявленная война в Армении и Азербайджане, с обеих сторон по 30 тысяч вооружённых боевиков и в общей сложности 600 тысяч беженцев (они уже есть и у нас в Павлодаре); беспокойно на Кавказе и в Закавказье; прибалты взяли курс на полную независимость... То есть, речь идет о целостности СССР..

Что же с нами произошло? Может, безоглядная демократия виновата? Или и не было его у нас, монолитного един-

ства, как не был, по сути, решен национальный вопрос? Центр виноват или шовинисты, националисты, сепаратисты всех мастей?

Много чего было на этот счет сказано... Да, многие народы впервые обрели государственность в составе СССР, республики получили юридическое равноправие. Но всё и всегда решалось в центре, а национально-самобытное нивелировалось, стиралось, приводилось к общему... В разные времена под разными предлогами были депортированы целые народы: немцы, чеченцы, ингуши, калмыки, литовцы, эстонцы, латыши, турки-месхетинцы. Проблемы национальных отношений периодически возникали и раньше, но решались жесткими репрессивными мерами... За патриотические речи, которые сегодня открыто звучат в ряде союзных республик, в былые времена ораторы точно схлопотали бы срок...

Что делать? Есть уже специальная программа гармонизации межнациональных отношений – плод коллективного труда с участием союзных республик, но по ряду параметров она уже устарела. Кардинальной же мерой должно стать перезаключение Союзного договора: надо идти к обновлению Союза, при этом Центр должен согласовывать все свои шаги с республиками, учитывая местные условия и особенности каждой... Таким был общий вывод участников «круглого стола».

Говорилось на нем о ситуации в Прибалтике и проблеме возрождения немецкой автономии.

Прибалтийские «народные фронты» начинались с движений в поддержку перестройки, а трансформировались в хорошо отобюрокразированные организации, не скрывающие, что их главная цель – выход трёх республик из состава СССР. При этом «фронты» не останавливались ни перед чем, считая, что для достижения этой цели все средства хороши.

Проблема возрождения немецкой автономии в Поволжье зашла в тупик. Эта идея была однозначно отвергнута на сессиях облсоветов народных депутатов в Саратове и Волгограде... Организация советских немцев «Возрождение» посчитала в этих условиях невозможным вести какую-то дальнейшую подготовительную работу по воссозданию автономии. Усилились эмиграционные настроения среди немцев...

Кстати, из Павлодара в Москву я летел в одном самолете с большой, человек в 15, группой немцев, навсегда покидающих Казахстан. В аэропорту их провожали еще человек 20: все они то обнимались, то плакали, то пели... Их чувства можно было понять: тяжело уезжать, не зная, как примет тебя историческая родина и станешь ли ты там своим; и оставаться тяжело, если не сумеешь забыть, как оказался тут и сколько лет был человеком второго сорта...

Теперь предлагалось созвать съезд немцев и учредить на нем национально-культурную автономию – с правами автономной республики, но без территории...

Еще предлагалось создать Госкомитет по делам национальностей СССР.

* * *

Из выступления председателя Госкомитета СССР по труду и социальным вопросам Щербакова:

– Единственный способ ускорить наше продвижение вперед в экономике – добиться того, чтобы каждый из нас иначе повел себя по отношению к труду, стал работать более производительно и эффективно. Эту задачу не решат ни бог, ни царь и не герой – только рынок.

– С переходом к рынку появится категория безработных, за рабочие места придется бороться...

– Нам придется научиться жить в условиях «плавающих» цен.

Еще Щербаков привёл такую ужасающую цифру: 41 миллион человек в СССР находился за чертой бедности, то есть практически не сводил концы с концами.

Он же – о кооперативах:

– В Москве все началось с кооперативного кафе на Кропоткинской. Цены в нём – заоблачные, а документации никакой: ни счетов клиентам не полагается, ни отчётов. Это, конечно, ненормально.

– Один из первых успешных кооператоров Артём Тарасов ежемесячно получает от 500-600 тысяч до 3 миллионов рублей. Его компаньон – коммунист – с одного из своих заработков уплатил около 90 тысяч рублей партийных взносов. Это при средней зарплате по стране в 240 рублей.

* * *

О газетных делах:

Дефицит бумаги в стране в этом году – 350 тысяч тонн. Незапланированный ее расход связан с публикацией стенограммы первого Съезда народных депутатов СССР – это 86 полос в «Известиях», выходящих тиражом свыше десяти миллионов экземпляров. А впереди аналогичный российский съезд, очередной съезд КПСС... Встал вопрос об уменьшении числа изданий и сокращении периодичности их выхода.

В условиях ухудшающегося финансового состояния областным газетам рекомендовалось до 50 процентов газетной площади отдавать под рекламу.

После этих слов редакторы недовольно зашумели: «Да где ж ее столько взять?».

В ходе дальнейшего обмена мнениями некоторые из нас настаивали на встрече с М.С. Горбачевым, но её не стоялось. Надо полагать, сам Горбачёв не захотел... И, по-моему, зря: интересный мог получиться разговор...

Собратья-редакторы делились своим опытом: кто как ставит работу и зарабатывает дополнительные деньги. Где-то уже отказались от отделов, ввели систему контрактов, стали публиковать платные материалы...

Из выступления редактора «Биробиджанской звезды» (Еврейская автономная область) узнал, что евреев в этой области лишь четыре процента, а население – 200 тысяч, на треть меньше, чем у нас в Павлодаре.

* * *

Из выступления министра здравоохранения СССР И.Н. Денисова:

– В США тратят на здравоохранение десять процентов валового национального продукта, а у нас – три... Средняя зарплата по стране была: в 1970 году – 122 рубля, а у медиков – 88; сейчас: в стране – 240, а у медиков – 170.

Доля госбюджета в финансировании здравоохранения будет постоянно уменьшаться: в 1993 году – до 70, а в 1998 году – до 50 процентов, остальная часть будет покрываться за счет других источников. (В том числе, насколько я понял, из наших карманов. – Ю.П.).

– В США до 40 процентов операций делается в условиях поликлиник, а у нас таких только три процента. Отсюда и сверхзатраты.

– В США 650 тысяч врачей, мы такое количество подготовили всего за десять лет, а всего их у нас один миллион 260 тысяч. Надо ли столько?

– Ежегодно в СССР делается семь миллионов аборт, которыми заняты ежедневно 3,5 тысячи врачей-гинекологов.

– Создаваемые медицинские кооперативы работают в наших помещениях, на нашей технике и при этом дерут с пациентов по три шкуры...

– Анатолий Кашпировский – талантливый и неординарный человек. Но не всё так просто с его сеансами... Вчера мне звонил Иосиф Кобзон с просьбой оградить Кашпировского от нападков. Мы определили пять специализированных НИИ, которые детально займутся анализом эффективности методик лечения Кашпировского...

Я помню: мать нас всех усаживала по вечерам у телевизора на сеансы Кашпировского. Не заметил каких-либо изменений в своем самочувствии, а вот музыка и впрямь была хорошая – успокаивала, убаюкивала. Еще мать ставила заряжать воду у телевизора во время утренних сеансов Алана Чумака, который уверял, что она обладает чудодейственной силой... Теперь в ходу шутка: «Чума(к) XX века...».

* * *

Отто Лацис – замредактора журнала «Коммунист», промывал нам мозги по части экономики:

– Никакой планово-рыночной экономики не существует, это определение – лишь идеологическая уступка отечественным ортодоксам... Экономическая «чрезвычайка», оправданная в годы войны, абсолютно неэффективна уже более сорока лет... Наша экономика сверхзатратна, а потому неэффективна... Начиная с семидесятых годов, страна держится на плаву во многом благодаря продаже за валюту тюменской нефти: только с 1970 по 1983 год ее было продано на 170 миллиардов долларов, но и ими прежнее руководство страны не смогло эффективно распорядиться... А теперь цена на нефть упала почти втрое и, образно говоря, наша экономика, лишившись нефте-

газовой кислородной подпитки, стала попросту задыхаться. Дефицит бюджета в прошлом году составил 92 миллиарда рублей, в 4,5-5 раз больше того, что мы можем себе позволить. Это 11-12 процентов валового национального продукта, настоящая катастрофа для страны – подобного нет нигде в мире.

– Потери от антиалкогольной кампании (хотя пить в стране, как мы с вами знаем, меньше не стали) составляют ежегодно до 30 миллиардов рублей... Чернобыль обойдётся Союзу минимум в 120-150 миллиардов рублей... Почти разрушен товарный рынок... Усугубляет ситуацию ажиотажный спрос: например, в прошлом году стирального порошка продано на треть больше, чем в предыдущем. Но ведь стирать-то больше не стали! Все делают запасы на «черный день»...

– Одна из главных наших бед – нерациональная структура производства: гигантские вложения в капитальное строительство не дают быстрой отдачи. Особенно много таких проектов в системе Минводхоза, их проектная окупаемость – 20-25 лет, а реальная – до ста лет... Минводхоз – типичный бракодел, рекордно затратный...

– Все у нас поставлено с ног на голову. В мире дорогое жилье, продовольственные товары, а промышленные, напротив, относительно дешёвые. Я купил в Гамбурге за десять марок булку ржаного хлеба и за ту же цену – приличную рубашку. А у нас хлеб в продаже не стоит почти ничего, именно поэтому и скармливается ежегодно скоту до трех миллионов тонн печёного хлеба.

– У наших людей 350 миллиардов рублей на книжках и 170 миллиардов в чулках и на руках, но эти деньги не обеспечены товарами...

– Райских экономических систем не бывает, вот и рыночная будет устанавливаться болезненно и трудно... Но иного пути нет, потому что мы имеем худшую из всех существующих...

* * *

Из выступления главного редактора «Правды» академика И.Т. Фролова:

– «Правда» – ломовая лошадь партии... Мы взяли на себя основной груз дискуссий по предсъездовской платформе и новому уставу партии. Три раза в неделю даем информационные

листки, работаем с большим напряжением, но зато растёт авторитет газеты. Поток писем за последнее время увеличился втрое...

– Нам нелегко: все атаки на партию автоматически переносятся и на «Правду»... На иных демократов одно упоминание «Правды» действует как красная тряпка на быка...

– Наша задача – и дальше рассказывать «Правду»: партийная газета сегодня должна быть народной...

– О Ельцине. На Западе многие известные политики удивляются нам: как вы можете уделять столько внимания этому человеку, всерьёз его воспринимать... Некоторые страницы из книги Ельцина «Исповедь на заданную тему», по сути, аморальны.

* * *

Из выступления И.Ф. Шилова – первого заместителя министра внутренних дел СССР:

– Несколько сообщений из сводки происшествий за минувшие сутки:

– В Литве 20-тысячный митинг протеста против сепаратистской политики В. Ландсбергиса; в Эстонии идет незаконная запись добровольцев в отряды самообороны (каждому обещаны бесплатное питание и средний заработок за время нахождения «на службе»); группа армянских боевиков захватила пять армейских танков; митинги в Армении, Белоруссии, Крыму, Грузии; за сутки совершено 32 убийства...

– Рост преступности по стране с 1988 года – в среднем на 30 процентов ежегодно, в городах этот рост ежегодно – в два раза и выше...

– За 1989 год зарегистрировано более 80 случаев захвата заложников.

* * *

Блестящая речь министра образования Г.А. Ягодина. Она так хороша, что сложно описать – лучше бы послушать каждому этого замечательного оратора. Я еще подумал: вот кому надо ведать идеологией партии.

Г.А. Ягодин сказал, что высший стимул для учителя – востребованность образования (и образованности) обществом. У нас же сегодня средняя зарплата по стране – 260 рублей, а учителей – 204...

* * *

Из выступления зампреда Госкомитета СССР по ценам (фамилию не расслышал):

– Народное хозяйство разбалансировано, кризис в экономике усугубляется. Мы оторвали зарплату от реального производства: денежные доходы в целом по стране растут на 13-15 процентов в год, а производительность труда падает. Это – гибельный процесс.

– Розничные цены на продовольствие дотируются на 60-70 процентов. Мясо, например, должно стоить не меньше девяти рублей за килограмм... Но дотирование не может быть бесконечным – цены на то же продовольствие уже в ближайшее время вырастут вдвое. Для кого-то они станут неподъёмными. Значит, опять нужны будут компенсации, и надо определяться – кому и какие?

– В аппаратах управления всех уровней в целом по стране занято 18 миллионов человек. Это – непозволительная роскошь.

* * *

Из выступления секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро В.А. Медведева:

– Обстановка в стране исключительно сложная: продолжается общественно-политический кризис.

– Идет рост оппозиционных настроений по отношению к партии и власти.

– Самая опасная сегодня – партия недовольных.

– Переход к регулируемому рынку – необходимость, другого пути просто нет.

– Взаимодействие партийных комитетов и их газет должно стать иным, у редакторов должно быть больше самостоятельности и ответственности... Но партия должна сохранить за собой основной массив прессы.

* * *

Из выступления секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро Г.В. Семеновой:

– В нашей стране женщин на 17 миллионов больше, чем мужчин.

– Женщины составляют 35 процентов партии, среди них меньше желающих выйти из партии и больше желающих всту-

пить в нее... Особенности женского ума и природы таковы, что именно женщины могут стать гармонизаторами общества. Однако в 125 крайкомах и обкомах партии нет ни одной женщины – секретаря обкома-крайкома.

– Анализировал ли вообще кто-нибудь, как складываются судьбы женщин – партийных работников? А ведь это, зачастую, поломанные, искалеченные судьбы.

– Первыми при переходе к рынку пострадают женщины...

* * *

Из выступления секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро О.С. Шенина:

– Идет организационное объединение антикоммунистических сил, цель которых – убрать компартию с политической арены, сменить действующий в стране социалистический строй, капитализировать общество. В проекте новой конституции России никакой советской власти не предусматривается: будут президент, губернаторы, мэры, произойдет полная ломка действующей системы...

Вопрос из зала:

– Не правильнее ли будет признать перестройку политической ошибкой и не поправить дело, пока есть силы?

О.С. Шенин:

– В принципе я за тот курс, который мы взяли в апреле 1985 года. Но наше общество действительно больное, поэтому я сторонник чрезвычайных мер. Генеральный секретарь считает, что так действовать нельзя, но, я думаю, мы к этому все равно придём, вынуждены будем восстанавливать конституционный порядок. И тут не надо армии и танков, просто должны действовать, выполнять свои обязанности правоохранительные органы.

* * *

Встреча с Председателем Совета Министров СССР Н.И. Рыжковым – кандидатом в Председатели Верховного Совета России. Вблизи Н.И. оказался совсем небольшого роста; демократичен, элегантен, обаятелен. Во главе правительства страны он уже пять лет и хорошо знает, что такое власть. Его кандидатура на Съезде народных депутатов СССР выдвигалась на пост Президента, но он ее снял. Теперь, видя, в каком состоянии находятся СССР и Россия, решил вступить в борьбу; об

этом, кстати, его просили многие трудовые коллективы и общественные организации. Н.И. говорил нам, что на этих выборах речь идет не столько о личности будущего президента, сколько о том пути, по которому пойдёт Россия.

Н.И. Рыжков назвал цифру: сейчас в стране более 700 тысяч беженцев. Ничего подобного у нас не было со времени Великой Отечественной войны.

* * *

Из выступления М.Ф. Ненашева – председателя Госкомитета по делам печати и книжной торговли:

– Пресса не может быть благоднее самой жизни. И когда нам говорят: «А вам не надоело все это показывать, обличать, чернить?» – мы вправе ответить: «А вам не надоело так жить?». Хотя справедливо и то, что пресса не только отражает, но и формирует, творит общественное мнение, а сегодня пытается и довлеть над обществом.

– Во взаимоотношениях партии и партийных СМИ первичны положение самой партии, ее умение и способности. Это не СМИ отошли от партии, а она оказалась не готова работать с ними по-новому в новых условиях. Отсюда – новая страсть к партийной директиве, резолюциям-указаниям...

– Происходит снижение качества гласности как главного достояния перестройки. Формируется слой журналистов, готовых лишь обличать, рассуждать, причём хлестко, с крайностями, и совсем неспособных на серьёзный анализ проблем в экономике и в обществе.

– Мы столкнулись с абсолютно новой ситуацией. Появилось огромное количество вновь созданных СМИ. Их издают общественные организации, редакции и издательства, ассоциации и кооперативы, совместные предприятия, партии, религиозные организации, частные лица... Многие из них ищут популярности на ниве оппозиции... И этот процесс сегодня абсолютно неконтролируем...

М.Ф. Ненашев был редактором «Советской России», сделал эту газету острой, интересной, очень популярной. О ее нынешней позиции отозвался очень сдержанно: судя по всему, ее консервативно-патриотическая линия ему не по душе. А вообще он большой умница, я люблю его читать и слушать...

* * *

Встреча с лидерами Компартии России И.К. Полозковым и Г.А. Зюгановым.

Первый баллотировался в Председатели Верховного Совета России. Говорил он многозначительно, с усмешкой, мучая при этом в руках микрофон. Я никак не мог отделаться от мысли, что мне неприятна его манера общения с аудиторией, а ведь для политика и это имеет большое значение.

Зюганов – плотный, массивный. Отвечал на наши вопросы жестко, эмоционально, чаще всего убедительно. Сразу подумалось: не Полозкову, а ему надо быть первым... Однако пленум Российского ЦК рекомендовал именно Полозкова, и теперь они с Зюгановым выступают в жёсткой сцепке. Оба уверены: люди сегодня больше всего боятся неуправляемости в стране, разгула преступности, конфликтов на национальной почве, поэтому срочно нужен закон о защите конституционного строя и прав человека, где бы он (человек) на территории СССР ни находился.

Как же так получается, спрашивали мы: КПРФ выдвинула Полозкова, но поддерживает и Рыжкова, который, в свою очередь, говорит о том, что он независимый кандидат? Нам отвечали: тут есть своя стратегия и тактика, нюансы которой оба кандидата открывать не намерены...

– А если победит Ельцин? – спросил кто-то из зала.

– Мы просчитали семь вариантов развития, располагаем всей информацией и надеемся на более благоприятный исход, – последовал уклончивый ответ. – Если же придёт Ельцин, то плохо будет всем, а не только коммунистам.

Общее впечатление от встречи: оба – эрудированные, уверенные в себе, хорошо подготовленные политики. Никакие они не мальчики для битья. Но вот только удастся ли им убедить в своей правоте большинство россиян?

* * *

И.И. Скиба – заведующий агропромышленным отделом ЦК КПСС:

– Сегодня страна потребляет продовольствия, завозимого из-за рубежа: мясопродуктов – более 12 процентов, молока и молочных продуктов – 15 процентов, яиц – почти 28 про-

центов... Не будем лучше работать – и есть лучше не будем. Главная задача дня – поддержать село ресурсами и установить паритет цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства.

* * *

В.А. Михайлов – заведующий отделом межнациональных отношений ЦК КПСС:

– То, что происходит в Закавказье, – не межнациональный и не межэтнический конфликт. Это противостояние республик и центра, это проблемы национально-государственного устройства, где много объективного и субъективного...

– Ленин назвал Россию «тюрьмой народов» в полемическом запале, а потому в значительной степени неоправданно. Россия не только вобрала в себя, но и сохранила массу народов – это был процесс многозначный и многосложный... Если бы большевики не поняли суть запросов наций, они бы никогда не победили: национальное самоопределение – это был едва ли не главный лозунг социалистической революции. И если бы мы два года назад сказали Прибалтике, Закавказью, Молдавии: поступайте как знаете, хотите – оставайтесь, хотите – отделяйтесь, это ваше право – многое сегодня было бы по-другому... А то, что сейчас происходит в межнациональных отношениях, – естественный и даже закономерный процесс...

– Мы все – участники исторической драмы, которая развивается не по классическим канонам, а по законам театра абсурда. И, может быть, самый главный дефицит сегодня – дефицит стратегического мышления, потому что все происходит так быстро, что не успеваешь это осмыслить, просчитать перспективу...

Наверное, не во всем можно было согласиться с В.А. Михайловым, а с чем-то совсем нельзя было согласиться, но пищу для размышлений его суждения давали богатую... Еще он процитировал историка Грановского: русский человек настолько талантлив, что у него в голове не остается места, где могло бы разместиться чувство меры... Это – точно про нас.

* * *

В.В. Бакатин – бывший министр внутренних дел, председатель Совета безопасности. Элегантен, подтянут, умён, от-

лично владел аудиторией. Хотя, как мне показалось, при этом несколько рисовался.

Он тоже подал заявку на регистрацию кандидатом в Председатели Верховного Совета России. Главный лозунг его предвыборной программы – согласие в обществе и опора на здравый смысл...

В.В. Бакатин подробно излагал нам свою программу. Вроде все логично... Но и у Рыжкова все логично, и у Полозкова с Зюгановым... А разве в заявлениях Ельцина нет никакой логики? Как во всем этом разобраться россиянам?

* * *

Заместитель Председателя Совета Министров СССР извинился перед нами за свой голос, пояснив, что просто охрип от бесконечных дискуссий:

– То, что происходит сегодня на продовольственном рынке, – еще не кризис, а только его начало... Госторговля почти полностью развалилась и требует срочного разгосударствления... Идет дикое обесценивание рубля... К концу года в стране может быть до 20 миллионов безработных – чем их кормить?

Похоже, В. Щербаков не собирался нас запугивать – просто был информированнее остальных.

* * *

Интересной была встреча с членами редколлегии «Советской России» (еще ее называют «Совраской»). Несколько лет назад эта газета опубликовала огромную, почти на целую полосу, статью преподавательницы вуза Нины Андреевой «Не хочу поступаться принципами», которую вскоре окрестили «Манифестом антиперестроечных сил». В «Правде» тут же появилась отповедь Андреевой – не менее пространная статья, авторство которой приписывали секретарю ЦК КПСС, одному из идеологов перестройки А.Н. Яковлеву. После чего на страницах этих двух газет развернулась бурная дискуссия: в «Правде» вовсю клеймили Андрееву и иже с ней, а в «Советской России» продолжали гнуть свою линию. Самое же удивительное – главный редактор «Совраски» В. Чикин не лишился при этом своего поста.

И вот он перед нами: высокий, кряжистый, седой, с крупными чертами лица... Такого впрямь не враз сшибешь. Говорит

отрывисто, коротко, без пояснений, будучи уверенным – его и так поймут:

– Мы не являемся всеми уважаемой газетой... Яковлев назвал нас самой реакционной газетой на крайнем крыле политического спектра... Мы же не скрываем, что «Советскую Россию» отличает определённая позиция. Для нас главное – забота о состоянии широкого слоя трудящихся, мы – за демократию в интересах большинства... Мы – не кучка узколобых догматиков и консерваторов, просто мы остаемся собой. Во времена застоя мы готовили строительный материал для перестройки, а получали за это немало неприятностей... Мы – за обновление социализма. Наша позиция востребована жизнью: огромное число людей просит нас дать им возможность высказаться. У нас в газете – треть вакансий, а материалов – в избытке, потому что получаем массу прекрасных писем... Мы могли бы выпускать отличную газету из одних писем – так их много. А наш тираж – два миллиона экземпляров – говорит сам за себя...

Можно сколько угодно критиковать газету за ее политическую линию и за ее содержание, думал я, слушая В. Чикина, но такая убежденность редактора и его команды в своей правоте не могут не вызвать уважения.

Помимо прочего, я вынес из этой встречи для себя то, что у «Совраски» можно поучиться работе с письмами.

* * *

Вообще же, «АОНовские» курсы были и интересными, и полезными, хотя и не могли дать ответы на все вопросы.

* * *

Съезд журналистов СССР.. Апрель 1991 года...

Думал, эта поездка в Москву как-то облегчит душу, ободрит, что-то прояснит... Все же – смена обстановки, перебивка сумасшедшего павлодарского ритма жизни, новые впечатления. Но – нет: дышать легче не стало. От Москвы осталось ощущение полного распада, неопрятности... И даже абсурда: доехав из аэропорта «Домодедово» до площади Маяковского на экспрессе, мы не смогли взять такси, чтобы добраться до гостиницы «Россия». Свободных машин полно, но везти не хотят – слишком близко, невыгодно. Так мы и тащились пешком

по ночной улице Горького (теперь, впрочем, уже Тверской) до «России».

В буфете гостиницы через полтора-два часа после открытия – шаром покати. В винно-водочных отделах магазинов – лишь коньяк «Наполеон» (и то не везде).

Зашёл к А.Г. Колодному в редакцию журнала «Советский Союз». Улица завалена грязными подтаявшими снежными кучами и мусором, дома обветшали... В редакции также царят неуют и запустение: журнал до сих пор не имеет учредителя, дела пришли в упадок, сотрудники и сам Александр Германович деморализованы. Будущее журнала, бывшего когда-то своего рода витриной СССР, туманно и непредсказуемо.

Главное впечатление о съезде журналистов: и в нашей среде – те же противостояние по лагерям, нетерпимость, разброд. Одни требуют немедленно отправить в отставку председателя Гостелерадио СССР Л.П. Кравченко (по определению демократов – консерватора и душителя гласности), другие выражают недоверие назначенному недавно министром печати РСФСР М.Н. Полторанину (тому самому, нашему земляку-казахстанцу, сподвижнику Б.Н. Ельцина и само собой – демократу из демократов). Кравченко вообще был едва ли не самой популярной фигурой на съезде. И хотя пощипали его демократы изрядно, он стойко держал удары, умело парировал острые вопросы и отстаивал свою позицию. У него было чему поучиться...

По правде говоря, я думал – наш Союз журналистов развалится. Но его удалось сохранить на новой – конфедеративной – основе. «Изменится ли что-нибудь после этого к лучшему?» – думал я, когда ставил свою подпись под документом об учреждении нового Союза...

Много было шума – и в речах, и в зале, что дало основание одному из выступающих заявить: «Давайте не будем превращать наш съезд во второй цирк на Цветном бульваре». (Мы заседали в здании общественно-политического центра Московского горкома партии, который расположен рядом с известным цирком).

Журналисты из стран Балтии, как они стали себя именовать, присутствовали на съезде уже в качестве наблюдателей, а не делегатов.

От руководства страны был и выступал председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов. Мы привыкли, если можно так выразиться, к его «телевизионно-экранному» образу, а на этот раз Анатолий Иванович предстал перед нами и просто как интересный собеседник – интеллигентный, обаятельный, остроумный. Цитировал Юлию Друнину и Булата Окуджаву; оказывается, и сам пишет – недавно выпустил сборник стихов.

Сам я ждал выступления М.Ф. Ненашева – председателя Госкомпечати СССР. Помнил его в качестве редактора «Советской России», следил за его публикациями, он выступал перед редакторами во время прошлогодних наших курсов в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Михаил Федорович говорил, что тяжело быть современником событий, нами переживаемых, а еще тяжелее летописать их; говорил о набившей оскомину оголтелой критике в прессе – неплодотворной и безрезультатной. Сообщил: только в Москве за последние пять месяцев зарегистрировано около двух с половиной тысяч изданий, более половины из них – новые (не партийные и не советские), в том числе примерно 200 – частные. В стране не хватает бумаги, она постоянно дорожает...

Из-за проблем с бумагой мы вскоре еще наплачемся. Редактор-сосед Ю.Е. Матвеев («Рудный Алтай», Усть-Каменогорск) жаловался: накануне съезда журналистов выпустили всего полгазеты – вышли форматом и объемом районки – нет бумаги. У нас ситуация была получше, но надолго ли?

Председателя правления Союза избрали на альтернативной основе. Среди претендентов был и декан журфака КазГУ М.К. Барманкулов (в пору нашей учебы заведовал кафедрой телевидения и радиовещания). А победил Э.М. Сагалаев – может быть, еще и потому, что в ту пору вёл на Центральном телевидении молодёжную передачу и таким образом стал известен всей стране.

* * *

В первый наш день в Москве, еще до открытия съезда, ходил с приятелями в ресторан Центрального дома журналистов. Нас было трое: Николай Богормистов, с которым мы когда-то «трубили» в сельхозотделе «ЗП», приехал на съезд из Кустаная,

а Валера Духанин – бывший собкор-фотокор КазТАГа по нашей области, уже давненько обосновался в Москве. Некогда знаменитый ресторан ЦДЖ, куда мы имели право доступа как делегаты съезда, являл собой остатки былой роскоши: холодный, неуютный, продымленный зал, минимум блюд при максимуме цен... Эту картину логично довершал respectable парень – официант в бабочке, еле-еле стоящий на ногах. Я еще подумал: где он, интересно, так сумел «набраться» при тотальном дефиците спиртного? Обслуживал он нас соответственно: примерно через полчаса после заказа принёс «судака по-польски», а еще спустя полчаса бутылку водки, за которой мы его отправляли трижды, а он всякий раз объяснял: «Ее как раз поднимают из подвала!». Да, такая теперь Москва...

Из других – несъездовских – событий запомнилось мое поселение в гостиницу. Было часа два ночи, когда дежурная, открыв своим ключом дверь, завела меня в номер, где на одной из кроватей спал абсолютно голый грузин. Похоже, мы его перепугали до смерти. Все же это было как-то не по-людски – подселать, да еще таким образом.

Я просил вообще меня поселить одного в двухместном номере, потому что ухитрился забронировать место в этой гостинице и для брата Петра – как гостя съезда. Он должен был прилететь через сутки из Усть-Каменогорска, а после моего отъезда отправиться по своим делам в Ленинград. В службе размещения подтвердили, что бронь на брата есть, но сказали – подходите, когда он придет, тогда и поселим вместе. Я им не поверил, а жить в разных номерах, встретившись на сутки, было бы в высшей степени глупо, и я решился на аферу, в результате чего – так уж вышло – и сам оказался без места. Дело было к вечеру, накрапывал дождь, когда я со своей дорожной сумкой пошёл слоняться по неприятной Москве. Ситуация была точь-в-точь как в театре абсурда. Проболтавшись часа два, я снова пришёл в гостиницу, и опекавшая меня доброхотка из Союза журналистов все же сумела вновь поселить меня – теперь уже одного в двухместный (с расчётом на брата) номер.

Потом я ездил в аэропорт – встречать Петра. Его рейс опоздал часа на два или три, и в гостинице мы оказались ближе к утру, но все равно были счастливы. Я плакался брату в жилет-

ку на свою несчастную редакторскую жизнь, он мне сочувствовал...

* * *

Вдруг вспомнил еще один из эпизодов последнего съезда Союза журналистов СССР. Знаменитый «правдист» Юрий Жуков, знакомый всей стране как неизменный участник телевизионных передач на международные темы, бродил по огромному залу – одинокий и неприкаянный, со звездой Героя Соцтруда на груди... И казалось, что он пришёл сюда из какой-то другой жизни...

* * *

Одна моя тогдашняя поездка в Москву по времени совпала с защитой Толей Егоровым, моим однокурсником по КазГУ и другом, его кандидатской диссертации в той же АОН при ЦК КПСС. Защита венчала собой и его двухлетнюю учебу в этом высшем партийном учебном заведении страны.

Толина судьба в Москве в последующие годы будет складываться очень и очень непросто. Но об этом, впрочем, я уже рассказал в другом очерке, посвящённом КазГУ...

А из той поездки запомнилось ещё, как я ходил на Рижский рынок, где впервые наблюдал всё то, о чём какое-то время спустя будет с гордостью рассказывать один из отцов либеральных рыночных реформ в России Е.Т. Гайдар. После отпуска цен он, проехав по московским улицам и увидев торгующих на них тряпьем пенсионерок, не мог не восхититься: вот, мол, оно как – даже 70 лет советской власти не смогли вытравить из них дух предпринимательства!

Так и на Рижском рынке торговали женским бельём, детской одеждой, польской жевательной резинкой, конфетами, которые я видел и в нашем «АОНовском» буфете, но там они были втрое дешевле...

Очень скоро такой «рынок» доберётся и до нас...

* * *

Несколько раз мы летали и ездили в Москву вдвоём с Ольгой... В первый раз – по всё той же путёвке ВДНХ, и нам достался в дешёвой гостинице вполне приличный номер. В день приезда набрели на замечательную старую церквушку, уютно схоронившуюся среди новостроек... Слонялись по Москве,

были на спектаклях в театре Ермоловой и Сатиры, ездили в Купавну.

Та поездка помнится ещё и тем, что в Москву с нами летела моя сестра Наташа, направлявшаяся в один из сочинских санаториев, а в столице нас троих встретил младший брат Пётр, приехавший из Ленинграда, где он учился в аспирантуре. И мы провели несколько часов вместе, проводили сестру во Внуково, откуда она улетала... Теперь, когда сестры уже нет, даже не верится, что всё это было...

В другой раз летали с Ольгой в Москву, можно сказать, по делу: подошла моя очередь на обследование в знаменитой офтальмологической клинике С. Фёдорова. Выяснилось, правда, что моему левому глазу помочь нельзя, но поездка всё равно была замечательная. Жили мы, благодаря А.Г. Коллодному, в «России», завтракали по утрам в гостиничном буфете с видом на Кремль... Ходили по театрам, добавив к уже знакомым театр имени Маяковского; на Арбат, где уже вовсю торговали шаржами и карикатурами на М.С. Горбачёва; на Пушкинскую площадь, где шустрые подозрительные личности распространяли оппозиционные газетёнки и брошюры сексуального характера, в которых искусство любви не только описывалось, но и наглядно демонстрировалось в рисунках...

Выстояли долгую очередь в «Макдональдс» – первый в СССР, цены в котором кусались... Но судя по наплыву москвичей и гостей столицы, желающих приобщиться к системе быстрого капиталистического общепита, это мало кого останавливало. Не могу сказать, что блюда «Макдональдса» пришлись мне по душе: далеко не гурман, я бы предпочёл съеденному мной «Биг-маку» нормальный бифштекс с яйцом... А вот что действительно понравилось – это организация и скорость обслуживания. Работали там в основном совсем молодые парни и девчонки, притом ловко, споро, едва ли не пританцовывая от усердия... У меня тут же вставали перед глазами буфетчицы из гостиницы «Россия» – их равнодушные, будто сонные, всегда недовольные физиономии; ленивые, нарочито замедленные движения. Плюс ко всему этому никудышный ассортимент и несуразно высокие цены...

Контраст был просто поразительный и не возникло никаких сомнений насчёт того, какая система обслуживания лучше – наша отечественная или «забугорная» капиталистическая...

Это были первые дни мая 1989 года... Первомайская демонстрация закончилась скандалом: последними по Красной площади шествовали «неформалы» разного пошиба – с трёхцветными, чёрными и другими флагами, а также хамскими лозунгами... И стоявшие на трибуне Президент СССР Горбачёв, члены Политбюро ЦК КПСС, председатель Моссовета вынуждены были покинуть её, не дождавшись завершения демонстрации, организованной в перестроечном духе...

Накануне произошла авария на Чернобыльской атомной станции, о которой не сразу сообщили, причём так, что далеко не все осознали масштаб той глобальной катастрофы...

Москва была уже голодноватая, теряющая столичный лоск... Но мы не очень обращали на это внимание: походом в театр отпраздновали годовщину нашей свадьбы и заодно день рождения сына Димки...

* * *

Дважды мы с Ольгой ездили в Москву на поезде – из Омска, с комфортом, в спальном вагоне. Удовольствие, конечно, не дешёвое, но оно того стоило: уютное купе на двоих, размеренный, убаюкивающий мягкий ход поезда, меняющиеся картины российской природы и жизни за окном. Ощущение комфорта и покоя... Раннее утро, где-то, кажется, в Пермском крае, неширокая речка, обрамлённая дремучим лесом... Высокий противоположный берег в тумане, едва видимый из окна. Какая-то нереальная, фантастическая картина...

Свою Москву нам показывал на этот раз старший сын Данил, перебравшийся в неё из Омска... Патриаршие пруды – те самые, где разворачивалось действие знаменитого булгаковского романа... Московские улочки в центре, по которым он ходил на работу... Дом, в котором он снимал первую комнату, из окна которой виднелся Кремль и была слышна музыка, льющаяся из открытых окон консерватории...

Наши с Ольгой поездки... В Тарусу, на Цветаевский костёр... Прогулки вдоль Оки, чем-то напоминающей наш Иртыш, и по большому запущенному парку и заросшим оврагам...

Большое старое кладбище в сосновом лесу... Могила Константина Паустовского, у которого был в Тарусе свой небольшой домик, где он подолгу жил и где теперь музей; могила дочери Марины Цветаевой Ариадны Эфрон, у которой, кажется, вообще никогда не было своего нормального жилья...

Бетонная площадка для танцев, залитая на месте старого деревянного дома Цветаевых, который все они так любили, особенно Марина и Анастасия... Кажется, здесь до сих пор витает их дух...

Старинная церковь на холме и каменные могильные плиты, разбросанные по округе...

У меня, ехавшего в Тарусу без особого желания, остались от тех нескольких дней самые тёплые воспоминания. А для Ольги Таруса стала едва ли не вторым домом... Хотя Цветаевские костры она проводит теперь и в Павлодаре...

...Наша поездка в Александров – по всё тем же цветаевским местам и неожиданное знакомство с Александровским Кремлём, основанным в пору российской смуты Иваном Грозным. Кремль этот со всеми его постройками – чудо из чудес.

В один из московских дней мы ходили на Новодевичье кладбище, где сами, без суеты и спешки, смогли поклониться могилам людей, бывших нашими кумирами и служивших нам примером в жизни.

Ольге очень хотелось самой найти могилу нашего земляка писателя Всеволода Иванова, о котором она много писала... Не один час мы бродили по кладбищу, открывая для себя всё новые и новые его страницы, и всё же нашли то, что искали – скромную могилу с камнем вместо надгробия и кустом колючего шиповника, который так любил при жизни Всеволод Иванов...

Жаль, что в последние годы по независящим от нас причинам мы больше почти не ездили вместе с Ольгой в такие путешествия...

* * *

С разрывом почти в двадцать лет побывал в знаменитых кремлёвских музеях – Алмазном фонде и Оружейной палате. В первом на меня произвёл самое большое впечатление причудливой формы золотой самородок, с многочисленными ответ-

влениями и пустотами весом, кажется, в 32 килограмма, а во второй – отнюдь не оружие, а старинные конные экипажи – не столько средства передвижения, коими они тоже были, сколько произведения искусства...

* * *

Из московских памятников больше всего люблю известный всем памятник Пушкину на одноимённой площади и памятник Гоголю, что неподалёку от Арбатской площади, во дворе дома, в котором он жил и умер. Гоголь здесь – согбённый, познавший тёмные стороны и несправедливости жизни и уставший от неё.

* * *

Москва новая – для меня во многом чужая, холодная... И дело не только в том, что это её политики сначала оставили меня без большой родины, которую я так ценил и которой гордился, а потом бросили на произвол судьбы – как и ещё 25 миллионов своих детей.

Нынешняя Москва со всем её внешним лоском и внешним благополучием в гораздо большей степени, чем в прежние времена, отдалена от большой России, живёт по своим правилам, и ей по большому счёту нет дела даже до остальных соотечественников. Что же тогда говорить о нас, живущих теперь за пределами исторической родины! Вот и моя родина – не Россия, в которой я был рождён, а Казахстан, в котором я почти всю жизнь живу...

Зато в Москве живёт мой старший сын, в уютном городке Троицке (теперь это район Новая Москва), почти в лесу – настоящем, сумеречном, вековом... А два других моих сына, живущих и работающих в Омске, бывают в Москве (по делам и не только) чаще, чем я в нашей новой столице Астане. Москва для них совсем не то, чем она была в детстве и юности для меня – даже тогда, когда я в ней ещё ни разу не бывал. То всё равно была «Дорогая моя столица, золотая моя Москва...».

Теперь она не моя, но я, как и прежде, люблю бывать в ней, худо-бедно освоил три её аэропорта, добавив к Домодедово ещё Шереметьево и Внуково. «Новоделъную» Москву я знаю плохо, а старая мне и теперь по душе... Недавно проехал из

Троицка до центра Москвы на машине – со старшим сыном и снохой, что-то узнавая, а что-то открывая для себя заново... Ехал и думал: как всё же хорошо, что Москва была, есть и будет. И что ей до каких-то моих воспоминаний, разочарований, обид...

Содержание

Парадоксы и контрасты Юрия Поминова, или Бытие, основанное на любви	3
Если нет искры в мозгу.....	10
«А бате было восемнадцать...»	97
Самостояние.....	118
Как наше слово отзовется.....	142
«Меня бог любит...»	149
Ужин с миллионером	161
Поговорим о странностях любви	168
«Хочешь, я тебе мальчика рожу?»	168
Очень жаль.....	174
Встреча.....	178
Песня.....	182
Прощальный привет.....	192
Нештатница	198
Куда уходит любовь.....	200
Глухие	201
Неотправленное письмо	203
Оля	204
Блёстки.....	205
Какая это была пара!.....	208
Учительница английского	209
Жили-нежили.....	211
Разошлись, не встретившись.....	212
Вика и лейтенант	213
Романтики	214
Прозрение	215
Тайна сия велика есть...	215
«Москва, как много в этом звуке...»	218

Юрий ПОМИНОВ

Что пройдёт, то будет мило

Очерки и рассказы

Автор с благодарностью примет отзывы
по адресу: rominov@inbox.ru

Технический редактор Г. Трубицкая
Набор текста О. Шаканова, Т. Сартакова
Верстка Н. Яницкая
Дизайн обложки А. Вус

Сдано в набор: 10.02.2014 г.
Подписано в печать 23.06.2014 г.
Формат: 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18
Тираж 500 экз. Заказ № 404ц
Отпечатано в ТОО «Дом печати»
140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, Ленина, 143.